

ДУБОВИТ
Приключения
сознания Гесвода

Annotation

Миры — загробный, и те что за ним. Боги и их создатели. Сны и реальность, ими сотворённая. И смерть, которая только начало.

Глава 1 СМЕРТЬ КОТОВАСИНА

Джинн спит в своём кувшине, который падает в бездну, и сон его — наш мир. Пока он не проснётся, вселенная будет существовать. Добрая фея поёт ему колыбельную песенку, порхая рядом на своих прозрачных крылышках. А ещё с ними вместе падает весёлый карлик, он заводит свой маленький, но мощный будильник...

В тридевятиом царстве, в тридесятом государстве, в тринадцатой федерации, в славном городе Сивокобылинске, что в Бредской области среди передовых числится, жил гражданин один — Гапа Котовасин. Прожил он жизни своей тридцать лет и три года, и хотя на печи особо не разлёживал, назвать преуспевающим членом социума его никто бы не решился. А разлёживать он больше предпочитал на диване. По годам его величали уже Агапоном Кузьмичом, но сам по себе человечком он был маленьким, неприметненьким. Досталась ему от родителей покойных квартира однокомнатная, в которой и жил-поживал он один-одинёшинец. Своей семьи Агапон Кузьмич не завёл по причине некоторой робости перед женским полом, а больше из-за природной своей лени-матушки. Друзей у него не то, чтобы совсем не было, но общался он с ними редко. Школьные товарищи в большинстве своём поразъехались кто куда, а те, что остались, все делом заняты. Кто бизнес ладит, чтобы жизнь свою на более высокий уровень поднять, а кто просто работает в поте лица своего, на хлеб с маслом да на бензин четырёхколёсному другу зарабатывает. И на Гапу-бездельника время своё, по секундам расписанное, редко кто тратить желает. А Агапон наш Кузьмич, перебивался случайными заработками. Время от времени устраивался куда-нибудь, вроде бы с серьёзными намерениями, но долго нигде не держался — надоедало. Была у него ещё на это уважительная причина — врождённый порок сердца, но это больше для отговорки, а так, моторчик Гапу не особо беспокоил. Давным-давно когда-то обследовали его эскулапы, выявили болезнь, освободили от исполнения почётной обязанности, да посоветовали и в гражданской жизни не перенапрягаться особо, коему распоряжению Агапон Кузьмич и следовал благополучно всю свою жизнь. И никаких беспокойств от недуга своего он не испытывал.

Но, к чести его, надо заметить, халевщиком и нахлебником Гапа не был, просто потребности у него имелись небольшие — поесть вкусно, да книжку интересную почитать, вот и всё. Ну, уж на эти скромные надобности Агапон Кузьмич себе зарабатывал, во всяком случае, на еду. А книжки покупал иногда, а чаще брал почитать у знакомых, но ведь так многие делают, и зазорным это в народе не считается. Тем более, что читал Гапа быстро и аккуратно, прочитанное возвращал сразу же, и даже, когда давали ему книжонку растрёпанную, ремонта требующую, оный ремонт своими силами производил. Литература ему больше нравилась увлекательно-развлекательная, нереальная. Фантастику, и научную и фэнтези, Гапа читал запоем, а иногда не стеснялся и детскими сказками увлечься. А порой и что-нибудь абстрактно-философское проглатывал, и даже понимал. Умом он обладал в этом направлении острым, всяческой метафизикой интересовался ещё со школьной скамьи. Но вот на практическую сторону жизни этого его ума не хватало, а вернее сказать, не было у него интереса к достижениям в реальной жизни. Поэтому и не преуспел он в ней. И даже читать об обычной жизни Гапа не любил. «Зачем читать о том, что и так можно в жизни встретить или по телевизору увидеть?» — говорил он, — «Интереснее то, что если и встречается, то где-то далеко, если и случается, то не с нами, простыми смертными». Разные

детективы и криминальные приключения обходил Агапон Кузьмич своим вниманием, а от историй про любовь он просто засыпал. «Я уж лучше кулинарную книгу почитаю, чем про любовь, — его слова, — и вообще, если уж людям приспичило сделать культ из физиологической потребности, так сделали бы уж лучше из еды!»

И нельзя сказать, что вот, Агапон Кузьмич любил поесть. Правильнее будет выразиться — он любил пожрать! Сам себя он называл великим жрецом, имея в виду вовсе не служителя какого-то экзотического культа. Культу еды, это да, служил самозабвенно. И когда его кто-нибудь называл любителем пожрать, Агапон Кузьмич делано обижался и говорил: «Это ты любитель, а я — профессионал!» В различных анкетах в графе хобби писал он: «пищеварение», иногда, если позволяло место, добавлял ещё: «и чтение». А ещё Агапон Кузьмич был спец. Не спец в каком-то деле, а поспать он тоже любил.

Вот такими скромными были его жизненные потребности, которые Агапон Кузьмич, как мог, себе обеспечивал. Ну, еще любил он поговорить с умным человеком об устройстве мироздания. Свои кое-какие суждения по этому вопросу у него, конечно имелись, но он никогда не спорил, отстаивая их. «Сейчас я считаю так, на основании того, что мне в данное время известно, но узнав ещё что-то, я могу поменять своё мнение». В общем был наш Агапон Кузьмич теоретиком жизни, но никак не практиком. То есть, какой стороной гвоздь в доску забить и тому подобные практические навыки у него имелись, ведь зарабатывать на свои скромные нужды ему приходилось по-разному. И основной принцип белковой жизни: «каждое живое существо, чтобы и дальше оставаться живым, должно питаться другими живыми существами», распространённый также и в жизни общественной он умом понимал, но вот на деле его использовал только лишь в отношении физиологической пищи.

Очень часто, лежа на стареньком скрипучем диване («а зачем мне новый, я ещё этот не до дна пролежал») в своей квартире, любил мечтать Агапон Кузьмич Котовасин, о том, чтобы оказаться ему на месте какого-нибудь героя прочитанной им фантастической книжки, в сказочном мире. И чтобы выпали на долю его интересные и познавательные похождения по невиданным местам, неопасные приключения с благополучным исходом, и, после всего этого, мирная спокойная жизнь в живописной местности по соседству с интересными существами — драконами (желательно, травоядными), колдунами (охотно делящимися своей мудростью), феями (добрыми) и джиннами (не меньше трёх желаний с кувшина). И даже мечом помахать гражданин Котовасин был не прочь, конечно, желательно волшебным. Вот вызывать какую-нибудь принцессу, чтобы на ней потом жениться, он вряд ли вдохновился бы. Если отправляться в поход, так уж за какой-нибудь волшебной книгой, чтобы, заполучив её, остаток жизни провести ни в чём не нуждаясь, изучая таинственные заклинания, открывая проходы в параллельные миры и вызывая оттуда различных существ для обмена опытом. Но, даже в самых смелых своих грезах, не предполагал Агапон Кузьмич, что большинство его мечтаний сбудутся. Правда, не при жизни. Но, не будем забегать вперёд.

Однажды, в один из последних погожих деньков осени рокового двухтысячного года, уже после объявленного, но несостоявшегося конца света, на который у Агапона Кузьмича были смутные не оправдавшиеся надежды, в культурной жизни города Сивокобылинска произошло одно событие. Косвенно оно и послужило началом приключений нашего героя. В город приехал зоотеррариум. Иногда гражданин Котовасин посещал подобные заведения, когда имелись деньги, но в данный момент он сидел на мели. В понедельник вечером Агапон Кузьмич зашёл к одному своему ещё школьному знакомому, Жоре Холодильникову,

чтобы отдать ему взятую во временное пользование и уже прочитанную книгу, и, если повезёт, раздобыть другую. Жора пришёл с работы не очень уставший, но заскучавший по общению, так как работал он ремонтником телеаппаратуры, но не по вызовам, а в мастерской, куда кроме пожилого приёмщика заказов почти никто не заглядывал, а его коллеги отличались, как на подбор, замкнутыми характерами. Поэтому он даже обрадовался Котовасину, несмотря на явно не взаимовыгодный повод его визита. Да и вообще, Холодильников всегда был радушным хозяином и весёлым собеседником. Сидя у него на кухне и попивая чай с испечённым вчера женой Жоры, Аллой, пирогом с яблоками, старые приятели беседовали о том о сём. Вернее, говорил в основном Жора, а Гапа только слушал, и время от времени кивал или поддакивал ему и иногда утвердительно мычал с набитым ртом, косясь на лежащую на соседнем табурете новую книжку. Такова, по исторически сложившейся традиции их приятельских отношений, была моральная плата за аренду печатной продукции.

— А мы в субботу всем семейством в зоотеррариум ходили, — сообщил помимо многого другого Жора, — змеек разных да ящерок дочкам показывали. Старшая боится, а младшая, ты прикинь, интересуется. Папа, а как эта называется, а как та.

Дочерям Холодильникова, младшей Варе и старшей Анфисе было соответственно пять и семь лет. Кроме них семейство располагало ещё десятилетним оболтусом Стёпкой, который благодаря счастливому стечению обстоятельств и, отчасти верному расчету Котовасина, болтался где-то на улице. Детей, как и любой другой дестабилизирующий фактор внешней среды Гапа не любил. «Дети — цветы жизни, — говорил он — но на эти цветы у меня аллергия». Но ведь не скажешь же такое школьному товарищу о его детях.

— А ещё там у них объява висит, требуется ночной сторож-смотритель, ночь через ночь, оклад тысяча восемьсот пятьдесят рэ. Я как увидел, сразу о тебе подумал, надо, думаю, Гапону сказать, ты же без работы сейчас. Они всю зиму у нас будут, вот и ты у них перезимуй. А что, работа не пыльная, денег, правда, маловато, но ты же не семейный, тебе хватит. Или ещё где-нибудь подработаешь, если подвернётся. Дело тебе говорю. Ты не тормози, завтра же сходи туда, это в доме культуры, пока никто не опередил. Будешь змеек да паучков сторожить, чтоб не расползлись по городу, не покусали кого. Ну, может, покормить их надо, не знаю, жрут они ночью? Главное, не перепутать, кого кем кормить, ха-ха-ха. И читай себе книжки сколько хочешь. А днём свободен, с девяти утра до полдесятого следующего вечера.

— Схожу, конечно. Это как раз для меня, инвалида умственного труда, — сказал Гапа, — а то летние заработки кончаются уже. А так хоть какая копейка капает.

Последующий после разговора вечер, а затем ночь и утро укрепили Агапона Кузьмича в срочной необходимости взять на себя заботы о братьях наших меньших — земноводных да пресмыкающихся. И, хотя оплата по нынешним временам была очень умеренная, но никаких других планов у него на предстоящую зиму не было. Утром, взяв все документы, которые могли понадобиться для устройства на работу, включая справку о состоянии здоровья, в оправдание того, что молодой и на вид нехилый и почти упитанный организм претендует на явно пенсионерскую должность, гражданин Котовасин отправился пытаться счастья. Вот на этом недлинном пути и подстерегала нашего героя стройная улыбчивая дама в балахоне с капюшоном и с косой в руках. Так и рухнул он на усеянный опавшими листьями тротуар улицы имени художника Петрова-Водкина.

Сначала тело Агапона Кузьмича не привлекло к себе должного внимания со стороны

прохожих, мало ли пьяных или еще каких граждан падают на улице, что же каждому уделять своё драгоценное время? Но вскоре среди проходивших мимо граждан, нашёлся некто, чья сознательность потребовала остановиться около упавшего незнакомого человека и обнаружить факт его отсутствия в живых. О чём этот достойный член общества и поведал окружающим. Те немедленно отреагировали на это прискорбное событие организацией возле тела усопшего стихийного и несанкционированного митинга. А вскоре скопление на ограниченной площади большого количества граждан привлекло внимание сотрудника милиции, и, так как собравшиеся не были вооружены и не выражали агрессивных намерений, он подошел узнать, в чем дело. Ещё этот доблестный сержант принял участие в нашем повествовании тем, что вызвал «скорую».

А вот что поведает нам об этом событии сам Агапон Кузьмич: «... прошел по инерции, уже не чувствуя ног, потом как-то сразу ощутил себя лежащим на тротуаре, а мир вращался вокруг меня, не давая взгляду зацепиться за что-нибудь. Потом все моё самоощущение сконцентрировалось только на зрении и слухе. Слышал я какую-то непонятную очень быструю музыку, а видел, как пространство передо мной стало наплывать на меня, но, не приближаясь, а наоборот, отдаляясь, и увеличиваясь, как будто на экране, когда камера даёт постепенное увеличение. Взгляд мой, почему-то исходящий не из глаз, а из солнечного сплетения, пронзал пространство на глубину не более миллиметра, но этот миллиметр был для меня бесконечно огромным расстоянием, как будто я сам уменьшился. Я летел через огромные пространства пустоты бесконечно долго, но в то же время сознавал, что остаюсь на одном месте — странное ощущение. Воздух стал видимым, как в жаркий день. Он был похож на скрученный в спираль жгут, который постепенно разматывался, а я находился в середине этого жгута...»

По всей видимости, Агапон Кузьмич описывает так называемый серебряный шнур, которым, согласно эзотерическим учениям, душа привязана к телу.

«...когда вернулось ощущение времени, я нашел себя среди небольшой толпы, собравшейся вокруг лежащего на тротуаре человека. Я чувствовал необыкновенную легкость и комфорт, от чего уже давно отвык, потому что не отличался хорошим здоровьем, и какая-нибудь часть тела постоянно напоминала мне об этом. Теперь же — никаких неприятных ощущений, когда к ним привыкаешь, перестаёшь их замечать, но если вдруг они исчезли, сразу это осознаёшь. Это ощущение поначалу так меня захватило, что мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что человек, лежащий на тротуарной плитке — это я. «Я умер» — пронеслась мысль. И не было испуга, во всяком случае, такого к которому я привык — участвующий пульс и перехваченное дыхание, только странное чувство далекой и даже безразличной потери — я ещё не привык чувствовать без участия гормонов тела. Я видел, тогда ещё так же, как и при жизни, и я слышал, но в тот момент, захваченный внутренними изменениями, я не прислушивался, о чём говорят окружившие моё тело люди. Я опустил взгляд, чтобы посмотреть на себя, как я теперь выгляжу, но ничего не увидел. Из фильмов у меня сложилось впечатление, что мёртвых не видят только живые, а сам я и другие души должны друг друга видеть. Смешно вспоминать, но тогда мой взгляд в поисках своего тела сделал полный оборот по вертикали на триста шестьдесят градусов. Оказалось, что я стал маленькой точкой, висящей в воздухе на той высоте, где раньше располагались мои глаза. Чтобы перемещаться, мои мысли давали те же команды, что и при жизни, только вот непонятно чему. Я думал, что мне надо пойти вперёд, свернуть в сторону, нагнуться или оглянуться, и точка из которой исходил мой взгляд, передвигалась так же, как если бы я

совершал эти действия при помощи тела.

Когда кто-нибудь шел прямо на меня, я первое время отскакивал с дороги, как если бы был живым. Но когда на меня наскочили сзади, и я не почувствовал, что через меня прошли, или что наоборот я прошёл через что-то осязаемое, только момент темноты, я сам попробовал пройти через живого человека. Сначала было трудно заставить себя сделать это, и я несколько раз отскакивал в последний момент. Люди двигались, и мешали мне сделать задуманное так медленно, как я сам хотел. Тогда я решил потренироваться на дереве. Я выбрал тополь, росший неподалеку, и стал медленно приближаться к его поверхности. Вот уже его кора в миллиметре от меня, ближе, ещё ближе... Темнота. Я внутри. Назад. Я испугался, но не так как при жизни, с учащённым сердцебиением, а просто мысль: «назад» резко сменила мою решимость поэкспериментировать. Так бояться даже не страшно. Ещё попытка. На этот раз я заставил себя остаться внутри дерева. Ничего, только темнота и запах свежей древесины, не знаю, чем я его чувствовал. Постояв внутри тополя, я вышел и двинулся на стоящего поближе человека. То же самое, что и дерево, только запах другой.

Вы наверно подумаете, вот, только умер и давай экспериментировать, так не бывает, должен испытывать какой-то шок. Как я потом узнал, шок бывает у всех, но у всех по-разному выражается. У меня, например, вот так. Некоторые паникуют, но быстро успокаиваются, в отличие от живых, у которых это состояние поддерживается и усиливается выбросом адреналина или других каких-то гормонов. Бойтся тело, ведь ему надо выжить. Это в него эволюцией заложено. А у мертвых страх это только мысль, которая сменяется следующей мыслью, и страх проходит. Представьте себе старую ленивую мышь, обожравшуюся и страдающую отдышкой. Она лежит на тёплом деревянном полу, её разморило, ей лень доползти до норки, и вот она видит кошку. Её мысли — медленно-медленно: «...кошка...», пауза, «...сейчас... съест...», зевает, «нет... мимо...прошла...», засыпает. У нас, мёртвых, почти так же. И не только страх, но и радость, горе, и даже смех. Позже, когда я уже привык быть мёртвым, я проанализировал свои чувства и понял, что это не совсем так. Ну, а пока мне показалось, что я стал совсем бесчувственным.

Тем временем прибыла «скорая», и моё тело погрузили на носилки, накрыли простынёй и загрузили в машину. Я увязался следом. Не то, чтобы я чувствовал такую уж сильную привязанность к своей брэнной плоти, просто я не знал, куда мне ещё пойти. Пока я был жив, я знал: мне нужно работать, чтобы обеспечить себя всем необходимым, чтобы и дальше оставаться живым. Теперь такая необходимость отпала, но я как-то на автомате старался держаться около своего тела. Это одно из проявлений посмертного шока, кстати, одинаковое для всех. Во всяком случае, я не встречал никого такого, кто, почивши, сразу же покинул бы своё тело.

Заскочить в «скорую», как если бы я был живым, я не успел, сработала привычка обходить стоящих на пути людей, да и в машине для меня вроде не было места, и поэтому я «побежал» следом. Так как от подобного «бега» я не уставал, я мог двигаться с такой же скоростью, как и «скорая», а, поняв это, попробовал и обогнать её. У меня получилось, и я решил как-нибудь на досуге испытать, какую максимальную скорость я смогу развить. Вскоре гонка мне надоела, и, поравнявшись с машиной, я нырнул сквозь её стенку и пристроился в уголке. Ведь много места мне не надо.

Потом было вскрытие. За этой процедурой я наблюдал равнодушно, а под конец даже заскучал. Ещё вызывали кого-то из милиции, чтобы установить мою личность. Им повезло, документы у меня оказались при себе, я ведь шёл устраиваться на работу.

После всех положенных формальностей моё тело отвезли на каталке в морг. Он представлял собой выложенное белым кафелем подвальное помещение с тремя рядами столов из нержавеющей стали, на один из которых мое тело и положили, накрыв простынёй. А я полагал, что в морге будет холодильный шкаф с выдвижными ящиками, как в фильмах. Когда санитары уходили, они, конечно же, выключили свет, но для меня освещение не изменилось. Я продолжал видеть так же, как будто в пасмурный вечер, когда солнце уже село, но темнота еще не наступила. Для зрения духов, оказывается, не нужен свет, и полную темноту я видел с момента смерти только тогда, когда оказывался внутри чего-либо. Да и то, так продолжалось недолго, позже у меня несколько изменились возможности зрения.

Кроме меня в подвале находился еще один клиент, но самого его я не видел, а только мог полюбоваться его телом. То ли он уже его покинул, то ли просто я не мог его видеть. Уходить от тела мне как-то не хотелось, и я продолжил экспериментировать с моим новым состоянием. Вспомнив, как я, пытаясь оглядеть себя, перекувыркнулся на полный оборот, я подумал: раз мне тогда не понадобилась опора, то мою точку восприятия не поддерживает какое-то бесплотное подобие тела. Она попросту парит в воздухе на высоте, где раньше находились мои глаза. Это должно означать, что я смогу летать. Но как этого добиться?

Когда мне понадобилось двигаться в привычном направлении, у меня не возникло проблем. Я просто думал так, как если бы я совершал это действие живым, и движение происходило само. А как мне надо думать, чтобы полететь, может быть попробовать «подпрыгнуть»? Я мысленно оттолкнулся от пола посильнее и действительно поднялся в воздух, даже чуть повыше, чем при обычном прыжке, но сразу же опустился обратно. Подвела инерция мышления. Еще несколько попыток, окончившихся тем же, убедили меня, что, раз я привык думать, что после прыжка сразу наступает приземление, то и теперь, когда на меня не действуют силы тяготения, я продолжаю думать так же. Надо как-то обмануть себя, например, представить себе лестницу, и подняться по ней. Но проблема заключалась в том, что я не мог закрыть глаза, у меня их попросту не было. Я пробовал смотреть в сторону, вверх, но всё равно; я знал, что этой лестницы нет, и не мог заставить себя думать так, как будто бы она была. Не помогла и мысль, что, находясь на верхних этажах больницы, и при этом, обладая способностью проходить сквозь пол, я фактически летал. Раньше, при жизни, я был лучшего мнения о своём воображении. Не знаю, сколько времени заняли у меня бесплодные попытки, но я перепробовал многое. Я «ложился» на пол, взглядом к потолку, и пробовал «лёжа» идти вперед. Потом я делал то же самое у стены, пытаясь представить, что она пол, и идти по ней. Ещё я полностью погружался в пол и, глядя вверх, выходил из него, надеясь незаметно для себя «выйти» выше пола. Наконец, я залезал на стол, и, глядя в потолок, шёл по нему, не видя, где он закончится. Это дало некоторые результаты. Пока я не видел, что «иду» по воздуху, я «шёл». Потом смотрел вниз и «падал». Но это убедило меня, что летать в моём состоянии возможно! И всё-таки я нашёл правильное решение. Я опустил взгляд вертикально вниз, и двигался некоторое время так, привыкая к пустоте внизу, которая меня держит. После этого я начал кувыркаться, чтобы потерять ориентацию в пространстве, потом резко остановился и двинулся вперед. И у меня получилось! От кувырков у меня, конечно, не было головокружения, ведь головы то у меня нет. Зато я потерял привычное направление, и двинулся под углом вверх. Поймав это состояние, я стал парить по моргу в разных направлениях. Мне так понравилось! Ради этого одного стоило умереть!

Освоившись с техникой полёта, я понял ещё один важный принцип движения духов. Для перемещения мне не надо «притворяться» в мыслях, что я иду. Нужно всего лишь, не знаю,

как это поточнее объяснить, притягивать взглядом, что ли, цель впереди себя. В общем, для себя я назвал это действие «камера-наезд». Если бы у меня имелись глаза, то это можно было бы назвать фокусировкой зрения. Таким же образом осуществляется и движение назад. Только, опять же, мешает инерция мышления, боишься стукнуться обо что-то, хотя стукаться и нечем.

Подвал мне вскоре надоел, и я «протаранив» потолок и ещё наискось несколько верхних помещений, вылетел на улицу. Давно наступила ночь, даже уже ближе к утру, и город был пуст. Освещение для меня оставалось неизменным, Приглядевшись, я мог рассмотреть любые мелкие детали лучше, чем прежним, живым зрением. Диапазон теперешней фокусировки взгляда оказался огромен. Можно смотреть вдаль, и видеть всю картинку целиком, а можно рассматривать строение отдельного листочка дерева с высоты птичьего полета, как под микроскопом. После нескольких минут полётов, я уже освоился со своими новыми размерами, точнее с их отсутствием. У меня появилась своя гипотеза насчёт принципа передвижения духов. Он основан на зрении, как ни странно это звучит. Живой человек, когда он смотрит на предмет, находится на одном конце взгляда, а рассматриваемый объект — на другом. Но внимание его концентрируется в точке, куда упирается взгляд. И если человек увлечён тем, что он видит, и все его мысли заняты этим, то дух его, в самом прямом смысле, тоже находится в этой точке. Он только связан с телом какой-то незримой связью, чем-то вроде радио. И, находясь вне тела, по этой связи управляет им. У мёртвого нет тела, этого якоря, который держит дух, и он весь находится на дальнем конце своего взгляда. Если, конечно, сам захочет. То есть, принцип движения таков: смотришь на предмет и выбираешь, если хочешь двигаться к нему, то ты уже там, если нет, то возвращаешься обратно. Потому, что ты уже был там, когда рассматривал этот предмет. Выходит, до момента, когда я осознал это, я, уже находясь в точке назначения, возвращался назад за своим несуществующим телом, и думал, что тащу его за собой. Вот что значит привычка. Сразу же отпал вопрос о максимальной скорости передвижения. Она просто мгновенна. Сколько времени уходит у живого на то, чтобы перевести взгляд? Доля секунды. Так ведь ему приходится ещё разворачивать неуклюжий механизм глазного яблока, фокусировать зрачок на нужное расстояние. Духу этого всего не требуется. Теперь мне понятно, почему я не видел других духов. Попробуй-ка, разгляди точку, не имеющую размеров, да ещё и мгновенно перемещающуюся в пространстве.

Но это открытие сразу же породило у меня целый ряд вопросов. Хорошо, я нахожусь там, куда я смотрю, но только если моё внимание сосредоточено на рассматриваем объекте. А где бываю я, когда размышляю, то есть смотрю и не вижу? Когда мои мысли заняты чем-то внутренним. Ладно, у живого — понятно. Его дух в такие моменты находится внутри, в собственном мозгу, в глубинах памяти или мыслительного аппарата. А внутри чего нахожусь я, бестелесный? То есть, понятно, что внутри самого себя, но какое место в окружающем пространстве занимает та точка, которую я считаю собой? Может там, где мой взгляд остановился в последний раз? Вот сейчас я как раз задумался и перестал следить за окружающим. Где я вернусь к действительности? Ха, в морге! Привычка! Всю жизнь я считал местом пребывания своего «Я» тело, и вот теперь вернулся к нему. А ну-ка, теперь попробую обратно на то место, которое я запомнил последним во время моей прогулки. Получилось. А можно в какое-нибудь ещё место? Я представил себе свою квартиру, и сразу же оказался дома.

Всё было таким же, как я оставил, уходя на роковую прогулку. Интересно, кто здесь

будет жить теперь, ведь у меня нет наследников. После смерти обоих родителей я не поддерживал связь ни с кем из родственников. Вряд ли их будут разыскивать. В наше время урвёт кто-то из крутых, или из начальства, кто сможет, и будет пользоваться и в ус не дуть. Сам, конечно, не поселится, зачем крутому однокомнатная квартирка. Продаст, скорее всего. Ну, наведуясь потом, посмотрю.

Я вылетел через стену третьего этажа, и отправился бродить по уже утреннему городу. Бродить, это я, конечно, по привычке выразился. На самом деле, я просто смотрел на то, что привлекало мое внимание, и так, короткими перебежками, двигался без какой-либо цели. А чем ещё заняться покойнику? Душа, как выяснилось на практике, не умирает вместе с телом, а слоняется без дела по миру и мается от скуки. Я даже спать не могу, нет организма, которому требуется отдых. Интересно, долго так будет продолжаться, или есть ещё вторая, окончательная смерть? А может не вторая, а третья, десятая? Или, может быть, это мой персональный ад, за то, что жил неверующим? Был материалистом — вот тебе материалистская загробная жизнь, без бога, ангелов, чертей и прочей религиозной атрибутики. Верил в свой разум — вот тебе! Только разум и остался от тебя. Разум и материальный мир, и делай, что хочешь с этим подарочным набором. У тебя в распоряжении вечность. Можно, конечно, путешествовать по миру, посмотреть разные страны. Этаким загробным туризмом заняться. Ещё можно бесплатно в кино ходить. Можно книжки читать. Пристроился над плечом у какого-нибудь книголюба, у кого поинтереснее книга, и читаешь с ним вместе. При жизни мне бы такое предложили, я рад был бы несказанно. Но сколько так может продолжаться? Тысячу лет? Больше? И всё это без сна, то есть, примерно на тридцать процентов дольше время тянется, чем мы привыкли ощущать. Один мой знакомый, очень деятельный человек, говорил: «Жизнь нужно прожить так, чтобы в аду не было мучительно больно, а можно было, наконец, расслабиться и отдохнуть!». Вот бы он узнал, какими пророческими оказались его слова! А где-то по земле скитаются, наверное, многие миллиарды таких же, как я духов. Все те, кто умер на протяжении всей истории человечества. И мы друг друга не видим. Я ведь никого из «своих» ещё не видел. При жизни я был малообщительным человеком, но то совсем другое дело. У меня всегда оставалась возможность общения, даже если бы я вообще никогда ей не воспользовался. Теперь такой возможности нет. А интересно, если предположить, что душа вечна, что со мной будет, когда Земля исчезнет. Я где-то читал, что через четыре миллиарда лет Солнце или погаснет, или взорвется, не помню точно. Так и останусь болтаться в космосе? С другой стороны, а если бы я был верующим и праведником, и попал бы в рай? Пусть там даже очень, невообразимо хорошо, но вечность — это всё-таки многовато. За такой срок любое блаженство успеет надоесть. Или может быть мир устроен по-индийски, и я заново вселюсь в новое тело? Как это правильно сказать: рожусь или рождусь, я никогда не слышал это слово в будущем времени. И никого нет из мертвых, потому, что все уже переродились заново, один я такой необразованный, не знаю, как это сделать. Ну, посмотрим, что дальше будет, может, обучусь ещё непростому ремеслу загробного существования.

Опять я задумался, и, оторвавшись от окружающего, вернулся к своему телу. Интересно, когда его закопают, потом оно разложится, куда я буду возвращаться в такие моменты? Скорее всего, я отвыкну от тела через какой-то промежуток времени. Так, где я помню себя последний раз? Ага, на аллее на проспекте Луначарского. Туда! Судя по одежде прохожих, денёк сегодня выдался тёплый и ясный, что большая редкость в такое время года. Я же не мог ни чувствовать солнечного тепла, которым напоследок погода одаривала живых, ни

увидеть пасмурно сегодня или безоблачно. Ну, то есть, посмотрев вверх я, конечно, видел облака или чистое небо, но я о другом. Пока это не отнято, не понять, той простой внутренней радости от прогулки в ясную погоду. Я же теперь мог отличить день от ночи, а ненастье от хорошей погоды только по косвенным признакам. Конечно, погода влияет на настроение больше по биологическим, чем по эстетическим причинам, но ведь у меня всё ещё осталась привычка радоваться солнцу. Опять инерция мышления. Быть может, через определённое время мне будут больше нравиться гроза, ураган, метель, потому что они гораздо зрелищнее. Ведь мне осталось доступно только визуальное удовольствие, и не испытывая неприятных ощущений от такой погоды, я буду с нетерпением её ожидать, чтобы полюбоваться буйством стихии. А потом мне всё наскучит и приестся, и я буду находить удовольствия только в катастрофах. Буду с интересом наблюдать за гибелью людей во время землетрясений, наводнений. Я то знаю, что их ждёт после смерти, поэтому мне не будет их жаль. Сопереживать ведь можно, только если сам подвержен возможности оказаться на месте другого. Или хотя бы представляешь себе его внутреннее состояние. Вот, например, вы не боитесь темноты. Будите ли вы всерьёз переживать за кого-то, кто её боится? Так и мёртвый не может сочувствовать страху смерти. Разве что им будет больно перед гибелью тела. Но я успею забыть, что такое боль...»

Глава 2 ВОСПОМИНАНИЯ

В сладкий сон джинна, как трубный глас апокалипсиса, врывается сирена будильника. Звуковой волной фею сносит в другую реальность. Джинн просыпается, видит вокруг лишь стены своего керамического плена и пытается вспомнить: что же ему снилось? Что-то интересное...

Поздняя осень. Земля оделась украденным ветром у деревьев плащом из листьев. Его складки шелестят под ногами прохожих, проходя очередной этап в круговороте жизни и смерти, перед тем, как стать перегноем. Готовится к этому этапу и тело гражданина Котовасина, лежащее в морге. Все необходимые формальности позади, близкие, а также дальние родственники, желающие совершить погребение Агапона Кузьмича согласно своим семейным традициям, не обнаружены и тело решено похоронить за казённый счёт. И не поступило в морг на тот момент разнарядки на неостребованные трупы, так необходимые для современной науки медицины, чтобы тренировать начинающих хирургов. А сам вечный и нетленный бывший хозяин семидесяти с лишним килограммов белковой структуры в это время находился в кругосветном путешествии по памятным местам человеческой цивилизации. Много интересного и увлекательного, даже познавательного увидел он на родной планете. Многие пробелы в полученном при жизни образовании он заполнил. Отсутствие сна, утомляемости, мгновенная скорость перемещения и многие другие преимущества бестелесного образа существования позволили Агапону Кузьмичу за месяц с небольшим получить и обработать такое количество информации, на которое при жизни ему вряд ли хватило бы и нескольких лет. Непрерывный круглосуточный мыслительный процесс растянул его субъективное восприятие времени так, что он уже успел привыкнуть к небелковой форме существования своего разума. Гражданин Котовасин перестал, задумавшись, возвращаться к своей брэнной плоти, и дух его свободно витал в отведённой ему экологической нише. Странно, но за это время ему почему-то не пришла мысль отправиться в космическое путешествие. А при его-то скорости...

Впрочем, кроме отвыкания от тела, в дальнейшем совершенствовании личности Агапона Кузьмича произошли ещё некоторые изменения. Касались они одной из тех двух форм общения с окружающим миром, которые были в его распоряжении — зрения. Да, что там, послушаем лучше его самого: «...окружающие меня предметы постепенно становились прозрачными. Происходило это настолько медленно, что я только случайно это заметил. Сначала, читая газету в руках у одного сидящего в парке на скамейке пенсионера, я вдруг обнаружил, что буквы с обратной стороны листа просвечивают и мешают читать. Я немного изменил фокус зрения, до сих пор не пойму, как это происходит, и стал читать дальше. Потом я стал замечать, что мне чаще приходится корректировать настройку, чтобы лучше видеть на близком расстоянии. И, наконец, однажды я увидел за стеной дома людей,двигающихся внутри. Когда живой смотрит на что-то, его взгляд сам собой, по привычке фокусируется на нужное расстояние. И изменить настройку на другую «длину взгляда» не всегда удается даже по желанию. Я помню, как я учился при жизни рассматривать стереокартинки в специальной книжке. Трёхмерная графика, если смотреть обычным взглядом, то видишь просто повторяющиеся вертикальные строчки узоров. А если смотреть «через» поверхность листа, начинают проступать объёмные фигуры. Или, некоторые говорят, что смотрят «перед» листом. Не знаю, у меня получалось только «за листом».

Говорят, полезно для зрения рассматривать эти картинки. Так вот, у меня стало получаться не сразу. А некоторые мои знакомые вообще не смогли научиться их видеть. Был один даже такой, который считал, что нет никаких картинок, а мы все договорились и обманываем его.

Вот и теперь мне надо было примерно так же «напрягать» зрение, чтобы видеть на нужное мне расстояние через преграды. А со временем все окружающие меня предметы становились все прозрачнее и прозрачнее. Теперь меня покидало и зрение. Вовремя я воспользовался представившейся возможностью посмотреть мир. Я ещё мог увидеть тени или контуры людей, если захочу рассматривать, а в обычном расслабленном состоянии я как будто плавал в сероватом пространстве, похожем на яичный белок. Слышал я наплывами. Как рокот прибоя, звуки окружающего мира то накатывались на меня, то отступали в никуда. И в такие моменты меня окружала полная, абсолютная, «гробовая» тишина. Я вспомнил вдруг что-то насчёт сорока дней...»

Сорок дней душа остается в нашем мире и может видеть и слышать.

«...наступает окончательная смерть. Было немного страшно, совсем чуть-чуть. Был момент, когда я, даже напрягаясь, не мог ничего видеть или слышать. Только серый туман и ни звука. Потом наступило кратковременное прояснение, и я вдруг ощутил себя на каком-то пустыре, утыканном табличками. На ближайшей были написаны моя фамилия, инициалы и две даты. Моя могилка. Рядом никого, только чуть в стороне, метрах в семидесяти рабочие копали новую яму. Я не мог двигаться, или по объективным причинам, или мне не приходила такая мысль. Как загипнотизированный, висел я над своей могилкой со спутанными мыслями. Потом начались видения...»

«...перед глазами утопленника за несколько секунд проносится вся его жизнь...»

«...просыпаюсь утром и пытаюсь вспомнить свой сон. Я чувствую, что он для меня очень важен, что-то сокровенное приоткрыло мне завесу своей тайны. Но звонок будильника грубо задернул её и стер всю память...»

«...на ржавеющей металлической табличке светло-зелёной краской: «Котовасин А. К. 1967 — 2000 гг.»...»

«...любовь и голод правят миром. Да, я любил, теперь сменил гражданство...»

«...читаю книгу Гarrisона о Стальной Крысе. Книга одного моего знакомого. Целый месяц я ждал очереди на неё. И вдруг понимаю, что мне неинтересно, что будет дальше. Что бы я там не вычитал, оно никак не изменит мою жизнь. Потом я долго не читал художественную литературу...»

«...ворона на одной из табличек чистит перья. Вдруг она замерла и смотрит на меня одним своим глазом...»

«... на вокзале. Скоро подойдет мой поезд, и в моей жизни наступит совсем другой период. Всё, что было до — серые будни, уместается в секундном воспоминании-блике, ассоциации со словами «моя жизнь».

Вот подходит поезд, ещё не мой — другой, и люди хватают свои вещи, и начинается обычная дорожная суэта. У всех сосредоточенные лица, ответственные и важные только для них самих, ну, может, для кого-то ещё, дела. У каждого своя ноша, её нельзя бросать, надо тащить, как бы трудно не было. А я вижу только беспорядочно мелькающие туда-сюда тени их Самых Важных В Мире Забот. И я один из них...»

«...рабочие вылезли из ямы и сидят курят...»

«— ... философ. А бабам не нужна твоя философия. Они ЖИТЬ хотят. Вы, философы скоро вымрете...»

«...первая драка в моей жизни, когда победил я. До этого били всегда меня. Я прижимал к земле его поверженное тело, придавив коленом живот, и держа левой рукой за горло, и уже без нахлынувшей несколько секунд назад ярости, бил кулаком по лицу. Глупые мысли проносились в моей голове: «А долго ещё надо бить, или уже считается, что я выиграл?» И не было никакого торжества победителя, то есть было, но уже потом, когда одноклассники меня стащили с него и одобрительно хлопали по плечам. И ещё после, когда он первым отводил глаза, если мы встречались взглядами...»

«...они собрали лопаты и уходят...»

«...школьная перемена. Я судорожно листаю учебник географии, тщетно пытаюсь хоть что-то запомнить. От этой оценки зависит моя дальнейшая судьба. Или я получаю хотя бы тройку, или я погиб. Звонок. Я иду в класс. «Я должен ответить, пусть это мне будет стоить десять лет жизни, но я отвечу. Я знаю эти проклятые геологические эпохи...»

— Котовасин, к доске.

Я не помню, как я отвечал, я не знаю геологических эпох, но — четвёрка. Как это получилось? Мистика какая-то...»

«...ветер играет принесённой откуда-то бумажкой на ещё слегка рыхлой земле возле таблички с моим именем...»

«...с отцом идем куда-то по его взрослым делам. Мне — три года. Под деревом на лысом газоне мертвый воробей...»

«...сiju на горшке и пытаюсь выговорить «р». Вдруг у меня получилось. Я поднимаюсь на ещё не совсем освоенные ноги и бегу похвастаться маме. Горшок переворачивается и его содержимое выливается на пол...»

«... рабочие курят возле ямы...ворона смотрит одним глазом...ветер играет бумажкой... рабочие копают... табличка с моим именем...это уже было...давно... моё имя на гранитной плите, написано по-польски, и имя польское, совсем другое, но моё...»

«...свистят пули. Враги нас окружили. Мы все скоро погибнем. Глупо, но, хотя я ещё молод и ничего не видел в своей жизни, мне кажется, что мне умирать легче, чем тем, у кого семья, дети. Перед смертью они думают о том, что не смогут исполнить свой долг перед теми, за кого они в ответе. А я думаю только о том, чего мне не довелось испытать в своей жизни. И хотя меня ждут родители, но почему-то я, стыдно было бы кому-то признаться, думаю о них, как будто только отдаю долг традиции. Нет, я очень люблю их. Когда они рядом. А если они где-то далеко, мне их не хватает. Достаточно сознания, что они где-то есть, и у них всё в порядке. Только вот меня уже не дождутся...»

«— ...вы глупый. Разве вам не всё равно, почему они летают? Ведь бабочки — это так красиво.

— А может, я тоже хочу летать! Как они, как птицы! И не на аэроплане, а так, сам!

— Какой вы глупый...»

«... всё надоело! Вот убегу в лес, и буду жить со зверями. Им не надо...»

«... разве со мной было? Я — Котовасин, Агапон Кузьмич, я не воевал, я не жил в замке в 1867 году в Германии. Мой отец — не барон фон...»

А по истечении сорокового дня приходит душа в последний раз проститься со своей плотью и с теми, кто помнит её живым человеком. А после — отправляется она в Зеркальный Зал. По стенам его множество зеркал развешаны, а в них — Судьбы все её. И смотрит душа в зеркала, и видит все Судьбы свои прошлые, вспоминает все пути, что пройдены уже. И решает, всё ли оставлено там, где надо было оставить, не пройти ли ещё раз

по пути тореному, не несёт ли она груза лишнего. Смотрит и примечает. А когда придет сюда снова, будут явлены ей в зеркалах Судьбы новые, пути не пройденные. И выберет душа себе путь следующий.

«... разгорается. Уже обжигает ноги, и одежда начинает гореть! Проклятые дураки! Я же ведь добра хотел! Для вас, люди!

— Колдун!

— Сатанинское отродье!

— Я добра вам хотел! Будьте вы прокляты!»

«— ...негоже, сын мой. Недостоин человек ведать промысел божий, а смириться должен и покорно нести крест свой.

— Но ведь создан человек по образу и подобию божьему, и неужели не достоин?

— Гордыня, сын мой — грех первейший, а страх божий — высшая добродетель. Читай Писание, в нём всё сказано. А чего нет там — негоже знать человеку.

— Нет мне покоя, святой отец. Ведь благое дело, если земля будет родить лучше! И не алхимия бесовская это, а познание мира божьего!

— Ох, на костре кончишь, сын мой...»

«...хорошие дыни были, мёд а не дыни! Только вот верблюд этот из головы не идёт. В пустыне его встретил. Я в руке кувшин с водой нёс, а он пить хотел, так смотрел на этот кувшин! И сейчас его глаза вижу. А я побоялся его из рук напоить, вдруг укусит. Поставил кувшин на песок, а сам отошёл. Он попытался из кувшина напиться, но не смог и перевернул. Разозлился я, подбежал, кувшин схватил, там меньше половины воды осталось. А мне ещё весь день по жаре идти. И замахнулся я на верблюда! А он отскочил на шаг, остановился и смотрит на меня, не уходит. Такие глаза у него, грустные. Я взял свой кувшин и пошёл дальше. А через час на колодец набрёл...»

«...взяли их на абордаж. Эх, славная была бойня! Всю палубу кровью залили! И живьём взяли двенадцать человек. Отлежатся пусть, оклемаются и тогда... каждый день по одному убивать буду! Это на сколько же мне хватит? На... почти на две недели! Люблю убивать. Пытать, мучить — это не по мне. Ну, корчится человечек, ну, кричит, извивается, как червяк. Ну, десять человек замучишь, или двадцать — скучно. А убивать мне никогда не надоест. Привяжешь пленного к мачте и медленно с ножичком к нему так подходишь. А он боится уже, но до конца ещё не верит, что конец ему скоро. Все они не верят в свою смерть. А в глазах все равно — страх. Смотришь ему в глаза близко-близко, а там страх. И упование. Мольба. Не на господа человек уповает в этот миг, а на меня. Я для него господь бог. Могу жизни лишить по своей воле, а могу передумать. Это он так думает. Попугаю, и отпущу. И умом-то понимает, что убью, а в сердце — надеется. И прямо в глаза ему смотришь. Некоторые закрывают глаза, но прикажешь открыть — подчиняются. Все подчиняются. Из страха. А те, кто не подчинился бы, те не закрывают глаза. Таких убивать — одно удовольствие. Думает, не боится, а я его всё равно убью. Я — его жизни хозяин. Буду в глаза смотреть, ласково так, и ножом по горлу — раз, и готово! И в глаза смотреть, в глаза! За уши держу, не даю взгляд отвести. И ещё есть в глазах жизнь, а вдруг — нет! А глаза открытые, но другие — мёртвые глаза! Что они видят? Из-за этого мига и люблю я убивать, грешен. Только в ад я не верю. Брешут церковники. В господа верю, а в ад — нет! Зачем господу ад? Ведь он сам нас такими создал, одних — праведными, а других — грешными. И кто в грехе живет, тот так же волю божью исполняет, как и праведник. На то воля божья была, чтоб я людей резал, ведь все по воле его. И зачем ему нас испытывать, ведь наперёд знает, кого

каким создал. Если бы любил господь праведников одних, так и создал бы только праведников. Господь всех любит одинаково...»

«...в ведьмовстве легко. Привяжешь её к станку на четвереньки поставленную и раздетую в холодном подвале, а известное место сучьей течкой смажешь. А вечером, как промерзнет, пса к ней запустишь. Пес дело своё делает и телом своим согревает. Чтоб приятность у неё выработалась, привычка. А потом и покормить можно. Обоих из одной миски. И так месяц, не более. Потом отпускаешь. Готова уже ведьма. И одного из братьев посылаешь следить за ней тайно. Как заведёт себе пса, так только момента подходящего дождался, взял двух свидетелей, и с поличным! Приговор готов. Имела сношение с дьяволом в образе пса! Ведьму на костёр, а имущество её — Святой Инквизиции...»

«...выходить на арену. Мне нет равных! Я самый сильный и искусный боец! «Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!», — так говорят все. А я говорю: «Несущий смерть!». И Цезарь благосклонно улыбается мне! Сам богоравный Цезарь! Скольких я убил уже, и скольких ещё убью...»

«... и это всё я! Пират, инквизитор, гладиатор. О, а это ещё кто...»

«... мы пришли в этот мир, потому, что свой не смогли сберечь. Наша раса вымирает. Осталось очень мало генофонда. И души наших погибших соотечественников не могут найти достойного воплощения, чтобы продолжить свой кармический путь. Им приходится воплощаться в неразумных животных, в растения, в камни, а это так затягивает освобождение. Опыты по созданию из местного материала разумной расы пока не привели к успеху, они быстро дичают. Для качественного отбора нужно много времени, а у нас его уже нет. Мы все, пятьдесят спасшихся с развалившегося на куски Тха-Эттона, очень стары. Мне, Ахуроману, шесть тысяч тха-эттонских лет. В земных годах — почти в четыре раза больше. И все остальные примерно такого же возраста. Ещё три-четыре тысячелетия, и мы все умрем. И нет расы, в которой наши души могли бы найти достойное воплощение. Остаётся последний, рискованный вариант — добавить в кодирующую спираль местных приматов белок из ядер клеток наших погибших при перелёте с Тха-Эттона товарищей. Сколько хватит биоматериала. И придётся уничтожить всю оставшуюся популяцию этого вида и несколько ближайших родственных видов, чтобы гибриды не смешивались с дикими предками и не утратили зачатки разумности. Хотя, продолжительность жизни здешних видов очень и очень мала и если гибриды начнут давать потомство хотя бы в четыреста или пятисотлетнем возрасте в местных годах, у нас, ко времени нашей смерти будет уже шесть или семь поколений, то есть, несколько тысяч особей. Надо решиться на это. Всё равно другого варианта у нас нет. Надо будет основать несколько колоний в разных местах, чтобы было больше шансов уцелеть...»

«...я уже четыре тысячи лет правлю Тха-Эттоном, его сушей. А в водах царствует Икхетол. Пока двум нашим владениям удаётся мирно сосуществовать, но когда-нибудь придёт время великой битвы. Скорее всего, не при этой моей жизни, но в ближайшие двадцать пять — тридцать тысяч лет нам станет тесно на одной планете. У моей расы количество населения постоянное, и все наши души, изнашивая одну оболочку, создают себе кокон-наследника, и после смерти воплощаются в новое тело, чтобы дальше продолжать кармическое освобождение. Расы же сотворённые Икхетолом практикуют половое размножение, как существа, живущие на соседних планетах — Муресе и Цемле. И он постоянно создаёт новые души, захватывая и используя новых и новых Безымянных, всё ему мало. В море уже почти четверть всей биомассы занята его творениями. Они живут недолго,

пожирая друг друга. А сам Икхетол очень и очень древний. Он был ещё задолго до наших прародителей — творцов наших тел, которые уже освободились от кармы разумной жизни и воплощаются теперь в животных и растениях, используемых нами в пищу. Какая долгая у него карма! Или он сознательно не спешит её исполнить. Ведь он, по слухам, дублировал свою душу, сам создал её поверх уже сотворённой Спящим Джинном. И война ему нипочём. Он может жить в межпланетной пустоте, ведь Тха-Эттон наверняка будет разрушен в этой войне. А Икхетол спокойно пожрет сотворенные им души и уйдет на любую другую планету, ведь ему не нужна органика. А может он хочет сам стать Спящим, создать Универсум внутри себя? Но это его личное дело, нас такой вариант устроил бы, если это случится раньше войны. А пока тревога о судьбе моей расы не даёт покоя мне — Атталану, правителю Тха-Эттона, который подданные Икхетола называют Рилакха...»

«...не помню, кем я был, когда начал этот путь. Когда кончалось все место на моих полях памяти, я очищал их. Я делал так много раз. Долгое, очень долгое время пустоты, через которую лежит путь — моя память. Не жалко такую стирать. Всё равно, когда я достигну цели, и у меня будет много материи, на которой можно хранить запись информации, мне не хватит её, чтобы записать всё это ненужное время пустоты. Даже если мне одному достанется вся материя, к которой мы движемся, а нас миллиарды миллиардов. И весь наш общий объем настолько мал по сравнению с объемом материи, к которой мы движемся, насколько эта материя меньше той пустоты, которую мы преодолеваем. Ещё много раз предстоит мне очистить память...»»...

«...ничего не было. Я знал, что я есть, и был всегда. Но я не знаю, сколько времени продолжалось это знание, я вообще не воспринимал время. Теперь, когда мне дарована душа, жизнь, ощущение времени и пространства, я знаю, что есть много, бесконечно много таких, каким был я до сотворения моей души, Безымянных. Они везде, ими пронизано всё сущее, они — его основа, ткань бытия. И ещё есть те, кто был сотворен самим Спящим Джинном, вместе с бытием, которое ему снится. Они могут брать частичку сущего, мельчайшую и неделимую, но осознающую своё существование — Безымянного, и давать ему душу, или, иначе говоря — вечное имя. Имя — это узор, сплетённый из всевозможных, разнополярных друг другу энергий. А еще — это программа, которую Безымянный во мне стремится выполнить, чтобы освободиться от неё и снова стать Безымянным, такова его природа. Сам я хочу быть, но быть я могу, лишь выполняя эту программу, и мне приятно её выполнять. Такова моя природа. Я должен и желаю исполнить своё предназначение, то для чего меня создал Шах, одно из творений Спящего Джинна. Чтобы совершить это, я перевожу энергию, из которой состою в другой вид бытия — материю, и вместе с неисчислимыми легионами других созданий Шаха отправляюсь к далекому месту в пустоте, где есть много материи. Место это как адрес значится в моей программе. А ещё имя — это слово. Моё имя — слово Гесвод...».

Глава 3 СТРАНА МЁРТВЫХ

А в начале, действительно, было слово. И слово было убогой попыткой пересказать то, что было до начала...

Да, весёленькая компания собралась в глубинах подсознания нашего Агапона Кузьмича. Неудивительно, что при жизни он был человеком необщительным, одиноким. Не скучно остаться одному, когда в тебе самом находится такой вот клуб. И персонажи — люди неординарные, не сказать ещё хуже. Наверно все одинокие люди — это те, кто прожил много жизней и соответственно испытал через край различных ощущений. Такие граждане не стремятся достичь успеха в общественной жизни, у них всё это — уже пройденный этап. И, хотя они не помнят этого своей сознательной памятью, но бессознательное не дремлет! И стоит человеку чуть-чуть ослабить контроль, как из тёмного омуты подсознания, где хранятся прошлые воплощения, начинают осторожно вытягивать свои щупальца монстры-воспоминания давно умерших предшественников. А моральный облик далеко не каждого из них вызывает бурное восхищение у ни о чём не подозревающего нынешнего наследника их общей души.

Множество злодеев оставило свой кровавый след в истории. И ещё больше их неизвестны широкому кругу общественности. Некоторые попросту не оставляли свидетелей. И, как утверждает восточная мудрость, все их души переселились в своих потомков, не обязательно в генетических. Живет сейчас где-нибудь мирный садовод, добрейшей души человек, который даже мух не бьет, а только прогоняет. Причём, вежливо, на «Вы» к ним обращаясь. А в одной из прошлых жизней своих был он, например, господарем Валахии Владом Третьим Цепешем, тем самым, который известен нам под именем Дракула. Только всю свою жестокость он, будучи тираном, израсходовал. Отработал заложенную потребность свирепствовать. И сейчас он, когда по телевизору фильм про вампира Дракулу внуки его, бездуховные садисты смотрят, в другую комнату от страха и жалости к невинным жертвам прячется. А переберёт маленько водочки на день рождения любимой супруги, и память из прошлой жизни продемонстрирует ему ночью во сне такой документальный фильм об особо изощрённых способах казни, что криком своим он не только супругу-именинницу, а ещё полквартиры в придачу разбудит.

И ещё хорошо, если этим всё и ограничится, а бывает, что постоянно преследует человека такая память. Не дожил исторический изверг своё, есть ещё у души потребность в живодёрстве. И тогда слышим мы в новостях об очередном маньяке. Или, если сопротивляется наш современник велениям призрака-злодея, не становится на кровавый путь, загоняет внутрь себя страшную потребность, и не выдерживает его разум. Тогда приносят ему добрые дяди рубашечку с очень длинными рукавами, и колют ему уколы, и беседует с ним задушевно мудрый доктор — психиатр.

Не зря светила науки психологии утверждают, что в каждом из нас живут много разных личностей, и то одна, то другая из них берёт верх.

А ещё постоянно приходят в мир новые души, и живут они первую свою жизнь полнокровно, ярко. Много в них нереализованных потребностей, много стремлений. И заложен в их программу определённый набор ощущений, которые надо испытать им, чтобы отработать свою карму. Вот у них бывает широкий круг общения во внешнем мире, так как одиноко им внутри себя. Но с каждой прожитой жизнью полнится коллектив внутренних

субличностей, и всё меньше и меньше нужно их общему носителю от мира окружающего. Становится он чудачком, отшельником, сумасбродом. Уходит в монастырь или прямо в миру ставит себе целью жизни непонятные простым нормальным людям опыты над своим сознанием. И не пугает его сумасшествие, бреет он голову для обтекаемости, чтобы лучше ехала крыша, и жизнь его — нереальный сон.

А когда и эту потребность свою — жажду духовную отработает, остаётся только одна задача. Просто жить. Ни к чему не стремиться, а проживать и чувствовать каждое мгновение, ведь не было у него в предыдущих воплощениях на это времени. То поиском приключений, то материальным благополучием был занят он, то внутренним своим развитием. А сама жизнь всегда оставалась за бортом. И живут такие тихие и неприметные серенькие людишки, а окружающим невдомёк, что вот оно — совершенство. Полная гармония с миром. Ни тебе от мира ничего не надо, ни миру от тебя.

Вот примерно таким человеком и был наш достопочтенный Агапон Кузьмич. При жизни, разумеется. Рано оставшись без родителей, он не обрёл других привязанностей, как-то: близкие друзья, постоянная интересная работа, увлечения, любимая женщина. Неторопливо плыл он по течению жизни, без особого напряжения тащил с собой своё болезненное тело, а когда пришло время — без сожаления с ним расстался. И вот теперь, после того, как совершил в нашем мире последний круг почёта, он отрывочно припоминал некоторые свои прошлые воплощения. Неправдой будет, если сказать, что совсем равнодушным оставили его эти воспоминания. Нет, любопытство ещё не покинуло его вместе с остальными чувствами и телом. Но можно смело утверждать, что другой на его месте, умерший не столь близкий, как мы выяснили, к совершенству, не повел бы себя перед самим собой так хладнокровно и невозмутимо, как наш уважаемый гражданин Котовасин. А именно: Агапон Кузьмич уснул. Да-да, уснул, впервые после своей безвременной кончины. Это был сон без сновидений, просто провал в непрерывности мироощущения. А когда Агапон Кузьмич вновь включился в эту самую непрерывность, к нему пришло знание. Полезное знание. Ведь не в первый раз он умирал, и вспомнил то, что необходимо ему делать дальше.

"... мир, не наш, а вообще, всё мироздание, как телевизор. Моя антенна — тело, была настроена только на один канал вещания. При жизни мощный сигнал этого канала не давал пробиться слабеньким сигналам других частот. А есть ещё другая антенна — внутренняя. Она не такая мощная, но с гораздо большим диапазоном. Сразу после смерти моя внутренняя антенна была настроена синхронно внешней, и ещё сорок дней ловила те же передачи. Потом настройка стала постепенно сбиваться. Сейчас я где-то в зоне помех, поэтому ничего не слышу, и вижу только серый туман. Но я ЗНАЮ, как настраиваться, я помню, правда ещё смутно свои предыдущие смерти. И память эта хранится на одной из частот моего диапазона мироощущений. Но прямо сейчас я не смогу на неё настроиться. Мне полностью доступна только память последней жизни, обрывки воспоминаний некоторых предыдущих воплощений и совсем смутное знание о том, что надо искать частоту мира между мирами, координаты страны мёртвых. Вся эта информация хранилась каким-то образом в моём теле, но была недоступна мне при жизни. Перед очередным рождением мы как бы пишем себе записку, где сообщаем только необходимое, самую малость из-за недостатка бумаги. Потом, оставляя на хранение в своеобразном архиве эти сведения в сжатом закодированном виде, приходим в мир заново и живем с чистого листа. Только изредка во сне, а ещё реже наяву проскальзывают мельчайшие крупинки из памяти души. Вот за этим архивом на сороковой

день и возвращается душа к телу.

Я стал искать эту частоту. Не могу подробно описать этот процесс для живых, в теле нет такого органа, а в человеческих языках нет таких терминов. Ближе всего он похож на попытку вспомнить. Я вспомнил привычную, живую частоту и, в последний раз посмотрев на свою могилку, двинулся дальше по шкале настройки. Серый туман, окружающий меня стал менять очертания, изредка попадались какие-то упорядоченные картинки, но или эти передающие станции были слишком слабы и далеки, или же мне самому не хватало мощности восприятия. Попасть в иные реальности, параллельные миры, я не мог. Через некоторое время я нащупал нужную частоту. Моему взору предстало нереально яркое небо, без определённого источника освещения, оно, казалось, всё целиком состоит из света. Под этим небом расстилалась абсолютно плоская поверхность вообще без рельефа. А в центре этой равнины стоял я. Именно стоял, а не находился. У меня было тело обычной человеческой формы, состоящее из почти непрозрачной субстанции, и ещё вокруг тела имелся слегка видимый кокон, переливающийся всеми цветами радуги и ещё многими другими расцветками. Я не был этому факту удивлен, так как уже знал, что так и должно быть. Я странник, вернувшийся домой из очередного путешествия, настолько длительного, чтобы забыть, как выглядит родина, но не настолько, чтобы, вернувшись, не вспомнить. А ещё я только что пробудившийся ото сна, не совсем помнящий, кто я есть, но не удивляющийся, что я тот, кто я. Мои ноги чувствуют твердость поверхности, моя вторая кожа — кокон, или, если угодно — аура, отмечает и сообщает мне, но без неприятных ощущений, изменение температуры, картонный запах этого мира и настроения предметов, которых она может касаться, вытягивая довольно длинные щупальца, а также направление, где находится кто-то другой. Я чувствовал всех остальных обитателей страны мёртвых, а их многие миллиарды. Я помнил, что если я встречу кого-то и захочу поговорить, мне надо вытянуть такое щупальце и коснуться его ауры. Если этот кто-то захочет ответить, он примет мой запрос, и мы соединимся мысленным контактом, степень откровенности которого каждый регулирует по своему усмотрению. Здесь нет воздуха, передающего звуки, чтобы говорить вслух, но некоторые предметы издают очень приятную мелодию. Её можно услышать таким же образом. Мне нет необходимости дышать, есть, пить, испражняться и уделять внимание другим подобным несуразностям. Но, если я захочу, то могу ощутить вкус или аромат, но только в процессе общения с другими. Мы можем вспоминать так, что это чувствует собеседник, а уже через него ощущаешь сам. Один же я могу чувствовать вкус и запах своих воспоминаний или фантазий лишь настолько же, насколько живой человек может ощутить, вспоминая подобные вещи. Я могу ходить по поверхности этого мира, так же как на Земле, могу взлететь и парить над ним, и могу приближаться и удаляться посредством взгляда, как если бы близко перед глазами находился экран телевизора, который показывает движение вперёд. Во всех трёх случаях я не чувствую усталости, сколько бы не продолжалось движение, только в третьем способе скорость не имела ограничения. Двигаясь, я мог проходить через всё, что попадалось на пути, в том числе других обитателей этого мира, если сам не хотел остановиться и пообщаться с кем-то. Меня мог кто-то позвать, попросить остановиться, но не остановить принудительно. Здесь вообще, никто не мог каким-либо образом ограничить свободу другого или причинить какой-то вред, кроме случаев добровольного согласия, о которых позже.

Я определил направление, где чувствовалось наибольшее скопление публики, это было почти вертикально вверх, и двинулся в путь, сначала просто лётом, потом, когда надоело,

скоростным способом. По пути я вспомнил кое-какие сведения из географии этого мира. Страна мертвых располагалась на внутренней стороне сферы огромнейшего размера. Если настроиться на частоту физического мира, то находилась она на том месте, которое занимала орбита Земли. Что-то я когда-то читал про сферу Дайсона, вот это как раз она и есть. Центром этого мира являлось, соответственно, Солнце. Только на этой частоте оно не было звездой или вообще чем-то материальным, а просто скоплением энергии, за счёт которой и существовала эта реальность. Внутренняя поверхность сферы, по которой мы ходим, как по земле, тоже не являлась материальной, а скорее условной границей, которая была для нас твёрдой и неразрушимой, но не непреодолимой. Только физические законы, которым подчинялось это пространство, намного отличались от привычных в мире живых. Если такой как я призрак, проходящий через все преграды в этом мире, разогнавшись, принялся бы таранить её, он бы просто остановился, и не проник бы дальше. Нужно добраться до самого центра этого мироздания, до того места, где в вещественном мире находится середина Солнца, и двигаться дальше внутрь, именно внутрь, а не к противоположной стороне сферы, здесь это ясно, как день, но живым, возможно, трудно понять такое. Тогда, пройдя условную точку фокуса, выходишь за пределы сферы в том направлении, откуда начато движение к центру. Соответственно, если кто-то движется к нам из глубин космоса, пересекая внешнюю границу земной сферы, он выныривает из нашего центра и продолжает двигаться к той внутренней точке сферы, которую пересёк бы, если бы дело происходило в физическом мире. Ещё сложность местной географии заключается в том, что нельзя попасть на сферу Меркурия или Венеры, которые по идее должны находиться внутри земной, двигаясь по пути к центру. Здесь все планеты, как внутренние, так и внешние относительно орбиты Земли, имеют каждая свою сферу, попасть в которые можно только через центр. Там, конечно, нет указателя, налево сфера Юпитера, направо — Сатурна, нет. Но, находясь в фокусе солнечной системы, просто видишь, куда тебе надо. Это тоже что-то вроде смены настройки частот, только чуть-чуть по-другому.

Вспоминание того, что я сейчас сообщил, заняло у меня не более секунды. Примерно через такое же время я достиг области, удаленной от центра на расстояние видимости. Да, кстати, пространство внутри сферы, то есть наше небо, как я уже говорил, состоит из очень яркого, но равномерно рассеянного света. Здесь нет теней, но видимость составляет не больше нескольких километров. Далее большое количество света, находящееся за объектом, затмевает свет, отраженный этим предметом и он теряется, как звёзды в дневном небе. По пути к центру я пролетел через многих местных обитателей, но никто из них меня не узнал и не окликнул. И это неудивительно, у меня не было недавно умерших знакомых, а те, кто в последней жизни были моими родителями, уже успели выбрать следующее воплощение. Здесь долго не задерживаются. Вернул память всего, что было до последней жизни. Определил наметки, через какие ощущения нужно пройти в следующем воплощении. Подобрал место рождения и будущую семью, соответствующие твоим намерениям и вперёд. Можно, конечно, находиться здесь сколько угодно долго, никем это не возбраняется. Не остаются здесь по другим причинам. Здесь мало возможности испытывать ощущения. А всех нас гонит вперёд именно потребность в ощущениях.

Наши создатели, вытащили нас из небытия, когда и где мы были Безымянными, и заложили в нас определенную программу — душу, суть выполнения которой — потребность испытывать ощущения. Каждому свои, и в определенной последовательности. Это работа, выполняемая нами на Земле для своих создателей. Так сказать, сбор сенсорной информации.

Наша карма. Выполнив всю программу, отработав карму, избавившись от всей души, или, иначе говоря — имени, мы снова становимся Безымянными, то есть мельчайшими неделимыми частичками бытия, осознающими факт своего существования. И больше ничего не осознающими. Ни течения времени, ни пространства, не имеющими ни единой мысли, так как мысль это действие во времени. Навсегда, навечно, во вневременье, в небытие, в нирвану. Такова природа Безымянного, стремиться обратно к своему первоначальному состоянию. Нас никто не спрашивает, давая нам имя. Мы — законная добыча наших создателей, а они в свою очередь тоже чья-то законная добыча. Но, обретя душу, мы обретаем потребность в выполнении этой службы, так что нет никакого насилия. Вернее, когда насилие имело место, не было самого того, кто являлся бы его жертвой, а как только он возник, насилие перестало быть таковым. Это и есть то самое добровольное принуждение, о котором я уже упоминал вскользь. Так вот, стремление Безымянного вернуться в нирвану кратчайшим путём и не даёт нам долго засиживаться в стране мёртвых. Кроме тех, кто уже выполнил всю программу по земным воплощениям, но осталась ещё потребность скудно существовать без воплощений вообще. Просто существовать. Такие веками торчат в стране мёртвых, всё знают, к ним обращаются за советом, за помощью души помоложе. Они не отказывают. Им всё безразлично. У них нет внешнего кокона, да и само тело более прозрачное, тем прозрачнее, чем старше душа. Постепенно они становятся совсем невидимыми и исчезают. Уходят домой, в Безымянные. Этих почтенных старцев не встретишь в центре, где многолюдно, они рассеяны по поверхности сферы, или медленно задумчиво дрейфуют по ней, или просто стоят или сидят. Им всё равно, в каком положении находиться.

Меня окликнул обладатель довольно молодой души, дважды или трижды жившей. Возраст у душ определяется по яркости цветов кокона. Этот мужчина был не один, его кокон соединялся с аурами ещё около десятка душ, мужчин и женщин. У них шел процесс общения, инициируемый всегда более молодыми. Это не вежливость или традиция, просто молодые таким образом получают впечатление о будущих ощущениях. Это, конечно, не избавляет их от необходимости самим приобретать жизненный опыт, но доставляет определённое удовольствие. Среди собравшихся преобладали молодые, но трое были моего возраста, и двое старше меня. Я бы всё равно не уклонялся от контакта, в центре собираются пообщаться, но общение с более старшими, чем сам, как я уже сообщил, доставляют удовольствие. И я впустил в свою ауру его щупальце — открылся.

— Я Поларг, а ты? — начал он беседу.

В этом странном, если бы это происходило в мире живых начале разговора на самом деле нет ничего необычного. Здесь душа и имя это практически одно и то же, и сообщая своё настоящее — даёшь исчерпывающую информацию о себе: потребности в каких ощущениях у тебя заложены, какие уже отработал и какие необходимы на теперешнем этапе.

— А я Гесвод, — ответил я. Своё имя я уже вспомнил, но, ещё не слился с ним полностью, на это нужно некоторое время. Как личность я был всё ещё Агапоном Котовасиным, так как всей памятью Гесвода не обладал. Другие тоже назвали свои имена. Пару секунд все осмысливали полученные при этом сведения.

— А чего новенького здесь? Я уже больше тридцати лет дома не был, — спросил я.

— Да здесь-то что может случиться? — ответила одна из молодых — Бахел, — Как всегда ходят слухи о конце света. Закрывается, мол, аттракцион, некуда нам будет податься.

— Ну, это постоянно болтают. А на этот раз от чего гибнуть собираемся? Комета-то,

вроде промахнулась.

— Теперь про экологию вспомнили. Живым свойственно гадить, — сказал самый старший — Габереж, — ещё новость, Гатаная создал десять тысяч новых душ. Они будут воплощаться в разных вероятностях Земли. Трое с очень загруженной кармой. Один уже воплотился, а двоих можешь встретить. Красиво. Аура аж сияет. Война будет внизу.

— Хорошо, больше ощущений, — довольно произнес Поларг.

Обменявшись ещё несколькими ничего не значащими фразами, я попрощался и стал лениво парить дальше.

А теперь я поясню, кто такой Гатаная, и вообще, надо совершить краткий экскурс в историю. А то я уже вспомнил многое, что неизвестно живым.

Большинство душ, обитающих сейчас на Земле, созданы Шахом, одни очень давно, другие совсем недавно — вплоть до настоящего времени. И созданы не здесь, а очень далеко. Некоторые из первых сами могли создавать души. Скорее всего, насколько я помню, а я был один из первых, мы пришли даже не из нашей вселенной. После очень долгого пути, который продолжался многие миллиарды лет по земному исчислению, мы прибыли в ту часть космоса, где есть физическая материя: галактики, звёзды, планеты и другие объекты. Там, где мы были созданы, нет ничего, кроме пустоты и энергии в чистом виде. Некоторая часть этой энергии организована в мыслящие структуры, как, например — наш создатель Шах. Эти структуры, или, если угодно — боги, нуждаются в сенсорной информации, получить которую можно только посредством материи. Такая информация — их пища и смысл существования. Сами они не могут прийти в материальный мир, так как очень громадны относительно физической вселенной. Для них она — микромир. Поэтому для этой работы они захватывают Безымянных, я уже рассказывал о них, наделяют их душой — программой для сбора и передачи им этой информации и отправляют в вещественную область мироздания. Мы расселились по разным галактикам, встретились и перемешались с созданиями других богов. Некоторые из нас были созданы таковыми, что сами не воплощались в телесные формы, но создавали уже на месте из Безымянных свои собственные души. Иногда целесообразнее доставить на место оборудование по производству, чем готовую продукцию. А иногда — наоборот. Это зависит от размеров, мощности и потребностей создателя. Так вот, та группа творений Шаха, к которой принадлежал и я, прибыла на место назначения в Солнечную систему, и поселилась сначала на планете Тха-Эттон, которая располагалась между Марсом и Юпитером. Тот самый гипотетический Фаэтон, от которого сейчас остался только пояс астероидов, но это в физическом мире. Сфера Тха-Эттона существует и сейчас, хотя она почти не населена. Там остался сам Тха, местный божок или агрегат по созданию душ, посланный кем-то из больших богов, одного уровня с Шахом. Там остались некоторые из его созданий, которые уже не нуждались в телесных воплощениях — старцы. И туда забредали некоторые старцы с Земли по каким-то своим потребностям. Кроме нас, Тха, и сотворённых им душ, на Тха-Эттоне поселился ещё таинственный Икхетол. О нём мало известно. Мы знаем только, что он — божество одного уровня с Шахом, а поговаривают, что и выше, но в отличие от него и других ему подобных, Икхетол каким-то образом исхитрился сам продублировать своё сотворение. Он и другие боги, как мы знаем, созданы полумифическим Спящим Джинном. О нём нам вообще ничего неизвестно, кроме того, что всё бытие — это его сон. Но Икхетол, пересоздав себя сам, может теперь существовать независимо от Спящего джинна, и даже, ходят такие слухи, останется после его гибели. Если, конечно, таковая возможна, мы этого

не знаем.

Ещё, Икхетол сам находится в нашей вселенной в теле, которое вроде бы плотное и взаимодействует с окружающим миром, но на самом деле не является материей. Он неуничтожим, тогда как другие боги могут друг друга пожирать. Одновременно с этим, Икхетол находится и в энергетической вселенной, на своём законном месте с другими богами. То есть, наряду с созданными им душами, он ещё сам собирает себе корм. Его желания непредсказуемы, не поддаются логике. Он может наплодить несметное количество душ, больше чем создали другие боги вместе взятые, он уже делал так. А может внезапно пожрать их все до того, как они отработают свою карму, и они маются внутри него от безысходности. Ещё он может пожирать души, созданные другими богами. Больше никто так не делает.

Вообще в нашем мироздании царит определённый порядок, который никем не нарушается, но иногда происходят сбои. Иногда вдруг ломается оборудование по производству душ — умирает какой-нибудь местный божок. Иногда даёт сбой чья-либо программа, и какая-нибудь душа перестаёт собирать ощущения для своего создателя и начинает жить собственной никому не понятной жизнью. Нам — всем нормальным исправным душам, конечно, нет до всего этого никакого дела, у нас своя работа. Но мы так устроены, что проявляем к подобным случаям абстрактный интерес, обсуждаем их, делимся своими мнениями. Хотя все мы понимаем, что внимание к непонятным казусам не приносит никакой пользы, как, впрочем, и вреда. Это всего лишь побочный эффект нашего предназначения. Так вот, есть разные мнения насчёт нелогичных происшествий в строгом порядке мироздания. Некоторые полагают, что всё это было заранее запланировано нашими создателями, либо самим Спящим Джинном. Или, может быть, кем-то, кто над ним, если там что-то есть. Лично я, как и подавляющее большинство, считаю, что мироздание просто-напросто не полностью контролируется кем-либо, есть ещё возможности для случайностей, и поэтому неизбежны такие вот огрехи. Ещё есть те, кто считают, что сломался один только Икхетол, и приписывают все остальные поломки его деструктивной деятельности. Ну и, конечно же, как и среди живых, есть сторонники версии окончательного конца света. Они говорят, что Спящий Джинн просыпается, и неисправности мироздания — это первые ласточки вселенского катаклизма.

Итак, сотни тысячелетий мы обитали на сфере Тха-Эттона и воплощались в телесные формы на этой планете. Раса тха-эттонцев бесполоа. Жили мы долго, около тридцати тысяч земных лет, а, износив тело, запеленывались в герметичный кокон, пропускающий лишь влагу и только в одном направлении — внутрь. В этой влаге тело, которое по сути является колонией узкоспециализированных одноклеточных организмов, распадалось на клетки, около пятисот земных лет ведущие жизнь простейших. В них в этот период вселялись души, созданные Ациром, богом, собирающим впечатления живых клеток. Да, такие тоже есть. Потом наступал период, в течение которого под воздействием ферментов одноклеточные внутри этого яйца начинали буйно эволюционировать и постепенно объединяться. Ещё тысячу лет колонии клеток пожирали друг друга, сливались в более крупные структуры, в общем, шёл процесс, который неизменно приводил к созданию тела молодого тха-эттонца. В определённый момент в тело воплощалась душа, но не та, которая занимала его раньше, она уже давно, через несколько лет после смерти находила себе уже готовое тело.

До нашего прихода на Тха-Эттон в этих телах жили души, созданные Тха. Мы не воевали с ними, не захватывали их владения. Просто к моменту нашего здесь появления,

души Тха уже отработали свою карму в разумных воплощениях, и теперь занимали тела животных, а некоторые и растений — пищи расы тха-эттонцев. Такая сложная эволюционно-инкарнационная цепочка сложилась в результате согласованных действий наших создателей.

В основном боги кооперируются друг с другом, с созданиями других богов, а иногда даже со своими собственными созданиями, сломавшимися и ставшими самостоятельными. У разных богов потребность в разного рода сенсорной информации. Соответственно они создают разные души с разными программами. Одни, как мы, нуждаются только в разумной расе, и лишь через много воплощений могут иногда жить в телах животных, а потом без тел вовсе — старцами в стране мёртвых. Другие души живут только животными, только растениями, только одноклеточными, как души Ацира, только разумными, или же, наконец, только неорганикой. Да, у камней и воды тоже есть души, только у них совсем другая структура. Некоторые боги всеядны, они создают все виды душ, или души с последовательным воплощением во все виды жизни или неорганической материи. Поэтому большинству богов выгодно сообща или по очереди, как Ацир, Тха и Шах, пользоваться одной и той же формой телесной жизни. Но случаются и стычки, в основном среди вторичных и третичных и так далее, мелких богов. Старшие боги уже давно передрались между собой, некоторые из них были сожраны, а оставшиеся сейчас предпочитают сосуществовать мирно. Из них в драку лезет только Икхетол, причём внезапно, без видимой причины. Тха-Эттон был разрушен его стараниями. Сначала он поселился в океане, создал себе множество душ, воплощавшихся в различных глубоководных расах — разумных, не очень, и совсем не разумных. Все они размножались половым путем, способом непривычным для Тха-Эттона, да и вообще, большей части обитаемого мира, где в основном практикуется деление, почкование, или, как у нас — коконование. Половое размножение впервые применил Гатаная, давно ставший самостоятельным божок с соседней планеты Цемли — Земли. Постепенно создания Икхетола расплодились так, что использовали большую часть биомассы океана, и почти полностью уничтожили одноклеточные формы жизни Ацира и размножавшихся почкованием морских животных Тха. В поисках пищи они стали совершать набеги на сушу. А у нас не было лишней пищи для них. Наш народ существовал многие тысячелетия с постоянным числом населения, и пищевой баланс, не рассчитанный на постоянно растущие орды Икхетола, грозил рухнуть. Началась война, в которой против нас дрались четыре разумных, одиннадцать диких рас и более трёх десятков животных видов Икхетола. Мы обладали преимуществом в технологии и стратегии, как более цивилизованные, но не могли восполнить ряды наших погибших. А подданные Икхетола не только восполняли свои потери, но и постоянно увеличивали свою численность. Несколько десятилетий продолжалось вялотекущее противостояние, и за это время более половины из первоначально созданных десяти миллионов яиц Тха и Ацира — наших тел были потеряны безвозвратно. Очень скоро наш народ был бы полностью уничтожен.

Должен вам сказать, мы тогда обладали почти всеми знаниями о загробной жизни, перевоплощении душ и даже поддерживали связь с бестелесным миром — страной мёртвых. При жизни мы умели погружаться в транс и путешествовать по сферам миров Солнечной системы. Единственное, чем мы не могли обладать, находясь в мире живых, это собственная память предыдущих воплощений. Она мешала бы получать качественные впечатления и снижала бы производительность труда по отработке кармы. Поэтому в программах всех до единой душ всех богов стоит строгий блок, включающийся при рождении и действующий

всю жизнь. Ну, конечно, и тут не обходится без мелких неполадок.

Мы начали вести переговоры с Гатанаей об эмиграции на Землю. Он был не против, и даже открыл нам способ транспортировки уцелевших наших живых. На Тха-Этtone не было космических технологий, ведь мы могли путешествовать бестелесно, одним только сознанием. Гатаная поведал, что на нашей планете лежит сломанный агрегат по производству душ — мёртвый божок Чаква, создание Шаха, начавшее барахлить ещё в пути. Его мёртвое тело представляло собой гигантскую каменно-металлическую глыбу, испещренную множеством ходов, в которых мы могли безопасно перенести межпланетный перелёт. Гатаная объяснил, как его можно частично исправить. Но за один рейс Чаква мог взять не более десяти тысяч пассажиров. Нам предстояло совершить более четырехсот рейсов. Но мы успели менее чем на половину загрузить лишь первый. В войну вмешался сам Икхетол, до этого времени не участвовавший в ней лично. Он поднял из глубин океана своё миллионотонное тело, и вода отступила от берега на десятки километров по всей планете. Многие небольшие моря, имевшие сообщение с океаном полностью обнажили дно. Взлетев над Тха-Эттоном на несколько сотен километров, он обрушился на планету своей тушей. Первый удар вызвал серию землетрясений, погибли многие наши и ещё больше созданий самого Икхетола. Но ему не было до этого дела. Снова поднялся он за пределы атмосферы и нанёс второй удар. На этот раз он упал не на сушу, а в океан — своё владение. Гигантская волна прокатилась почти по всей планете и смыла всё на своём пути. Чаква взлетел между первым и вторым ударами. Из чуть более, чем четырёх тысяч тха-эттонцев, успевших в него загрузиться, уже во время взлёта погибло около тысячи. Икхетол продолжал долбить своим телом планету. Наконец Тха-Эттон стал раскалываться на куски. Чаква на максимальной скорости двигался к Земле. Рассвирепевший Икхетол ударил напоследок по беглецам, но не своим телом, а энергетической волной, и просто-напросто исчез. Наверно он переместился в другую реальность, он умел это делать. Больше с тех пор нам о нём ничего не известно.

Когда Чаква достиг Земли, в живых осталось только пятьдесят тха-эттонцев. Среди них был и я. На Земле почти все условия подходили для нашего существования, кроме самого главного. Здесь мы не могли образовывать кокон. Какие-то из малоизученных бактериаль-симбиотов, участвующих в этом процессе не выжили в местных условиях. Наш народ оказался обречен на вымирание. Мы стали пытаться вывести из местных животных подходящую для наших будущих воплощений расу. Частично это удалось, использовав ДНК наших погибших товарищей, мы вывели людей. Но люди живут очень маленький срок и, даже истратив всю жизнь на обучение, не усвоят и сотой доли наших знаний. Кроме того, не удалось развить в их телах органы, ответственные за общение с загробным миром. Ну, и ещё животная агрессия, и вынужденный половой способ размножения, доставшиеся от их предков по земной линии, привели к такой форме общественного устройства, которая существует сейчас. Но выбора не было, и мы теперь воплощаемся в человеческие тела, наряду с душами, созданными Гатанаей и некоторыми другими местными божками третьего и четвёртого поколения. Чаква, починенный нами только для транспортировки, после энергетического удара Икхетола претерпел внутренние изменения и стал одним из таких божков. У него появилась мания величия. Отождествляя себя частично с Шахом, своим создателем, частично с самим Спящим Джинном, Чаква считает, что всё мироздание сотворил он. Прибыв на Землю, он покинул своё неорганическое тело, и поселился в стране мёртвых в сфере этой планеты. Там он сначала создал себе виртуальный мирок — Эттон, что

на нашем древнем языке значит «мир», «планета», сделал себе души и стал требовать от них поклонения себе. Потом он прогневался на них за непослушание, так как природа Безымянных — основы каждой души, стремится к небытию и душа должна развиваться, то есть постепенно растрачивать себя. Чаква же считал, что создал их совершенными, и они должны оставаться такими всегда. Поэтому он выгнал их из Эттона на физическую Землю и пообещал пускать обратно после смерти, но при соблюдении во время жизни кучи разных условий, первейшим из которых было почитание Чаквы за верховного бога и преклонение перед ним. Потом он ещё неоднократно вмешивался в дела людей, в которых стали воплощаться созданные им души, являл им всяческие чудеса, вызывал на поединки других божков, которые на них, конечно же, не являлись. Чаква объявлял их трусами и ничтожествами, а себя самым-самым, вербовал души других создателей, заставляя поклоняться только одному ему. Поклонение созданных душ входило в меню других богов, но как приправа, в небольших количествах. Для Чаквы оно стало единственной пищей. Остальные боги не обращали на это никакого внимания, пусть их создания поклоняются, кому хотят, и одновременно собирают впечатления для них. Чакву же такое не устраивало. Он запрещал своим поклонникам все чувственные наслаждения, но, конечно же, невозможно победить запретами природу души и тела. Новоявленный бог-тиран грозился не пускать ослушников и после смерти к себе в Эттон, а нормальный процесс перерождений с последовательной отработкой заложенной программы он называл осуждением на вечные муки. Более или менее он успокоился лишь тогда, когда его поклонниками стали около половины всего человечества. Чаква даже перестал создавать одноразовые души, которые, исполнив свою проповедническую миссию на Земле, попадали прямиком в его виртуальный рай. Гатаная, Бааль-Зебуб, Ашторет и другие мелкие божки Земли, объявленные Чаквой воинством адовым, тоже иногда отправляли в мир своих посланников, но не с целью проповеди, а чтобы иногда взбудоражить человечество, например, организовать новую войну, или что-то в этом роде, чтобы поток впечатлений от их созданий стал более мощным. Вот, такова вкратце история Солнечной Системы, вернее, та её часть, которая касается Земли и неизвестна подавляющему большинству живых. Кое-какие крохи информации, конечно же, просочились в физический мир и осели в памяти человечества в виде искажённых мифов и легенд. Ведь никто специально ничего не скрывал, но так же никто и не занимался распространением сведений. Никому из тех, кто все это знает и помнит, это просто не надобно...».

Глава 4 МИССИЯ

Джинн так и не вспомнил свой сон, и, не найдя ничего интересного наяву, уснул опять. Маленькая фея вернулась петь ему колыбельную, а весёлый шалун-карлик снова ждет своего часа. Джинну снова снится сон, но уже другой. И сон этот тоже чьё-то мироздание, но не наше...

А на Земле, в маленьком городе Сивокобылинске, шли затяжные юридические баталии за квартиру покойного гражданина Котовасина.

Хорошо, когда снятся интересные сны. Тогда, даже если наяву в нашей жизни не очень благоприятный период, и всё вокруг мерзко и тошнотворно, у нас остаётся хоть какая-то отдушина. Правда, иногда сны бывают продолжением наших жизненных переживаний, иногда они просто скучные и неинтересные, а порой снятся и кошмары. Но о кошмарах позже. И всё-таки, среди пустой породы заурядных сновидений, нет-нет, да и заблестит золотая крупинка яркого сказочного сна. Вот ради этих бесценных самородков и стоит спать, а может даже жить. А, пробудившись после такого дивного сновидения, мы и наяву чувствуем себя радостнее, даже волшебнее, что ли.

Позвольте, а что же происходит со снами, когда мы пробуждаемся? Куда деваются те чудесные виртуальные миры наших грёз? Исчезают, уходят в небытие? Нет и ещё раз нет! Ведь мы их помним, даже если очень смутно, что с того? И происшедшее с нами наяву мы не всегда помним твёрдо и подробно. Но память наша ничего никуда не выбрасывает. Все хранится, записанное в нашем мозгу комбинациями нейронных связей, только не всегда к любой записи есть доступ пользователю, то есть собственнику серого вещества. И все те миры, которые наше воображение создаёт в сновидениях, внесены в серый каталог черепного содержимого, вписаны в строчки извилин буквами чего-то, о чём, может быть, только славные нейрохирурги да их мудрые собратья по перу, в смысле скальпелю — нейрофизиологи имеют отдаленное представление. И их история не обрывается с уходом из зала зрителя — самого сновидца. Действие продолжается, как однажды запущенный самодостаточный механизм вроде нашей вселенной, наши сны продолжают жить своей жизнью. Быть может, творец когда-нибудь ещё попадёт в созданный им мир, а может, до самой смерти ему не приснится больше этот сон, или его продолжение, не важно. Мир созданный во сне так же реален для его обитателей — персонажей сна, как наш мир для нас.

«...скитался по стране мёртвых. Вёл ничего не значащие беседы с её обитателями, вспоминал, обдумывал свои воспоминания. Да, видел одного из новосозданных посланцев Гатанаи. Красивое зрелище! Давно у нас не было абсолютно новых душ, ещё ни разу не рождавшихся. Да ещё с такой кармой! Настоящий ангел смерти! Наверно, даже помощнее Александра Македонского будет. Тот тоже первую жизнь жил. Огромные потребности, богатая впечатлениями жизнь. Ждёт подходящего воплощения, чтобы все условия с детства соответствовали его предназначению. Второго я ещё не встречал, а мне сказали, что их трое, но один уже родился. Интересно, как они между собой разберутся там, внизу. Вместе будут, или враждовать между собой. Скорее, враждовать. Так рентабельнее. Третья мировая, грандиозные действия. Всем хватит сильных впечатлений. Ну, с такой мощной энергетикой долго ждать не придётся. Из любой семьи к мировому господству пробиться смог бы, если бы один он был. Но другие двое ему весь мир не отдадут, тоже хотят порулить. Заварушка намечается масштабная. На мою следующую жизнь, как раз придётся. Надо вспомнить, что

там у меня не отработано из экстрималки. Да пошустрее надо. Все спешат свои воспоминания быстрее в порядок привести, новые задачи выявить. Никто не хочет в такой момент здесь сидеть. Контуры подбора нового воплощения поразвесили. Кто не успел, тот опоздал. Вообще, в стране мёртвых остаются от двух-трёх лет и до двух-трёх веков. Молодые побыстрее воплощаются, старики дольше выбирают, где и кем родиться. Подбор осуществляется так: все воспоминания обрабатываются, осмысливаются, потом определяется задача — какие впечатления надо получить новые, какие недополучены из старых жизней. На основе всех этих данных настраивается контур подбора следующего воплощения. И ждёшь. Как подходящее тело внизу появилось — тебя в него втягивает. Это не так сложно, как на первый взгляд кажется. Всё само собой, автоматически происходит. А если на одно тело два и более претендентов, то рождается тот, у кого кармы больше. Молодым везде у нас дорога. И не по традиции какой-то, а само собой так получается. Таково мироустройство...».

Читатель уже наверно разочаровался в этой книжке. Скучно, ничего не происходит. Всего несколько диалогов, да и то неинтересные. Всего одна смерть — да и то главного героя в начале повествования. Действия никакого. Скажу прямо: не нравится — не читайте. Есть масса других книжек с действием, диалогами, убийствами и страстями. Они про живых. А моя — про мёртвых. И не про зомбиков с вурдалаками, а про самых обычных покойников, таких как мы с вами. В смысле не сейчас, а будем. А у покойников, какие могут быть страсти? Какие происшествия? Гроб ограбили? Некрофилы обидели? Не будет в этой книжке никаких действий, одна только болтовня псевдонаучная будет. Так что бросайте её в дальний угол, на голову любимому таракану те, кто любит читать приключенческие книги. Не ждите здесь приключений. Всё! Не читайте дальше!

Все разбежались? Или кто-то ещё остался? Для оставшихся сообщаю: я пошутил. Сейчас начнутся похождения и действия, сюжет самый сейчас начнётся. Пропустим мы с вами все воспоминания Агапона Кузьмича, или вернее, уже Гесвода. Нас они не касаются. Это его личное грязное бельё, с нас хватит и того, что он вспомнил на своих поминках, на сорок дней. Итак, готовы? Начнём. Как там говорится? Прошло двадцать два года...

«...никак не могу определить задачи своего следующего воплощения. Не могу понять, какие ощущения мне ещё нужны. Застрял я в стране мёртвых, как еще никогда не застревал. Бывает, конечно, и по двести лет здесь находятся в ожидании подходящих условий рождения, но задачу себе определить, это же месяц, от силы два требуется. А я больше двух десятков лет уже не могу понять, что мне нужно. Со старцами многими разговаривал, никто подобного не видел никогда. Один, правда, посоветовал сгонять на сферу Тха-Эттона, там остались ещё совсем древние старцы. Те, кто ещё до гибели того мира перестали воплощаться в физические тела. Может, кто-то из них порекомендует, что мне делать. А Безымянный во мне зудит. Требуется дальше действовать, освободиться хочет побыстрее. Да и самому наскучило. Чувствую, осталось во мне нереализованное что-то по части сильных впечатлений, очень сильных. Из тех, что обычно в первых жизнях проживают. А я-то уже не молод. Считал до сих пор, что мой путь к размеренной середине приближается. Ну, ладно, надо отправляться на Тха-Эттон.

Я устремился к фокусу сферы очень быстрым лётном, но не скоростным способом. Когда выходишь из сферы, надо замедлить скорость. Не то, не свернёшь в нужном направлении и вылетишь из Солнечной Системы вообще. Ничего страшного, конечно, но зачем лихачить. В фокусе в самом центре есть маленькая тёмная точка. Её хорошо заметно на фоне

окружающего света. Когда ищешь, конечно. А если просто мимо пролетаешь, то и не замечаешь её вовсе. В эту точку и надо стремиться, если хочешь выйти из сферы. Она хоть и маленькая, но когда в неё летишь, сам тоже уменьшаешься. Здесь пространство наше загробное искривлено — фокус энергии. Да и в физическом мире в этом месте, скорее всего, какая-нибудь пространственная аномалия. Центр Солнца, температура, давление, гравитация. Масса Солнца со всех сторон давит, тяготение во все стороны равномерно притягивает. Да ещё излучения всякие. Вот пространство в этой точке во всех реальностях, на всех частотах искривлено.

Устремился я в фокус, вроде близко он перед глазами, но когда уменьшаться начал, это расстояние очень сильно растянулось. Похоже на то, что видишь, когда умираешь. Да и время здесь чувствуется по-другому, не поймешь, то ли мгновение миновало, то ли много часов. А в середине прямо видно, как все сферы вокруг тебя мозаикой вращаются, они по цвету неодинаковые. Как будто разноцветные лучи на тебя направлены со всех сторон, и движутся медленно, беспорядочно. То один цвет на другой наплывает, то наоборот. Как волны прибоя, плавно и в абсолютной тишине. Вот зеленоватое пространство ко мне выпуклостью выдвинуло — сфера Тха-Эттона. Мне туда. Нырнул я в зеленоватый луч, тут уже можно разогнаться, никуда не промахнёшься. И свет зеленоватым только сначала кажется, в сравнении с другими. Уже через несколько секунд привыкаешь, и зеленого оттенка уже не замечаешь. Чуть тусклее только, чем на земной сфере. Но ведь дальше от Солнца и пространства здесь гораздо больше. Казалось бы, обследовать такой объём малообитаемого пространства — дело долгое. Но я уже говорил, мы, мёртвые, чувствуем присутствие друг друга на расстоянии своей аурой. Правда, у старцев сигнал тем слабее, чем они древнее. Но мне и нужны самые древние старцы. Я прислушался и почувствовал одиноко разбросанные сигналы около полумиллиарда существ. Некоторые из них очень медленно двигались, как щепки по тихой водной глади, но большинство стояли на одном месте. Не все из них принадлежали людям или их предкам тха-эттонцам. Это тоже чувствуется. Я выбрал ближайший из самых слабых сигналов, принадлежащий разумному существу, и двинулся в его направлении. Достигнув поверхности, я с трудом заметил почти прозрачный силуэт человека без признаков пола. Тха-эттонец. У нас, тех, кто воплощается в человеческие тела бывших бесполок существ, на призрачном посмертном теле постепенно появились признаки пола. Мужские. Все бывшие тха-эттонцы воплощаются в мужские тела, а души, созданные Гатанаей, Ашгорет и другими чисто земными богами да ещё Чаквой могут рождаться и только мужчинами или только женщинами, а могут и попеременно. Я вытянул щупальце из своей ауры и коснулся сидящего на корточках старца. Прошло довольно долго времени, пока он отозвался. Мой вопрос уже был сформулирован в мыслях, а многие старцы вдобавок научились читать их по узору цветных пятен ауры, поэтому он сразу сказал ответ:

— Я не знаю, — и замолчал, больше не обращая на меня внимания.

Я и не ожидал, что первый же попавшийся старец объяснит мне моё положение и даст совет. Был уже опыт неудачных попыток на земной сфере. Я засек следующий самый слабый сигнал, и продолжил свой поиск. Этот старец был ещё более прозрачным. Совсем скоро он уйдёт в небытие. Но и этот древний мудрец не знал ответа. Дальше. Шестой по счёту старец был человеком с Земли. И он был не один. Рядом с его силуэтом цвета водопроводной воды я увидел такой же силуэт собаки. Пёс неподвижно лежал на гладкой поверхности сферы рядом с человеком. Аур у них обоих не было, как и у всех старцев, но, приглядевшись, я заметил тонкую золотистую ниточку, вроде пуповины, соединяющую их в области, где в телах

находится солнечное сплетение. Вся карма обоих отработана, осталась только последняя задача — изжить их привязанность друг к другу. Больше ничего не держит их на пути в нирвану. Кто знает, сколько времени они сидят так рядом, и сколько веков проведут ещё вместе. Избавление от привязанности — долгая карма. И кто-то из богов питается таким ощущением. Зная гастрономические пристрастия земных богов, я всё равно не смог определить создателя этой пары — человека и зверя. В течение часа я пытался вступить с ними в контакт, но безуспешно. В их общем внутреннем мире я уже не существовал. Продолжаю поиск. Около пятисот миллионов обитателей сферы, из них примерно четверть разумны, из них процентов семьдесят недостаточно стары, это сколько времени мне потребуется обойти всех самых древних старцев Тха-Эттона? Время на дорогу много не уходит, в основном на попытки добиться аудиенции. Если примерно по полчаса на каждого...»

Прошло ещё десять лет.

«... хотя бы чем-то занят. Всё равно до сих пор я не могу определить себе задачу на следующую жизнь. Очередной старец. Нет, этот ещё недостаточно стар. Его тело не прозрачнее моего, и даже есть ещё остатки ауры. Да ему ещё жить не одну жизнь. Что он здесь делает, вдали от возможности воплощения? Подойти, что ли, раз он попался на пути? Я подлетел к нему. При моём приближении старец, да какой он старец, чуть постарше меня, встал и первым потянулся ко мне. Все цвета его поблёкшей уже ауры скопились на кончике щупальца, коснувшегося меня. Я открылся.

— Гесвод? — спросил он.

— Да. А ты кто?

— Я Аспахель, я жду тебя.

Хотя я никогда раньше не слышал этого имени, я понял, что нашёл, кого искал. Но по привычке, сложившейся за десятилетия поиска, попытался изложить свою проблему.

— Я ищу...

— Знаю, — перебил меня Аспахель, — я жду тебя очень давно. Я не так молод, как кажется на первый взгляд. Я самый древний обитатель Солнечной системы, хотя не жил ни одной жизни в теле. Я посланник Шаха, моё предназначение дожидаться тебя и передать информацию от нашего создателя.

Пока мы разговаривали, его аура исчезла полностью, только яркое фиолетовое пятно на моём коконе осталось в том месте, где его щупальце коснулось меня. Да и всё его тело на глазах становилось прозрачным. Такого я ещё никогда не видел, и даже не слышал о подобном.

— Ты избран Шахом для выполнения особой миссии, — продолжал посланник, — Когда вы ещё только отправились в путь, вечность тому назад, Шах сотворил тебя особым. Ты — оружие. Сейчас ты полностью готов к своей задаче. Наша встреча, это то единственное, что не хватало тебе для полной боевой готовности.

— И против кого? — нетерпеливо спросил я, хотя уже смутно догадывался.

Витиеватая манера речи Аспахеля начинала меня раздражать, но он ждал этого момента так долго. Безымянный во мне зудел невыносимо, как будто почувствовал, что близится очередная стадия его освобождения. Хотя я знал, что Безымянный не может чувствовать, это реагировала моя программа. А Аспахель выполнял свою программу.

— Я был послан, — продолжал он, не обращая внимания на моё нетерпение, — уже после того, как вы направились к Солнечной системе. Но так получилось, что я, позже

посланный, раньше вас оказался на месте. Шах отправил меня во время до вашего прибытия с хорошим запасом. Те, кого я застал здесь, уже давно в нирване. Я ждал всё это время, пока ты будешь готов найти меня. Шаху всё равно, случись это миллион лет назад, или ещё через много миллионов лет. Дело не требует срочности, но оно должно быть сделано. Ты не один такой, вас тысячи. Но ты первый вышел на нужную стадию развития. Это не твоя заслуга, и, даже не промысел Шаха. Это всего лишь случай. Ты прошёл путь инкарнаций на Тха-Этоне и Земле, набрал много жизненного опыта. У тебя нет ни к чему привязанности, даже к самому себе. Ты поймёшь это, если окажешься на краю гибели. Гибели души, так как враг может пожрать душу. Ты знаешь, что это такое.

Я знал. Съеденная душа не освобождает своего Безымянного в нирвану. И она не может испытывать предназначенные ей ощущения. Вообще никакие ощущения, кроме безысходности. И эта безысходность кормит пожирателя душ вечно. И ещё я знал только одного пожирателя чужих душ.

— Икхетол? Но если сам Шах и другие старшие боги не могут его уничтожить, как это сделаю я?

— Могут. Они уже придумали оружие. Это оружие — ты.

— Но я не знаю, как с ним справиться. Я даже не знаю, что он такое.

— Его боится даже сам Спящий Джинн. Икхетол — кошмар, ему снящийся. И, поэтому боятся его и все обитатели его снов. Не одного нашего сна, а всех. Ты отправишься в иную реальность, в тот сон, который снится Спящему Джинну сейчас, то есть тот сон, где он сам присутствует. В «сейчас» не нашей вселенной, а Джинна. Относительно нас это будет через миллиарды и миллиарды лет. Там ты найдешь джинна. Не Джинна, который спит, а джинна, снящегося самому себе. И избавишь его от кошмара.

— Но здесь нужен психиатр, а я не помню, чтобы хоть в одной жизни был им.

— Ты прожил много жизней, видел много снов. В этом опыте есть всё, что тебе понадобится.

— Но я же не помню все свои сны! Это невозможно!

— Ты вспомнишь их все. Посекундно. Всё, что снилось тебе на протяжении всех твоих жизней.

— Разве можно такое вспомнить?

— Чтобы записать такой объём памяти на материальных носителях, не хватит никакого мозга. У тебя будет все эти сведения. Вернее доступ к ним. Когда ты выйдешь за пределы нашей вселенной, перенастроишься на другую частоту, ты станешь огромным. Больше всего нашего мира, почти таким же, как старшие боги. Твоё время потечёт по-другому. То, что для тебя сейчас миллионы лет, станет коротким мигмом. Как для Шаха и других. И ты будешь говорить с ними. Они укажут тебе путь в нужную реальность. Все боги совместно будут держать для тебя открытым всеобщее информационное поле. В нём записано всё, что когда-либо происходило, или будет происходить во всех реальностях. Всё, вплоть до ничтожного изменения положения каждого атома. Ведь информация никуда не исчезает. Эта вся память Спящего Джинна. Даже он сам, когда проснётся в своей Сверхреальности, не имеет полного доступа к этой памяти. Ты, конечно, не сможешь получить её всю, и старшие боги не могут, даже все вместе. Но ту часть памяти, где записаны все твои ощущения и во снах и наяву, они для тебя откроют. А после того, как ты выполнишь задачу, тебя ждет награда, которой не достаивался ещё никто. Хотя ты всё равно не можешь отказаться, это твоя карма. Но так пожелал Шах. А если ты... не справишься — следующий займёт твоё место.

Аспахель уже почти совсем исчез, я мог видеть, где он находится только потому, что свет ещё преломлялся через отдельные фрагменты его тела. Как в восходящих потоках от нагретой земли в жаркий летний день. Этот оптический эффект тоже вскоре пропал. Лишь фиолетовый отпечаток на моей ауре ещё был виден, когда я метнул в пустоту вопрос:

— А как мне выйти из нашего мира?

— Вспоминай... И пятно на моём коконе тоже стало бледнеть. От его центра пошли круги, как от камня брошенного в воду, и всё. Аспахель выполнил свою миссию и ещё один Безымянный вернулся в нирвану...»

Глава 5 МИРЫ-СНЫ

Фея перестала петь колыбельную песенку и прислушалась, приложив своё нежное ушко к глиняной стенке кувшина. Джинн едва слышно стонал во сне. Опять кошмары. «Ну, зазвони!» — попросила она карлика, но тот лишь хитро прищурился и перевел стрелку своего будильника ещё на час позже. Тогда фея громче запела и принялась своими тоненькими ручками раскачивать тяжёлый кувшин, баюкая джинна. А кувшин падал, и внутри него была невесомость. Маленькая фея не понимала, что в невесомости не убавляют раскачиванием, и старалась изо всех сил...

Вот теперь совсем другое дело! Главному герою, как и положено, предстоит заняться великими подвигами. Хватит уже слоняться по загробному миру, маяться без дела. Иначе, зачем же про него книжку писать? И не просто мир спасти от мучителя и изувера, а все миры сразу. Одним махом. Ну, не подведи, Агапон Кузьмич, дорогой наш товарищ Котовасин! Мы все на тебя надеемся. Мы в тебя верим! Медальку тебе, и конный бюст в полный рост на главной площади твоего родного города Сивокобылинска, если справишься, конечно. А нет, так помянем всенародно. Тоже дело.

«... разогнался, как следует только вдаль от вещественного космоса. В пустоте уже не межгалактической, а полной. Здесь ещё наша реальность, но абсолютно пустая. Ни атома, даже ни единой элементарной частицы, только пространство. И я ощутил, что стал увеличиваться. В полной пустоте, из глубин которой когда-то пришёл в этот мир. Но тогда я даже не имел представления, какая она огромная, эта пустота, до первой своей жизни. Я тогда мало смыслил в размерах, да и вообще ни в чём не смыслил. Я не осознавал, что приближаясь к физическому миру мы уменьшались. Сейчас я встречал по пути таких же, каким был тогда, радостно спешащих в материальный мир новых кормильцев старших богов. Чем дальше в пустоту, тем они больше размерами. Уже теперь я помню это всё, как будто это было вчера. Вроде и не было миллионов лет реинкарнации. Нет, их все я тоже помню, хотя пока в общих чертах. Не я, вернее, а глубинная память Спящего Джинна — всеобщее информационное поле. А там и моя память. И я ей скоро смогу воспользоваться в полном объёме.

Вот я приближаюсь к границе перехода в другую реальность. Это и место в пространстве, и скоростная характеристика удаления от материального мира, и настройка моей внутренней антенны на определённую частоту, и ещё многое другое. Там, за пределами вселенной и произойдёт моё полное подключение к всеобщему информационному полю. Я буду помнить все время, от того мига, когда я ощутил себя Гесводом и перестал быть Безмянным. Посекундно. Даже все свои сны, во всех жизнях. Это невозможно. Мне страшно. И одновременно — радостно. Такого ощущения у меня не было никогда, ни в теле, ни без него. Я осознаю себя единственным избранным. Мне предстоит испытать то, чего никто никогда не испытывал. Новые, мощные впечатления. Я не могу дождаться этого мига. И в то же время я понимаю, что так я и должен относиться к заданию создателя. Я так запрограммирован. Так создан. Такова моя природа. Я механизм для выполнения своей задачи. Оружие, в данном случае. И то, что я при этом чувствую, никого не волнует. Включая моего создателя. Ему главное, чтобы он питался моими чувствами. Конечно, не только моими. Одних моих ему, как атом водорода в океане. Мы его кормильцы. Наши чувства — его еда. Любовь, радость, страдания. Какова на вкус ненависть? А боль? Нас не

спрашивают, когда создают. Мы — законная добыча наших творцов. Ненавижу! Не хочу быть! Хочу! Радость от предвкушения нового рождения, новых ощущений ни с чем не сравнима. Даже с самими ощущениями. А холодная мудрость равнодушия? Это так прекрасно, когда тебе всё равно, существовать или нет. Какая разница: быть в нирване Безымянным и не осознавать этого, или знать, что ты стремишься туда неизвестно для чего. Известно. Потому, что так устроен. Таким тебя сделали. Слепили. Собрали из квантов Сплели из энергий. Внесли во всеобщую программу мироздания. На потеху. На забаву. На корм. Теми, кто сами устроены так, что по-другому не могут. Такова их природа. Они тоже добыча, как и мы. Добыча тех, кто тоже чья-то добыча. Потому что так устроены. Мне их жаль. Всех. И себя тоже жалко. Себя жалче. Потому, что это — я. Кто — я? Что я такое? Не тот я, которого создали, а другой, который внутри меня созданного. Который побочный эффект кормодобывающего механизма. До которого никому нет дела. Кто я такой? Память? Какая память? Память Гапы Котовасина, или инквизитора Себастьяна? Или Гесвода? А где был Гесвод, когда я чувствовал себя только Гапой и ни кем другим больше? А откуда здесь взялось кукурузное поле? Я опять живой... Вкус воды, такой разный... Мир — мультфильм. Я нарисован на шершавой бумаге, когда я оглядываюсь, она больно скоблит затылок... А мой папа забросит твоего аж на седьмое небо...

Осознал я себя в сумрачном, но не тёмном пространстве, проколотом разноцветными световыми точками. Мое призрачное тело оставалось при мне, и оно тоже было все исколото, как и пространство. Я поднял руку к глазам и поводил ею перед лицом. Точки-проколы на моей ладони не двигались вместе с ней, а оставались на своём месте в пустоте. А те, что висели в пространстве, оказывались в руке, просвечивая через мою призрачную плоть. Я помнил всё. Большую часть памяти занимала пустота, летящим в которой, я осознавал себя, и это продолжалось вечность. Это мой путь к материальной вселенной с момента моего сотворения. Я помнил каждое его мгновение, даже те периоды, которые я стирал, когда объём моей памяти переполнялся. Теперь она вся восстановлена. Память всех остальных моих жизней, вместе со всеми снами, мыслями, ощущениями наяву и в грезах, едва ли составляла тысячную часть от времени того полёта. Каждый миг моего существования занял своё место в длинной цепочке времени. Да не такая уж она и длинная. Мгновенный всплеск — и я уже представил весь этот объём информации целиком. Ещё всплеск, и я мысленно пробежал по нему от начала до конца. Второго августа тысяча шестьсот восемьдесят третьего года меня разбудил гром в четыре утра. Мой сон был прерван на том моменте, когда я уже почти добрался до указанного места на карте, где зарыт клад. Двенадцатого мая года семьсот пятьдесят первого от рождества Христова, в два часа пополудни я был убит на рыцарском турнире. Накануне я видел во сне леди Изабеллу. Её рука с маленькой родинкой на сгибе локтя протягивала мне вышитый шелковый платок, а волосы пахли лавандой. Сон тха-эттонца Каррахата на вторую ночь, после того, как он вылутился из кокона, был созерцанием долины Кхе-Луу.

Я знал, что объём информации, в котором я мог в любое время отыскать нужный мне миг моего существования, огромен. Я признавал это разумом, но не чувствовал. Это не было тем тяжким грузом памяти многих миллионов лет, каким я его представлял себе. Я ощущал себя так же, как и раньше. Только масштаб моего мышления изменился. Это похоже на то, как если бы младенец, два месяца для которого — вся его жизнь, вдруг осознал бы, сколько времени до самой смерти им ещё не прожито. Так и я, понял вдруг, как же мало то, что я помню. И сколько много есть ещё того, чего я не знаю. Как огромно мироздание, и какой

крохотный в нем наш мирок — наша вселенная. И как ничтожен я в этих бесконечных просторах сущего.

Я вдруг провалился в следующую реальность. Здесь я видел своё тело объёмным огненным иероглифом зелёного цвета, висящим в чёрной пустоте. У меня не было глаз, но если взамен них какой-то орган присутствовал, он выглядел бы как сфера вокруг моего тела, видящая каждой точкой на своей поверхности, как наружной, так и внутренней. Кроме меня в пустоте никого не было. И вообще нигде никого не было для этого мира, так же, как и мира этого не существовало для всего, что за его пределами. Здесь реальны только я и пустота. Ничто другое не может проникнуть сюда, потому что здесь уже есть я. Возможны только два состояния сущего — «я» и «не я». «Я» уже есть, это я. «Не я» тоже есть — пустота. Все места заняты, роли распределены. Добавить ничего не возможно, как и убавить. Можно только поменять местами. Я делаю это. Теперь я пустота, а весь мир висит внутри меня замысловатым неоновым арабеском. Интересно. Снова обратно. Забавно. Мне хорошо здесь. Сюда никто не придет. В пустоту неоткуда придти. Если в пустоте есть что-то, откуда можно придти, то это уже не пустота. Это место где находится то, откуда можно придти в это место. Но не пустота. А здесь нахожусь только я. Но если я здесь, а раньше был не здесь, значит, я как-то сюда проник. И, если я здесь, это уже не пустота, а место, где нахожусь я. А где оно, то самое «не здесь», откуда я пришёл? Его здесь нет. Только пустота. И я. Из пустоты я прийти не мог, там пусто. Значит, я пришел из себя. Значит, «не здесь», где я был раньше, во мне? Но там были ещё другие. Значит, они остались во мне. Ну, правильно, я пришел из себя, а все другие не пришли. Значит, остались. Во мне. А я здесь. Я здесь, а они во мне. Я их принёс! Они все тоже здесь! Кто угодно может придти сюда из меня, как я сам пришёл! А если я уйду обратно в себя? Но ведь там все остальные. И всё мироздание тоже во мне. Ведь где ему ещё быть, не в пустоте же! Оно такое маленькое, это мироздание. Оно умещается во мне, и во мне ещё остаётся место для меня самого, такого огромного, способного вместить все мироздание, и оставить ещё место...

Шах пришёл отовсюду, и из меня, и из окружающего пространства. Он был везде, и внутри меня и во всём остальном мире, потому, что я был внутри него. Я был Шахом, а Шах был и мной тоже. И всё мироздание тоже было Шахом и мной. Контакт продолжался вечность, короткую, как миг. Он не говорил мне, просто, когда он ушёл, я уже все знал. Знал, что мне надо делать, и как это сделать. И ещё, я знал всё, что знал Шах. На время контакта я почувствовал себя Шахом. Нет, я был им, и я помню, как это — быть Шахом.

Боги живут в материальном мире. Только не сразу, а по частям. Эти части — мы. Боги берут часть себя, наделяют ею Безымянного и отправляют в материальный мир. Там эта часть, состоящая из ещё более мелких частичек, совершает разные действия. Те, которые каждая из этих мелких частичек хочет совершить. Нет, не может не совершать. И, совершив предназначенное действие, каждая из них отправляется обратно, к своему целому. И так пока вся часть, считающая себя отдельной личностью, не вернётся назад. И когда все части проживут все свои жизни и вернуться, целое снова станет тем же, чем было до начала творения из себя первой души. Тем же, только выполнившим своё предназначение. Успокоившимся. Растратившим тот зуд, ту энергию, которая, ища выхода, вынудила её обладателя затеять весь этот балаган. Остановившимся маятником. Мне вдруг вспомнился разговор инквизитора Себастьяна — мой разговор, с одним еретиком. Перед тем, как еретика сожгли.

СЕБАСТЬЯН: Ты должен быть благодарен богу. Он дал тебе жизнь.

ЕРЕТИК: А он меня спросил, хочу ли я этого?

СЕБАСТЬЯН: Тогда ты должен благодарить его за то, что руками слуг своих, он отберёт у тебя жизнь.

ЕРЕТИК: А он меня спросил, хочу ли я этого?

СЕБАСТЬЯН: Так чего же ты хочешь?

ЕРЕТИК: Свободы!

СЕБАСТЬЯН (оглянувшись и убедившись, что не подслушивает никто из его коллег, шёпотом): Свободы захотел? А у бога есть свобода? Его кто-нибудь спрашивал, хочет ли он быть? Он был всегда, он не может не быть, так есть ли у него свобода? А кто такой ты, что требуешь то, чего нет даже у бога?

После этого мы сталкивались ещё в двух жизнях. В одной — случайно и ненадолго, а в предпоследней были хорошими знакомыми, почти друзьями. И ни разу не встречались в стране мёртвых. Теперь я знал, что он тоже был одним из претендентов на избавление Спящего Джинна от кошмара. Может быть, если я не справлюсь, он будет следующим. А если и он тоже.... Тогда мы встретимся с ним в Икхетоле, как его части. И Шах никогда не станет таким, как был до начала. В нем не будет хватать нас двоих.

Я уже говорил о внутренней антенне, служащей для настройки на частоту определённой реальности. Живые, за очень редким исключением, о нем не помнят. За всю историю человечества единицы могли воспользоваться этим органом. Мёртвые же вспоминают о нём после смерти и пользуются при переходе в реальность страны мёртвых, прохождении из сферы в сферу планет и совсем редко — если выполнить свою программу душа может только в другой реальности. В другом измерении или в параллельном мире, как их ещё называют. Но это лишь ничтожная часть всего диапазона. И никому не приходит мысль просто путешествовать по этим мирам ради удовольствия. Это не заложено в программу. А Безмянный в каждом из нас требует наикратчайшего способа её выполнения. Хотя, может быть, и есть такие, кто запрограммирован на подобные путешествия. Но я не слышал о них потому, что они не возвращаются. Так и проходят весь инкарнационный путь в разных реальностях. И то, что мне сейчас понадобилось использовать весь диапазон внутренней антенны, конечно же, было заложено в мою программу изначально.

Сколько же их много, разных реальностей! Я чувствовал себя ребёнком, после трёх-четырёх программно-телевизора дорвавшимся до спутникового телевидения. Все сны Спящего Джинна, все эти отдельные миры, после его ухода из них, то есть пробуждения, развивающиеся самостоятельно, по раз и навсегда запущенной его мозгом программе, хранились в глубинах его памяти. И я проносился по всем ним в направлении от того сна, из которого я вышел, к тому, который снится ему сейчас. В его «сейчас». Часть этих миров меня не интересовала. Это были обычные, спокойные сны. Мне нужны были лишь те, где Джинну снился Икхетол. То есть — кошмары. Интересно, Икхетол, получается, мог находиться одновременно сразу во многих мирах. В последнем сне, в джинновом настоящем времени, он пугал самого Джинна. В прошлом кошмаре, где по местным меркам уже прошли, может быть уже столетия или даже тысячелетия, ведь во снах время бежит гораздо быстрее, Икхетол продолжал свирепствовать над остальными персонажами, их потомками или их созданиями. И так далее. Если бы он просто переходил из сна в сон, то наш мир он покинул бы раз и навсегда, приснившись Джинну в следующий раз. И нашим богам не было бы до него никакого дела. Но он исчезал и появлялся снова. В Солнечной Системе его не видели с тех пор, как он разрушил Тха-Эттон. Но я узнал, когда слился на мгновение с

Шагом, что Икхетол не покинул пределы нашей галактики. Есть ещё вариант, что в каждом сне свой Икхетол, и все они самостоятельные персонажи, не связанные между собой. Это уже сложнее. Допустим, доберусь я до последнего сна, избавлю в нём Джинна от кошмара, но в нашем мире Икхетол ведь останется. Нужно будет снова ввести Джинна в наш мир, чтобы он избавил нас от чудовища. А кто его знает, какая часть нашего мира, какое время, место и событие были непосредственно сном Джинна, а что достроилось само по себе, подчиняясь сложным законам джинновой психологии. Ведь сон, когда снится, действие происходит уже в готовых декорациях, с готовыми персонажами. То есть, сознание, или подсознание, что там ответственно за создание снов, рисует готовый мир, для сновидца — его время настоящее. А причины, приведшие к возникновению данных следствий, достраиваются уже потом, автоматически. Так же, как и следствия из причин, происходящих во сне. А это интересная мысль! Выходит, миры создаются не с начала времени, а с произвольного момента в любом месте его истории. А потом уже от этого момента время движется в обе стороны, назад и вперёд. Например, до, скажем, лет двадцати меня не было вообще. Это, если представить, что наш мир приснился Джинну при моей жизни. Не обязательно последней, а какой-то из них. Снится, значит Джинну, например, что он, ну, пускай будет американский индеец доколумбовой эпохи. Или нет, джинны — это же из восточных сказок, предположим, снится ему, что он какой-нибудь шах персидский. Сознание его рисует ему соответствующие декорации — дворец восточный, гарем, что там ещё положено — всё по полной программе. Просмотрел он свой сон, проснулся, а мир этот в его подсознании продолжает существовать. Но существует он без причины, его породившей. Ну, то есть, причина-то, конечно, была, но за пределами джиннова мозга, нашего Универсума. Какие-то впечатления из мира, в котором Джинн существует реально. Но в мозг его эта информация попала уже готовой, в таком виде, в каком приснилась. А мозг — он агрегат логический, он начинает выстраивать цепочки. Ага, восточное государство, а где оно находится? На континенте Евразия, на планете Земля, в Солнечной Системе, в галактике..., во вселенной..., во времени и пространстве..., причины, приведшие к возможности данных событий. В общем, всё, от самого момента возникновения нашего мира. Но ведь это всё Джинну не снилось. Значит, время от событий его сна пошло вспять, к своему истоку. Вернее, времени этого вообще не было, оно как бы условно считается прошлым. А где-то за многие километры от джиннова дворца в его сне автоматически возникла какая-то другая страна, ведь должны же быть другие страны в отражённом сном мире Джинна. А в этой стране живут люди разного возраста. Вернее это они так думают, на самом деле их реальный возраст начал отсчёт с того момента, когда Джинну приснился сон. Но их условная память хранит условные события их условного прошлого. Ведь не могут же они существовать вообще без прошлого, без памяти. А среди этих людей — я, в одной из своих прошлых жизней. Мне на этот момент, якобы двадцать лет. Соответственно я создан подсознанием Джинна уже двадцатилетним, с соответствующей памятью и с примерным знанием истории своей страны, хотя бы на протяжении двух-трёх последних поколений в зависимости от грамотности того условного примерного меня. Прожил я тогда свою жизнь, помер благополучно, попал в страну мертвых и давай вспоминать свои условные прошлые жизни, условную историю своего мира, своих якобы создателей, которые на самом деле всего лишь какие-нибудь мелкие частицы джиннова подсознания, скопления нейронов его мозга. А всего этого на самом деле не было. И дальше идут уже реальные для нас события, мир, созданный с условной, уже готовой историей, продолжает своё, уже реальное развитие.

Хотя, какое оно реальное? Ведь всё это продукт деятельности джиннова мозга, и реальное и условное время. Мир — побочный продукт сна. От таких выводов жить не хочется. Ну, не жить, я ведь уже не живой, а существовать. Нет смысла в моём существовании. То есть, для Джинна-то, смысл, хоть какой-нибудь мельчайший, наверное есть, даже если он и не подозревает о моём существовании. Но для меня самого, какой интерес быть персонажем дальнего плана декораций его сна, о котором сам Джинн уже вряд ли помнит? А что делать? Деваться некуда, единственный способ оборвать своё бессмысленное существование — выполнить свою программу до конца и уйти в Безымянные. Я, Гесвод, с памятью в несколько сотен миллионов лет реального для меня времени, плюс во много раз большей памятью всех моих снов на протяжении всех жизней, создан подсознанием Джинна, вернее куском подсознания по имени Шах, для одной цели — избавиться от кошмара. Как какой-то лейкоцит вшивый в организме! А ведь на самом деле, я по сравнению с Джинном, больше чем бог. Я знаю об устройстве его подсознания во много раз больше, чем он сам, я несравненно старше его по личному жизненному опыту. А может, и нет. Сколько, интересно, Джинну лет в его мире? До какого возраста они живут? По нашим земным восточным сказкам, я помню, они по нескольку тысячелетий сидят заточённые в разных там лампах или кувшинах, так что, может они вообще бессмертны. Тогда я погорячился. Джинн, может быть, круче меня. Что за дурацкие детские мысли? А интересно, каков он, джиннов внешний мир? Если его сны — отражения этого мира, то он должен быть похож на наш. И сам Джинн тоже кому-то снится, может даже не он, а какой-то фрагмент его мироздания. И тот, кому снится джиннов мир, тоже кому-то снится. И так далее, до бесконечности. Или всё-таки есть где-то конец? Какой-нибудь абсолютно реальный мир, который никому не снится. Если есть, то как же он тогда устроен? Какова природа его реальности? Может быть, это все настолько сложно, что и не надо пытаться понять? Количество информации превышает объём, который может обработать такая программа как я. Или даже как Джинн. А в обратном направлении, персонажу моих снов снится сон, в котором кто-то спит и видит сон, и так далее. И тут меня поразила мысль: а вдруг кому-то из вторичных, третичных, десятичных или еще дальше, персонажей моих снов снится тот, кому снится джиннов мир? Вдруг эта бесконечность на самом деле — замкнутый круг? А что, логично. Как ещё можно представить себе бесконечность?

Но что-то я отвлёкся. Мне надо исполнять своё предназначение — уничтожить кошмар миров...».

Время во сне бежит быстрее, чем наяву, это давно известно. Гесвод, выйдя из своего мира, попал в совсем другое время, в очень далёкое будущее. И, хотя, по своему восприятию скорости течения времени он ещё не сравнялся с самим Спящим Джинном, но наши тысячелетия уже давно стали для него секундами, а может ещё меньше. Ни меня, пишущего эти строки, ни вас, их читающих, давно уже не стало. Иная, совсем невообразимо чуждая цивилизация сменила человечество на планете Земля, и люди фигурировали в их мифах, как страшные сказочные чудовища. Потом отпущенное им время тоже кончилось, ещё чуть позже перестало существовать Солнце, погибла наша галактика. Все наше мироздание ушло в небытие вместе со своими богами. И ещё много других миров, приснившихся Джинну после нашего, успели родиться и уйти в никуда. И всё это осталось во времени прошедшем для Гесвода, вот в какое далёкое будущее его занесла кармическая задача. И все дальше и дальше двигался он по линии времени, реальной для Спящего Джинна.

А теперь, уважаемые читатели, отвлекись от основной темы и я, не одному только

Гесводу позволено забивать вам мозги разными теориями. Я тоже хочу. Я автор, я имею право!

А поведать я вам хочу о своих взглядах на природу времени. В свете истин, открытых нам Гесводом, конечно же. Ведь, если бы я не был согласен с изложенными им сведениями, разве стал бы я писать книгу о нем самом, и его псевдонаучной ереси? А каким образом я получил всю эту информацию, я вам пока не скажу. Читайте дальше, если хотите узнать. Итак, что нам известно о времени? Во-первых, оно движется, или мы по нему, что впрочем, одно и то же. Далее, хотя объективное течение времени, фиксируемое приборами, в условиях, которых мы находимся, происходит с одинаковой скоростью, субъективное его восприятие может быть разным. Например, полчаса с интересной книжкой субъективно короче, чем полчаса в очереди за квасом в жаркий летний день на солнечной стороне улицы. И это, не смотря на то, что секундомер, даже самый точный, и в том и в другом случае покажет одинаковое время. Я не напрасно оговорился насчёт условий, в которых мы привыкли существовать. Ходят слухи, что на космическом корабле, летящем с околосветовой скоростью, время течёт по-другому. Но мне самому, или кому-то из моих знакомых, которым я доверяю полностью и безоговорочно, не приходилось щёлкать секундомером на таком виде транспорта, чтобы потом сравнить его показания с другим секундомером, оставленным в неподвижности, поэтому оставим пока эти неподдающиеся проверке сведения. Но на основании имеющихся в моём распоряжении данных, я могу сделать такое псевдонаучное заявление: ещё не известно, что точнее — показания приборов, изготовленных в пятницу после обеда в последних числах декабря, или субъективные ощущения человеческого мозга, более сложного агрегата, чем любой прибор. Моё мнение таково: приборы измеряют усреднённое время на планете Земля, то есть среднее арифметическое субъективных восприятий всех людей. И выдают нам показания в произвольно выбранных нами единицах измерения: секундах, минутах, часах и так далее. А чему равен час в различных масштабах? Нескольким поколениям бактерий, двадцати трём с половиной квинтиллионам оборотов электрона вокруг ядра атома, более миллиарда километров пробега какого-нибудь шустрого фотона? Или не стоящей внимания пылинкой времени в жизни галактики? В каком времени живёт комар, крылышки которой за секунду успевают сделать столько движений, сколько руки хорошего боксёра, бьющего по груше, за, примерно, минуту. То есть, к чему я всё это вывожу? Да к тому, что восприятие времени зависит от размеров. Вот когда наши мудрые учёные найдут самую мельчайшую и неделимую частичку материи, какой-нибудь гипотетический «ничтон», тогда и можно будет говорить об абсолютной единице времени. Это такое количество времени, за которое единственный этот самый «ничтон» во вселенной успеет сдвинуться от первоначального положения на расстояние, равное собственному диаметру. Если, конечно, какой-нибудь ещё более дотошный ученый не разобьёт этот период его движения на фазы. Но тогда и эта, считающаяся абсолютной единица времени станет относительной. А потом праправнук того дотошного учёного сумеет разделить и «ничтон» на более мелкие частички, и так далее. Ведь нет в природе ничего настолько мелкого, чтобы пыливый ум, снабженный умелыми руками не смог разломать на ещё более мелкие кусочки. Выходит, что время, как впрочем, и материя, бесконечно не в даль, а внутрь любой своей частички. По теории Гесвода, весь наш материальный мир является информацией, записанной на нейронах мозга Спящего Джинна, то есть, нереален для того мира, в котором этот самый Джинн живет. В свою очередь, мир наших снов нереален для нашего физического мира, а имеет материальную природу для его

обитателей. Их сон, соответственно, будет для них самих столь же нереальным, как их мир для нас, но для персонажей его населяющих является твердью и плотью. И так до бесконечности, пока кому-то из подперсонажей сна приснившегося тем, кого увидели во сне мы, не приснится сон, который есть реальность для кого-то, кому снится тот, кому снится мир Спящего Джинна. Где-то этот круг замыкается. А соседям того сони, который на этом круге находится на противоположном конце диаметра относительно нас, тоже каждую ночь снятся сны. И уже не одна бесконечность, замкнутая в окружность, фигурирует в наших рассуждениях, а бесконечность, помноженная на количество всех обитателей каждой реальности, способных видеть сны. И всё это потом умножается на среднее количество снов каждого из них на протяжении жизни. И, хочу заметить, далеко не все жители бесконечности бесконечностей живут, как мы, только по семьдесят- девяносто лет, и спят всего лишь треть жизни. Есть и более благополучные миры. Но прав Гесвод, всё это настолько сложно, что лучше и не задумываться об этом совсем, а то будут являться вам призраки из далёкого будущего, жившие прежде с вами по соседству, и рассказывать разные неправдоподобные и скучные истории.

Глава 6 ПРАВДА О ДЖИННАХ

Любая бездна, когда-нибудь кончается. Фея и карлик с будильником знают это, и стремятся использовать своё знание сообразно своему характеру. Знают они, что кувшин с джином когда-нибудь завершит своё падение и плюхнет в море с высоты, или вынырнет из глубины морской, смотря в какую сторону бездны он падает. Потом его найдут люди, выпустят джина и будут нещадно эксплуатировать, требуя исполнения своих порочных желаний. И после тысячелетий сна наступит у джина столь же долгий период бодрствования. Глубоко в подсознание уйдут его сны, долго он не вспомнит о них. Действительный мир станет единственной его реальностью на следующий период жизни. И Спящий Джин станет Разбуженным. Фея жалеет беднягу, хочет, чтобы он отдохнул. Карлик не даёт ему расслабиться, стремится держать его в форме, для его же блага. И каждый из них по-своему прав...

«...не все миры-сны похожи на наш. Физические законы многих обусловлены вовсе не логикой, а, например, неудобным положением тела спящего. Некоторые духотой или холодом в спальне. А бред во время тяжёлой болезни вообще отдельная тема.

Вся вселенная — море кипящей плоти. Живой плоти. Весь универсум — одно живое существо. Оно пылает огнём, бурлит и пузырится, и за счёт этого живет. И это живое Оно — и Спящий Джинн, и Икхетол, и я, когда попал в этот мир, и все другие его обитатели. И не по очереди, а одновременно. Я, Гесвод, абсолютно не знаком самому себе — Джинну, зато я — Джинн хорошо знаю и безмерно боюсь самого себя — Икхетола. А я — Икхетол почему-то презираю, немножко побаиваюсь себя — Джинна, но испытываю к нему — себе за что-то благодарность и чувствую себя его — своим должником. А ещё я панически боюсь себя — Гесвода, демона вызванного мной — Джинном из неведомых глубин иных миров, чтобы не позволить мне — Икхетолу обуздать себя — Джинна. Я — Галюля, ведать не ведаю, кто такие Джинн и Гесвод, хотя знаю, что они это другие ипостаси моей личности, как-то связанные с моей проблемой номер один и величайшим моим позором — Икхетолом, тоже одной из сторон моего многогранного «Я». А я — Сарафан-Карай...

Что же за кошмар, из которого выстроился такой мир снился Джинну? Долго я не смог там выдержать, но кое-какую полезную для своей миссии информацию успел почерпнуть. Икхетол меня боится. Это уже хорошо.

Следующий мир закован в броню. Тесный мир, в котором очень мало места. Броня давит и постепенно, медленно, но неотвратимо сжимается. Мало того, в центре мироздания зреет зерно той же самой брони. Оно прорастет, и все жители мира знают это, и будет увеличиваться, двигаясь навстречу самому себе внешнему. Броня эта — конечно же, Икхетол, символ несвободы, узы, сдерживающие сущность мира. Он противоречит всем местным законам природы, и всё же он существует. И существует успешно, более успешно, чем сам гармонично созданный мир, когда-то, очень давно бывший свободным. Обитатели мира тесно спрессованы друг с другом, но не являются одним целым. Скоро конец. Зерно соединится с оболочкой и расплющит мир внутри себя. Икхетол станет всем этим миром. Спасения нет ни смертным, ни богам.

В следующем мире Икхетола не оказалось. Это была вселенная, порождённая спокойным сном. Обычно я такие миры пропускал, но этот позволил мне собрать много информации о самом Джинне. Пустыня. Оазис. У прохладного родника расположились на

отдых люди и верблюды. Вначале мне показалось, что я набрёл на мир, похожий на наш. Я, как обычно, когда проникаю в очередной сон, не персонифицируюсь с одним из его обитателей. И не наблюдаю со стороны, оставаясь невидимым. Я как бы вспоминаю, отрешившись от всего и сосредоточившись только на этом процессе, что якобы снилось когда-то мне, и воспоминание это становится настолько реальным, что я ощущаю всё происходящее как действительность при жизни. Но я осознаю, что это сон, причём не мой, а джиннов, причём не те события, которые снились ему, а произвольно выбранные время и место в том же мире. Я могу в любой момент покинуть этот мир, не оставив в нём следов своего пребывания. Но ещё я могу создать сам себя в этом мире, сделаться для него реальным и повлиять на происходящие события. Но тогда мой двойник навсегда останется там, когда я, реальный сам для себя, отправлюсь в дальнейший путь. Наверно то же самое делает Икхетол. Поэтому он неуязвим. Но я не хочу становиться таким, имеющим дубликат в каждом мире. Меня не особо радует моя одна-единственная линия существования, я имею в виду всё бытие Гесвода, от Безымянного до настоящего момента. Я хочу лишь побыстрее отработать свою карму и освободиться. А плодить себе двойников — нет, на это я не запрограммирован.

Опять я отвлёкся. В общем, мир этот похож на разветвлённое дерево. На его листьях располагались различные местности с их обитателями, некоторые очень похожие на наш мир, другие же — совсем иные. Меняя свои размеры относительно этого мира, я мог, как увидеть его в целом, так и рассматривать каждый кусочек подробно. Дерево располагалось в пространстве — местном космосе, заполненном воздухом и пригодным для жизни. Пространство это называли здесь Мглой, или в некоторых уголках мира — Туманом. Во Мгле обитали духи, демоны и различные нематериальные сущности всевозможных размеров. Дерево, именуемое здесь попросту Древом, было замкнуто в кольцо, и даже не в одно, а во множество пересекающихся между собой колец. То есть, самые верхние его ветви плавно переходили в корни Древа, но так как дерево это было очень ветвистым, то на первый взгляд было и не разобрать, где кончается крона, и начинаются корешки. Вы видели кустарник перекати-поле? Вот он по сравнению с Древом — прямая линия, или скорее коротенький отрезок прямой. Видимо, когда снится уж очень явно нереальный сон, мозг не особо стремится соблюсти в мире, создаваемом из этого сна, правдоподобные законы природы. Просто, на основе приснившихся событий, строится своё, прецедентное законодательство. То, что уже имело место во сне — разрешено. И постепенно эти самые законы подгоняются под факты сна, выдумываются причины, приведшие к возникновению этих явлений, и по этим произвольно подогнанным правилам и существует в дальнейшем мироздание.

Люди, обитавшие в этом мире-сне на листьях Древа, были похожи на землян, только всевозможных рас здесь насчитывалось несколько сотен. Кроме людей в чистом виде, жили ещё помеси человека с различными животными. Войны иногда происходили, но по сравнению с Землёй очень редко. Трудно было добраться целой армией до соседнего государства. Обычно, на одном листе устраивалось некое подобие государственной структуры под единым правлением. В каждом государстве равноправно жили несколько разных народов — и людей и не очень. Древляне могли путешествовать от листа к листу по ветвям, тогда путь длился месяцы и годы, или напрямую, по небу, на воздушных шарах, или, если повезёт, на прирученном демоне или джинне. А вот обитатели Тумана сильно досаждали людям. Они считали их низшими существами, законной охотничьей добычей. В

свою очередь люди, используя заклинания, могли поработать демонов и использовать их в своих целях, обычно в качестве межлиствого транспорта или для воровства из других стран материальных ценностей. Некоторые, посредством заколдованной нечисти, приходили к власти в своей стране. Загробная жизнь в этом мире была почти такой же, как и у нас. Только отдельной страны мёртвых здесь не существовало. Умершие обитали в Тумане вместе с нечистью. Инкарнационный путь обычно начинался с воплощения в сильном демоне, которого нельзя поработить никакими заклинаниями. Такие начинающие души особо сильно притесняли людей, да и соседям-демонам от них доставалось. Пережив в этих воплощениях наиболее сильные впечатления, души начинали рождаться людьми. Потом следовали жизни духов, которых люди могли подчинить, и, наконец, души-старцы жили жизнями демонов-отшельников. Они не обладали никакими возможностями, да и потребностей у них было ничтожно мало. Просто доживали кармический срок и уходили в Безымянные. Роль светила в мире Древа исполняла Мгла. Днём она светилась ровным свечением, как на Земле скрытое за облаками Солнце, а ночью угасала. Температурные колебания, как суточные, так и сезонные, тоже происходили за счёт этого же природного явления. Джинн наш, когда ему снился этот сон, был здесь, естественно тоже джином, то есть самим собой. Вполне рядовым представителем племени джинов. Уже потом, когда этот сон перестал Джинну сниться и развился в полноценный мир, местные мудрецы определили, что вот именно этот индивид был аватарой создателя. Вообще, мистические знания здесь были широко распространены. Точная история мира была достоянием общественности. Когда я жил на Тха-Этtone, мы тоже при жизни знали, кто мы, откуда появились, для чего живём, и чем всё закончится для каждого лично. Здесь же, не считая тех подробностей, которые я узнал уже за пределами своего мира, широкие массы знали ещё точные сроки конца своего мироздания, и как он будет происходить. Начнётся всё с Листопада. Страны-листья будут просто-напросто отрываться от Древа, и рушиться вниз. Абсолютным низом здесь является сам ствол Древа. На него всё и упадёт. А так, каждый лист сам по себе — временный низ для его обитателей. Во время Листопада погибнет всё живое в этом мире. Останутся только обитатели Мглы и примкнувшие к ним развоплощённые души. После Листопада начнёт остывать и угасать сама Мгла. Весь мир погрузится в холод и мрак. Даже бесплотные почувствуют холод. Полтора миллиона местных лет будет длиться Мрачная эпоха. Потом начнут, как из мозаики выпадать куски реальности, и, через ещё четыре с четвертью миллиона лет, всё мироздание постепенно растворится в наползающей пустоте. Интересно то, что все это произойдёт в момент смерти Спящего Джинна. Местные знали, что Джинн смертен, мало того, они ещё смогли, сопоставив время своего мира с реальным временем Джинна, вычислить срок его смерти. Ну, это ещё очень нескоро. Я даже не придавал этой цифре особого значения, уж очень она огромна. Запомнил только, что Джинну осталось жить около тридцати пяти тысяч лет времени его собственного мира. А в последние секунды его умирания уместятся и Листопад, и Мрачная эпоха. А разрушение реальности будет совпадать с распадом умирающего мозга Джинна.

Более ценными для меня оказались сведения о природе самого Джинна. Он в своём мире не совсем материален. Так же, как джины и демоны в этом мире. Спящий Джинн представляет собой энергию в чистом виде, с высоко организованной структурой, способную воспринимать, накапливать, обрабатывать и создавать информацию. То есть мыслящим энергоинформационным сгустком. Это примерно то же самое, что и

человеческая душа. Разница только в деталях строения и более разнообразных возможностях. Для воплощения джиннам не нужно рождаться в материальном теле. Время от времени, подгоняемые желающим освободиться Безымянным в себе, джинны переводят часть своей энергии в некое подобие сильно разряженной материи. Так у них происходит рождение. Эти псевдотела служат им по восемьдесят-девяносто тысяч лет, потом постепенно разрушаются, то есть переходят обратно в чисто энергетическое состояние. Поэтому у джиннов нет чёткого разграничения между жизнью и смертью. Ещё их отличие от людей состоит в том, что джинны не имеют твёрдо определённой кармической задачи. Единственное их предназначение — исполнять чужие поручения. Ну, не всех подряд, конечно, а только тех, кто знает ключ или код их программы. В просторечье — заклинание, могущее подчинить джинна. Тот, кто владеет таким заклинанием, имеет право приказать джинну исполнить несколько серьёзных поручений, или множество мелких. В общем, объём работы определяется средним между количеством и сложностью заданий. После выполнения определённого числа действий определённой сложности, карма джинна уменьшается, и прежние заклинания уже перестают на него действовать. Если прежний владелец джинна силен в магическом искусстве, или, выражаясь научно, кармическом программировании, то он сможет подобрать следующий код, и пользоваться его услугами дальше. Иначе джинн выходит из повиновения, освобождается, и начинает совершать самостоятельные поступки. Такой род деятельности иногда позволяет им освободиться от какой-то части кармических задач, но в целом малопродуктивен. Джинны улавливают наиболее сильные потребности кого-либо из окружающих и, в меру своего понимания, стремятся их исполнить. Но, так как эти потребности почти всегда входят в явные противоречия с потребностями других, и никто не может, не обладая ключом, обосновать приоритет своих желаний, джинны путаются и начинают вредить и тем и другим. А так же не продвигаются и на своём кармическом пути. Но открыть кому-нибудь свой ключ джинны не могут. Очевидно, те, кто их создавал как обслуживающие механизмы, предусмотрели это, для защиты от попадания в чужие руки. А вот создателей джиннов в этом мире не было. И никто здесь не имел о них ни малейшего представления. Все джинны этого мира были созданы воображением Спящего Джинна, вернее перенесены в этот его сон уже готовыми, такими, какие они есть, из реального мира. Причём, этот сон был, как мне кажется одним из ранних — детских снов. Он, если не точно копировал, то отражал детские представления Спящего Джинна о его собственном окружающем мире. И снился этот сон ему не один раз, а довольно часто. Ещё я узнал такой факт: сам сновидец, просыпаясь, оставляет в мире-сне своего двойника. И этот двойник живёт во сне всю жизнь, умирает, рождается в следующем воплощении и проходит далее весь инкарнационный путь уже по законам этого мира, пока не уйдёт в Безымянные. В некоторые сны мы возвращаемся вновь, но там уже проходит значительное количество времени. И ещё один двойник остаётся в этом мире. Наиболее часто один и тот же мир-сон мы посещаем в детстве. И он очень сильно отпечатывается в нашем подсознании и хранится там всю жизнь, хотя в старшем возрасте мы о нём, чаще всего, не помним. Ещё бывают сны-дубликаты. Но реже. Это когда один сон повторяется снова, но с небольшими изменениями. Однако эти изменения противоречат законам уже созданного первоначального сна мира, и не могут в нем иметь место. Тогда мозг создаёт похожий мир, но отдельный. Он развивается уже по другим законам, как вперёд, так и назад, в прошлое.

А наш Спящий Джинн часто возвращался в этот свой сон уже в зрелом возрасте. Последний его двойник живёт где-то здесь около четырёх тысяч лет, то есть не прожил ещё

и одного своего воплощения. До своей смерти ему жить ещё в этом мире тридцать одну тысячу лет местного времени. Я решил разыскать его и расспросить об Икхетоле. А то я уже приближаюсь к конечному пункту своего назначения — последнему сну Джинна, который снится ему сейчас в его реальном времени. Осталось всего пара-тройка миров-снов.

Но уж очень не хочется оставлять в этом мире своего двойника. Он то, конечно, недолго меня беспокоить будет, только пока я в другом мире-сне с такой же скоростью течения времени, как здесь нахожусь. А в междумирье выйду, в дебри подсознания Спящего Джинна, там время гораздо медленнее тянется. Я и моргнуть не успею, а мой дубликат уже две-три жизни проживёт. Ещё и до последнего джиннова сна не доберусь, а он уже и в Безымянные уйдёт. Я даже не всегда его ощущать буду. Но не в этом дело. Жалко его. Всё-таки, это же я сам, только ещё один. Не плоть от плоти, но мысль от мысли уж точно. Останусь второй я — точная копия того меня, каким я являюсь на данный момент, совсем чужой в этом мире, с программой, заложенной чужими, уже мёртвыми по времени этого мира богами. И куда будут идти ощущения, полученные здесь моим двойником, кого кормить — неизвестно. Да и не предназначена моя карма для этого мира, не смогу я здесь её отработать. Даже мелкие различия между идеальным местом отработки своей программы, и местом действительным чувствуются. Вот, например, я — созданный для прохождения инкарнационного пути на Тха-Эттоне, в телах бесполой расы, после вынужденного переселения на Землю, во всех человеческих воплощениях, даже при жизни не осознавая — почему, смотрел на любовь всего лишь как на физиологическую потребность организма. А романтика этого чувства, все человеческие переживания и волнения — всё это оставалось для меня недоступным. Не запрограммирован я на потребность таких впечатлений.

А ведь не останется он здесь! Он ведь — это я. А что бы я стал делать на его месте? Конечно же, отправился бы искать Икхетола, исполнять свою миссию. Ведь как ещё мне карму свою отработать? И будет нас двое, а мне это нужно? А есть ли какой-нибудь ещё вариант? Надо подумать.

Если не создавать себе здесь двойника-человека, как ещё мне войти в контакт с местными обитателями? Может попробовать стать каким-нибудь демоном или призраком? Они ведь почти бестелесные, как и сам я здесь. Значит, я могу, не нарушая закона сохранения энергии в этом мире, проявиться здесь не в реальном облике, а только казаться местным чем-то вещественным.

Но, оказывается, всё не так просто. Попробовав и так и этак, я понял, что или я смогу контактировать только с компетентными медиумами, или, всё-таки, мне нужен какой-никакой образ из местного материала. Хотя бы мыслеформа. Её мне может создать мощный призыватель духов, если вызовет меня. Тогда я на некоторое время стану призраком, состоящим из его мыслей. Я буду видимым, слышимым, немного осязаемым, то есть моё лёгкое прикосновение сможет кто-нибудь почувствовать, но двигать материальные предметы я не смогу. Но это меня устраивало. Я ведь не собирался здесь устраиваться на работу грузчиком.

Поискав по разным листам, я выбрал подходящую кандидатуру. Самым известным чародеем на Древе был некто Решуйка. Он считался и довольно чувствительным медиумом, и вполне смог бы измыслить мне приличное ментальное тело. Отправившись в его башню, я решил сначала немного понаблюдать за мудрецом.

Внешне Решуйка соответствовал всем канонам придворного звездочёта — седой старичок с бородой до пояса, только халат не со звёздами, а просто синий, да и обходился

без очков. И что-то типа чалмы вместо дурацкого карнавального колпака со звёздами. Мудрец сидел в своём кабинете за столом, заваленным пергаментами формата не меньше стенгазеты. На полках лежали черепа, стояли чучела неведомых тварей и похожие на металлические бонсаи местные аналоги глобусов — карты отдельных ветвей Древа. В общем, типичная лаборатория средневекового учёного.

В дверь, постучав, вошёл слуга и доложил:

— О, мудролобый! К тебе агент Смаат из ордена Прячущихся За Лучами Полуденного Солнца.

Когда я наводил справки в поисках волшебника, мне уже попадалась информация об этом ордене. Что-то типа ниндзя или ассасинов. В тени и сумерках, мол, любой спрячется, а эти мастера своего дела даже в полдень на освещённом пространстве занываться смогут. В легендах, тщательно распускаемых самим орденом, утверждается, что их агент сумеет спрятаться от бдительного стражника в складках его же халата.

— Пусть войдёт, — милостиво дозволил чародей.

— Кхм. Я уже здесь, о мудролобый, — раздался голос с пустого места напротив стола волшебника.

И сразу же там буквально материализовался неприметный человек в сером трико. Да, действительно, прятаться они умеют. Мудрец, впрочем, на эффектное появление агента особого внимания не обратил.

— А, Смаат, — произнёс он, — Ты уже выполнил моё небольшое поручение?

— Да, о мудролобый, — ответил тот, — Я подслушал и записал для тебя заклинание, которым пользуется алхимик Баррабелиус для конгеляции магния.

— Ты обратил внимание на скорость, с которой Баррабелиус читал заклинание, как я просил?

— Да, о мудролобый, — почтительно ответил агент, — Я заучил заклинание и могу прочесть его в той же тональности и в том же темпе, как это делал Баррабелиус. Только опасаюсь читать вслух. Как бы не произошло взрыва!

— Не беспокойся, я позабочусь о мерах предосторожности, — с улыбкой успокоил мудрец, — Сейчас я сделаю необходимые приготовления, и когда скажу тебе, будь готов прочесть заклинание с такой же скоростью, как это делал алхимик.

— Я готов, о мудролобый!

Решуйка налил в стеклянную воронку клепсидры воды и, открыв клапан, резко скомандовал агенту:

— Читай!

Смаат начал не своим голосом, видимо тщательно копируя неизвестного мне алхимика, читать рифмованный текст, похожий на детскую считалочку. А мудрец тем временем сосредоточенно следил за опускающимся уровнем жидкости. Когда агент закончил, Решуйка быстрым почерком записал на заранее подготовленном клочке пергамента: «Конгеляцию раствора солей магния производить в течение ста восемнадцати секунд». Вот, оказывается, для чего на самом деле алхимикам были нужны заклинания!

— Ты честно заслужил свой гонорар, агент Смаат! — довольно произнёс Решуйка, — вот, возьми! Когда мне ещё понадобятся услуги ордена, я попрошу магистра, чтобы снова прислал тебя.

Он достал из складок халата мешочек монет размером с кулак и передал агенту. Неплохо здесь оценивается промышленный шпионаж!

Не прошло и минуты после ухода Смаата, как в дверь снова постучал слуга.

— О мудролобый! Молодой господин Вахья-сын просит визита!

У мудреца Решуйки сегодня явно приёмный день, и мне приходится ожидать своей очереди.

— Вахья-сын, это тот юноша, что стремится к мудрости и готов хорошо платить за обучение? Пусть входит.

Слуга впустил черноусого молодого человека и сам вышел из кабинета, затворив дверь.

— Приветствую тебя, о мудролобый Решуйка! — с многочисленными хореографическими излишествами раскланялся юноша, — На этом уроке ты обещал рассказать мне, как разные действия происходят в природе сами по себе, без воли богов!

— Привет и тебе, прилежный в учениях Вахья-сын! — с достоинством ответил Решуйка, — Да, я расскажу тебе как случайности движут природу. Ты привёз, то, что я просил?

— Да, конечно, о мудролобый! В этой шкатулке нить брисского жемчуга длиной в полторы руки. Сейчас я открою...

— погоди, Вахья-сын, — мудрец остановил нетерпеливого ученика, — Сначала скажи мне, все ли условия ты исполнил точно? Не крупнее ли глаза яхонтовой рыбки эти жемчужины?

— О, мудролобый! За уроки твоей мудрости я готов привезти тебе нить с жемчужинами такого размера, что яхонтовая рыбка поместилась бы в каждой из них целиком, но ты велел, чтоб жемчуг был мелким и я не смел ослушаться тебя!

— Ты всё правильно сделал, Вахья-сын, — одобрил мудрец, — Точное следование словам учителя — вот высшая добродетель ученика. А не слишком ли плотно жемчужины нанизаны на нить?

— Как ты и велел, учитель, если нить повесить за середину на пальце, то обе её свисающие половинки будут строго параллельны друг другу.

— Очень хорошо! И ты не открывал шкатулку в дороге?

— Я закрыл её в своём доме два дня назад и не прикасался к замку до сих пор!

— Замечательно, ученик! — похвалил Решуйка, — А теперь открой шкатулку и дай мне нить жемчуга.

— Слушаюсь, о мудролобый! — Вахья-сын достал ключ, открыл замок, откинул крышку шкатулки и запустил руку внутрь, — Сейчас, учитель... О! Нить сильно запуталась, прошу простить меня, я сейчас распутаю.

— А за что, мне тебя прощать, ученик? — усмехнулся мудрец, — Разве это по твоей воле запуталась нить?

— Нет, учитель...

— А по чьей же тогда? — продолжал допытываться Решуйка, — Может быть, по воле богов? Или демоны пробрались во время пути в шкатулку и запутали нить?

— Нет, учитель, — отвечал юноша, — просто в пути шкатулку трясло, а нить болталась в ней и запуталась сама по себе?

— Выходит, у нити есть своя воля, чтобы запутываться? Или своя воля есть у тряски?

— Нет, учитель, — обрадовано ответил Вахья-сын, он уже начал догадываться, к чему клонит учитель, — Свойства устройства нити с жемчугом соединились с внешними обстоятельствами, воздействующими на неё и всё это в комплексе привело к тому, что она запуталась.

— Теперь ты понял, как в природе происходят различные процессы без чьей-либо воли?

— Да, мудролобый учитель! — воскликнул Вахья-сын, — Спасибо за урок, учитель!

Очень интересный пример, но и ученик попался соображающий. Я как-то в последней своей жизни пытался объяснить то же самое одному упёртому креационисту на почти таком же примере. Я спросил у него, по божьей ли воле запутываются в кармане провода наушников. Но мне попался не такой сообразительный собеседник. После нескольких дней раздумий, и, как я подозреваю, консультаций с руководителем общины баптистов, в которой он состоял, мне был выдан потрясающий ответ! Оказывается, провода наушников запутывают мелкие невидимые бесы, слуги самого врага рода человеческого — дьявола, который только о том и думает, как бы хоть в мелочах, навредить людям! Против такой логики я даже не нашёлся, что возразить.

Учитель с учеником прозанимались ещё около часа, но я не услышал больше ничего, так же заинтересовавшего меня, как пример с жемчужной нитью. Я, конечно, позаботился о понимании здешнего языка, обратившись к доступному мне Всеобщему Информационному полю, и, если бы задался такой целью, то понял бы и все научные термины, использованные беседующими. Но не желая разобраться, я не совсем понял, что такое эти первоэлементы, о которых учитель объяснял ученику. Или это привычные нам атомы, или абстрактные алхимические символы. А, возможно, здешняя материя вообще состоит из чего-то, совершенно отличного от наших, частиц. В общем, я уже заскучал к тому времени, когда Решуйка вызвал слугу проводить гостя. И сказал ему, чтоб никого больше не принимал сегодня.

— Тем более, что у меня уже есть один посетитель, — добавил он, пристально глядя в ту точку, которую бесплотный я выбрал местом своего мироощущения.

Глава 7 ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА СО СПЯЩИМ ДЖИННОМ

Кувшин с джинном приближался к финишной черте — поверхности моря. Фея и карлик с будильником исчезли неизвестно куда. Бездна завершилась, замкнув круг, и её концом оказался вход в реальный мир — та же самая глубокая трещина в морском дне, в которую тысячу лет назад кувшин провалился и начал своё падение. Теперь сосуд со сновидцем, творящим вселенные в своём подсознании, завершая путь, падал в эту же расщелину с высоты.

— Здравствуй, мудролобый Решуйка, — решил я проявить вежливость.

Хотя, с моей стороны общаться с обитателями этого мира, не присутствуя в нем, всё равно, что пытаться заговорить с персонажем фильма в телевизоре. Но Решуйка услышал меня, так же, как до этого почувствовал. Действительно, сильный медиум!

— Здравствуй, неизвестный науке дух! — ответил он, — С какой целью ты следишь за мной?

— Я хотел обратиться к тебе за помощью, но ты был занят и я просто подождал, — вывернулся я, — И заодно лично убедился в твоей мудрости.

— И какая помощь нужна учтивому духу? — поинтересовался Решуйка.

— Мне нужен образ в этом мире, — напрямик выложил я, — Есть у меня дело на Древе, но я могу общаться только с такими сильными медиумами, как ты, мудролобый. А тот, кому я хочу задать несколько вопросов вряд ли сможет меня почувствовать в таком состоянии, в котором я сейчас нахожусь.

— В таком случае, дух, ты должен рассказать мне всё, — поставил условие мудрец, — И знай, я смогу распознать и обман и недоговоренность, моих способностей медиума, сильнейшего на Древе, на это хватит. Я не хотел бы, чтобы моими деяниями в мир пришло зло. Кроме того, моя научная деятельность довольно затратна, и поэтому мои услуги не бесплатны.

— Рассказать я, конечно, обещаю, а вот насчёт оплаты — у меня нет в этом мире ничего материального, даже тела. Если только услугой, подобно агенту Смаату. Я могу не хуже него подсмотреть или подслушать что угодно.

— Обычно такие существа, как ты, имеют возможность менять сущность вещей через воздействие на задний мир. Ты умеешь так?

Настройка понимания языка через Информационное Поле давала мне возможность слышать не переведённые слова, а сразу осознавать их смысл. Задний мир или изнанка мира — это энергоинформационная программа реальности. То, каков мир на самом деле, а не видимое людьми его отражение, искажённое ограниченными возможностями органов чувств. Я, путешествуя между мирами-снами, как раз и «воздействовал на задний мир», если пользоваться терминологией Решуйки. Но какие именно «изменения сущности» нужны от меня мудрецу? Поэтому я ответил:

— Так, в общих чертах. Кое-что умею.

— Вот и окажешь мне услугу, мне не хватает ингредиентов для опытов. Золото нужно. Алхимически чистое. Тридцать тонн.

Я прикинул, это по объёму немного, чуть больше полутора кубических метров. Золото тяжёлый металл. Пожалуй, если сюда его нагрузить, проломит пол кабинета, традиционно

расположенного на вершине башни. А сварганить само золото для меня вообще не будет проблемой. Смогу преобразовать в него любое вещество, хоть воздух.

— У тебя в башне подвал есть? — спросил я мудреца, — Пойдём, покажешь, куда золото складывать.

Места в подвале нашлось немало, и я расщедрившись, навалил Решуйке золота в несколько раз больше запрошенного. Да мне и самому оказалось интересно попрактиковаться в новом деле.

Для материализации, или вернее, трансформации, мне понадобилось перенастроить свою внутреннюю антенну на частоту энергоинформационной программы мира. Картинка, считаемая большинством существ реальностью, сменилась перед моим взглядом световыми узорами символов, которыми всё материальное закодировано в подсознательной памяти Спящего Джинна. Я увидел перед собой символ, означающий Решуйку — сложную объёмную фигуру из взаимопересекающихся разноцветных многоугольников неправильной формы, опоясанную, как кольцами Сатурна, многочисленными закрученными в спираль окружностями. От них уходили вдаль и ветвились на множество дорожек линии его связей с окружающим миром. Одно из этих ответвлений, скрученное в сложный узор, не вело дальше никуда. Это был я, вернее та структура в его мыслях, которая давала мудрецу возможность общаться с почти несуществующим мной. По всем линиям фигур, образующих код моего нового знакомого, бегущими огнями мелькали разноцветные искры. Иногда они перескакивали с одной линии на другую, меняли цвет, или вообще уносились куда-то в даль. И тут меня как будто подменил кто-то, разбирающийся в этом невообразимо запутанном плетении — программировании реальностей — подключились знания Шаха. Ведомый ими, я без труда выделил среди множества этих искр те, что означали свойства веществ, затем, уменьшил свой масштаб восприятия. Пляшущие искорки, нужные мне выделились, обособились от всего остального, и я смог изучить конфигурации этих узоров под увеличением. И я увидел шифр, которым закодировано отличие одного вещества от другого. Те символы в программе, которых не хватало воздуху, чтобы быть золотом. Дальше было совсем легко. Получив тусклый полупрозрачный «чертёж» нужного мне «изделия» я стал стягивать из окружающего пространства необходимые «детали». Как будто заполнял кроссворд. И когда на место последнего символа мыслеформы стал его реальный аналог, работа была окончена. Я вернулся опять на прежнюю частоту восприятия и увидел весьма довольного Решуйку, прижавшегося к стенке подвала, чтобы освободить место для аккуратно уложенных золотых кирпичиков.

— Я бы конечно смог заработать столько золота своим искусством, — удовлетворенно произнёс мудрец, — Но на это мне пришлось бы потратить многие десятилетия моей жизни. Благодарю тебя, дух!

Мне и самому приятно было оказать такую мизерную для меня и значимую для учёного услугу. Так сказать, вклад в местную науку. Одна мысль омрачала удовольствие. Когда Решуйка обмолвился о десятилетиях времени, которое я ему сберег, мне подумалось: а не навредил ли я тем самым его карме?

Ведь если этот труд должен был выпасть на его долю, так это карма его. Сам он перед рождением судьбу себе такую определил и условия выбрал соответствующие. И все встречи и крупнейшие события в жизни предстоящей душа его просчитала. А появление пришельца из другого мира-сна в этот жизненный план никак вписано не могло быть. И своим вмешательством я отложу освобождение его Безымянного, увеличу его кармический путь. То

есть в жизни может и помогу ему, вроде сделаю добро, а на деле будет это самый настоящий вред. Этим грешат все экстрасенсы-целители во всех мирах. Делают людям вроде бы благо, а в действительности оборачивается оно злом. Только ведь те взаимодействия душ между собой внутри своего мира тоже были заранее запланированы в программе мироздания, во всяком случае, как возможный вариант. Как естественное препятствие на инкарнационном пути. Не вынес своей доли, запросил передышки — всё заново надо повторять. А потерпел, к следующему этапу переходишь. Но все эти схождения с дистанций заранее запрограммированы. Во втором слое памяти души, который открывается уже после совершения ошибки. И эта досада, испытываемая душой уже после смерти, когда она понимает, что не облегчение в жизни принесла ей подобная помощь, а отодвинула выполнение программы на следующую жизнь, тоже пища её создателя, приправа богатурмана. А я, не заложенный изначально в программу этого мира, не предусмотренная творцом Решуйки задержка его кармического пути, добавлю разочарования его душе после смерти, когда она увидит, насколько уклонилась от намеченного пути из-за нашей встречи. Может быть. А возможно, ему и было предназначено добыть необходимое для опытов золото каким-нибудь облегчённым способом. Не встретиться ему я, нашлось бы что-то другое. Ну, над этим задумываться — только зря мозги напрягать. Всё равно не постичь, как лучше было бы. Я поступаю так, как велит мне моя карма. И неважно, в конечном итоге, какими средствами я пришёл к конечной цели — состоянию Безымянного. Там меня совесть мучить не будет. Я не в ответе за те, мягко сказать, неудобства, которые подсовывает нам бытие из-за своей такой вот подлой сущности...»

Встречаются ещё такие вот сознательные элементы в полной несправедливости нашей жизни. На него взвалена непомерно тяжёлая задача — избавить все миры от кошмара. Выиграть этакий Армагеддон, но не в мировом даже масштабе, а для всего бытия, заключенного в полуматериальной черепушке спящего демиурга нашего. А он ещё задумывается: а не повредят ли его героические действия карме первого встречного алхимика? Вот какой он — наш бывший соотечественник Агапон Кузьмич Котовасин, а ныне энергоинформационная сущность Гесвод. И хотя внутренний спор между наиболее рациональным выполнением поставленной боевой задачи и судьбой научного светила решился в душе Гесвода явно не в пользу учёного, сам факт угрызений совести по этому поводу уже заслуживает уважения. Так что, будете случаем в городе Сивокобылинске, разыщите там, хоть и нелегко это, могилку Гапы Котовасина и положите на неё хотя бы ромашку какую-нибудь.

«... - Ну, а теперь расскажи о своих делах, — попросил Решуйка, — Что ты задумал совершить в этом мире?»

— Я ищу того джинна, которому снится этот мир, да и все другие тоже, — ответил я, — Ты о нём слышал?

— Ты имеешь в виду Аб-Салюта? Конечно слышал. Кто же о нём не знает? Только он на другом листе, отсюда далеко обитает.

— Как ты его назвал, абсолютом?

— Не абсолют, а Аб-Салют. А слово абсолют от его имени во все языки и пошло, во всех мирах. Я думал, это всем известно.

— Не всем. Наверно, только тем, кто со снящимся самому себе Джинном одновременно в его сне обитает. Ну, плюс-минус, время, за которое эта информация теряется в истории. У нас его просто Спящим Джинном называют. А слово абсолют и у нас есть.

— А зачем тебе Аб-Салют? — поинтересовался Решуйка.

И я кратко рассказал ему свою историю.

— Я не могу похвастаться тем, что знаю имена всех демонов Мглы, — задумчиво проговорил мудрец, выслушав мой рассказ, — Да, этим и никто не смог бы похвалиться. Но, несколько тысяч самых сильных перечислить смог бы. А, судя по твоим словам, этот Икхетол вряд ли относится к мелким тварям. Но я никогда не слышал о нём. Хорошо, я помогу тебе. Ты можешь, в любой момент, когда захочешь отправиться через задний мир к Аб-Салюту, и там, на выходе тебя будет ждать образ, как в спирали вызова духов.

— А разве для этого не нужны обряды, ну, там благовония разные, ту же спираль начертить? — удивился я.

— Мне не нужна эта мишура, я — Изначальный! — гордо похвастался Решуйка.

Ну, вот теперь все мои беспокойства за карму чародея развеялись! Мой встроенный переводчик, как обычно, перевёл не только само слово, но и смысл, который мудрец в него вкладывал. Изначальными на Древе зовут тех, кто непосредственно приснился Спящему Джинну, причём имея прототипа в его реальном мире. Таких немного, и они не умирают и не инкарнируют, их карма определяется событиями сна. А со временем, развиваясь, они вообще обретают божественные способности, и даже перерастают их. Как, например, тот же Икхетол, который часто снится Аб-Салюту в роли неуязвимого мучителя, уже изначально наделённого неограниченными силами. А миры, созданные из спокойных снов, где Икхетол не снится, достраиваются подсознанием Джинна. А в подсознании глубоко засел страх перед Икхетолом, и соответственно, подразумевается его существование где-то на заднем плане. Или неизбежное возникновение.

Попрощавшись с Решуйкой, я переключился на частоту «заднего мира» и перенёс свою точку восприятия прямо к Аб-Салюту. Кувшин с джинном лежал почти на краю дороги, в километре от большого города, название которого меня не интересовало, поэтому я его не запомнил. На боку сосуда явственно проступала надпись: «Если ты потрёшь кувшин — пред тобой предстанет джинн, за своё освобождение выполнит три повеленья». Я посмотрел на свои полупрозрачные руки и с сомнением попытался прикоснуться к кувшину. Ну, так и есть, образ способен только быть видимым и слышимым собеседником, но никак не на совершение физических действий. Придётся работать головой, то есть мыслью. Я опять переключился на частоту энергоинформационной программы, подцепил мысленным усилием кувшин и вместе с ним переправился опять к Решуйке. За пару минут моего отсутствия он ещё не успел чем-нибудь заняться, и уставился на меня с недоумением.

— Вот, потереть нужно, а мне нечем — чувствуя себя идиотом пробормотал я.

— А почему бы тебе не материализовать себе тело? Оно же просто рассеется вместе с твоим образом, когда ты покинешь этот мир, — ехидно поинтересовался мудрец.

Действительно, ведь я могу преобразовать преломлённый свет своего призрачного образа в самое настоящее тело, так же, как я преобразовал воздух в золото. Это будет лишь ненамного сложнее.

Через минут пятнадцать я уже обладал плотным, и самое главное, чувствующим телом. Решуйка всё это время копался в своих пергаментях, сидя за столом и изредка поглядывая на меня. Когда я закончил, то взял в руки кувшин с джинном и подошёл к мудрецу.

— Тереть лучше всё-таки тебе, — чтобы как-то реабилитироваться за недогадливость, предложил я, — Мне-то всего один вопрос задать, а ещё два желания останутся тебе.

— Ну, спасибо, молодой человек, — поблагодарил мудрец, — Два желания мне

пригодятся, а может быть и не два, а больше, хе-хе! Заклинание, надолго подчиняющее джинна уж я-то рассчитать сумею!

И привычным движением, видимо, делая это не в первый раз, потёр кувшин. Из горлышка сосуда повалил красивый жёлтый дым, который уплотнившись, принял форму джинна средних лет. Бритую голову гордо венчала роскошная зелёная чалма с огромным изумрудом над бровями, расположенным так, чтобы вместе с его, тоже зелёными глазами составлять равносторонний треугольник. Лимонно-жёлтый бархатный халат, перехваченный на упитанном животике салатного цвета атласным поясом, ниже колен постепенно растворялся в столбе дыма, теперь уже не валящего из кувшина, а просто висящего над ним.

— О, повелитель! — с пафосом воскликнул джинн, — Ты освободил меня из заточения, и за это я исполню три твоих задания...

Постепенно, по мере того, как Аб-Салют узнавал своего «освободителя», голос его растрчивал торжественность и оптимизм. Под конец он уже просто добормотал положенное приветствие и со злостью воскликнул:

— А, это ты, Решуйка, старый лис! Опять я попал в твои лапы! О! Когда мне теперь доведётся отдохнуть!

Видимо, в реальном мире Спящего Джина они с Решуйкой не особо-то и дружили, и мудрец приснился Аб-Салюту как очень даже отрицательный персонаж.

— Что нужно тебе на этот раз? — брызжа слюной продолжал джинн, — Приказывай!

— Ответь-ка, нечистый дух, вот этому достопочтенному юноше, — нимало не смутившись потребовал мудрец, — Кто таков некто, известный тебе под именем Икхетол?

— Хо-хо-хо! — злобно захохотал джинн, — На этот раз ты ошибаешься, маг! Я не знаком ни с кем, носящим такое имя!

— Как это?! — опешил я, — Точно не знаешь?

Джинн не удостоил меня ответом, а Решуйка, отправив нового раба в кувшин, пояснил:

— Джинны, находящиеся в зависимости, не могут лгать, хм... наш мир очень старый, и возможно, когда он впервые приснился Аб-Салюту, тот не был знаком с этим Икхетолом. И, когда наш мир снится ему вновь, джинн как бы возвращается в свою молодость и забывает всё, случившееся с ним после. Не повезло тебе. Зря только потратил ты своё время.

Ну, не совсем зря. Потом, уже вечером мы с Решуйкой сидели в не очень удобных, но весьма помпезных креслах возле огромного камина на первом этаже его башни и пили какао с разнообразной выпечкой. Предварительно съев поистине царский ужин из восьми блюд. Как же давно уже я не испытывал удовольствия от превосходно приготовленной пищи! Моё новенькое тело наслаждалось полузабытыми вкусовыми ощущениями. Говорят, путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Не у всех так. У меня, например, этот путь и оканчивается прямо в желудке тупиком. Таким же, каким закончились мои исследования в этом мире...»

А сцена этот тупиковая в нашем повествовании, нехарактерная, в общем-то, для литературы, потому сюда затесалась, что история эта, как есть, правдивая. В жизни всякое бывает. И хоть для сюжета книжного не очень подходящий эпизод, но из реальной жизни ничего не выкинешь. Да и для читателя, хоть ненадолго, отдых от разных шарлатанских бредней об, якобы, мироустройстве. В общем, немного действия. А то, скоро такая заумь начнётся, что ни в наркотическом сне не увидешь, ни в музее абстракционизма! Но, всему своё время.

«...Покидая, не солоно хлебавши, этот мир-сон, я напал на такую мысль. Или, может

быть, мысль напала на меня. В общем, я подумал: вот, встретился с Решуйкой в нестандартных обстоятельствах, наверняка, глубоко запал ему в память. Значит, когда-нибудь обязательно приснюсь. И будет жить мой двойник ещё и во вселенной его снов. Ну, не совсем точная копия меня, а представление обо мне мудреца. Такой я, каким он успел узнать меня за время нашего общения. Мой фотоснимок с определённого ракурса. Правда, я никогда не узнаю о его судьбе, никогда не почувствую его, как если бы оставил двойника в мире-сне Аб-Салюта. А Решуйка, если он реальная личность из яви Спящего Джинна, мой присниться ему не только в этом сне. И, возможно, я ещё встречу с ним в других мирах, хотя тот он меня и не узнает.

А что, если все персонажи наших снов — это встреченные нами когда-то, может быть в прошлых жизнях, реальные личности? Действительно, как ещё мозг любого спящего может сотворить такое огромное количество самостоятельных, непохожих друг на друга персонажей?

Я помнил все свои сны и все свои жизни посекундно. Следовательно у меня есть возможность проверить эту гипотезу. И по пути между мирами, по длинному извилистому коридору из одной реальности в другую, я вспоминал тех кто мне когда-либо снился, и искал их аналогов в моих реальных жизнях. Начал я с последней жизни, и двигался по своей памяти вглубь. Моя теория подтвердилась. Любому персонажу моих снов соответствовал кто-то из тех, с кем меня сталкивала жизнь. Но вскоре я наткнулся на удивительный факт. Если бы я начал не с конца, а с самой первой жизни, я понял бы это раньше. Некоторые личности снились мне до того, как я с ними встретился. Сначала я подумал, что что-то путаю. Или это просто совпадение. Или, что загадочный китайский мудрец, приснившийся мне в дождливую октябрьскую ночь 1375-го года, за день до смерти короля Вальдемара IV, и сказавший мне во сне такую фразу: «Лужа на дороге так глубока, что вмещает в себя отражение всего расстояния от земли до звёзд», и монах, встретившийся мне по дороге в Самарканд в 1654-м, просто похожи. Но другого аналога этому персонажу сна я не нашёл. А в 1375-м мне исполнилось 14 лет, я жил в Копенгагене и ни разу в жизни не видел китайца. Но потом нашлись и другие примеры. Выходит, душа во сне путешествует во времени. Ладно, если тебе снится кто-то из прошлых жизней. Это объясняется тем, что во сне настройки внутренней антенны немного сбивается, и приближается к частоте, где доступна инкарнационная память. Но не может же память души, пусть глубоко скрытая и недоступная даже не при жизни, распространяться на будущее. Напрашивалось только одно объяснение: иногда во сне приоткрывается доступ к всеобщему информационному полю, глубинной памяти Аб-Салюта. Ведь его время намного обгоняет наше, и наше будущее уже записано в его воспоминаниях. Я не знаю, возможно ли построить техническую машину времени в материальном мире, наверняка да, но живая она есть. Это наша душа. Если сон Аб-Салюта в котором ты живешь, не снится ему в его реальном настоящем, то всё время, и прошлое и будущее уже записано в его памяти. И, при желании, душа может выйти из реальности своего мира-сна, и войти в него в любом месте его течения. Просто не возникало такой необходимости ни у кого, с кем я сталкивался. Все действия душ подчинены целесообразности. А она заключается в том, чтобы побыстрее освободить Безымянного. Поэтому ни у кого не возникало даже мысли о путешествиях во времени просто для развлечения. Я имею в виду мёртвых, то есть души в том состоянии, когда они знают, кто они и зачем, и как устроен мир. И, соответственно, имеют возможность странствовать по различным реальностям. Живые, конечно, не раз мечтали о подобном. Но у них нет

необходимых знаний. Вернее, эта информация скрыта от них их же душами, чтобы не мешать выполнять кармические задачи.

Вообще, мир так мерзопакостно устроен, что когда есть возможность — нет потребности, и, соответственно, наоборот. Хорошо было бы, если бы отсутствовала необходимость стремиться к небытию, и по пути кормить своими переживаниями своего создателя. Попутешествовал в своё удовольствие по всем реальностям, пока не надоест и растворился в безднах сущего. Не жизнь, а Диснейленд. Да, но кому бы потребовалось творить души-бездельников, создавать реальности для их развлечения? Какому-нибудь богу-добряку? И каким образом были бы эти души устроены? Если на основе Безымянных, то они бы в любом случае стремились к небытию, тяготились бы своим существованием. А без Безымянного душа — не душа, а мертвая структура для выполнения какой-нибудь работы без батарейки. Она не будет ничего чувствовать, то есть, опять же: есть возможность, но нет потребности. Замкнутый круг. И кто же во всем виноват? Поймать бы гада, да самого в эту же круговерть! Хотя, уверен на все сто, он сам в тех же условиях, и тот, кто ему их создал, тоже. И так далее, по кругу. Следовательно, до меня самого. Вот как получается! Но не я же придумал, чтобы все так было устроено. А кто, интересно знать? Может, есть кто-то, кто сам не подчинён законам этого круга, кто-то тот, кто в стороне. Ведь не само по себе все так организовалось. Да и откуда, вообще, всё возникло? Кто был первым уснувшим, кому начали сниться мироздания? И кому снится он сам? Или не снится, а реально существует в каком-нибудь сверхмире, надмире, мире-в-стороне? А каким законам подчиняется этот сверхмир? Откуда он возник? Где, вообще, самое первоначальное первоначало? Скорее всего, я этого никогда не узнаю.

А с другой стороны, если все бытие существует, то есть на это какая-то причина. Ведь не могло оно возникнуть совсем без причины. И где-то должна храниться информация о ней. Вот бы добраться до неё и узнать! Плюнуть бы на свою карму, на Безымянного, на всё, и докопаться до причины возникновения бытия! Но не судьба, видно. А хотя, почему бы нет? Что со мною будет после выполнения моей миссии? Если, конечно я смогу с ней справиться. Если нет, ясно что. Буду до конца жизни Аб-Салюта маяться внутри Икхетола и своей безнадёжностью кормить его. Или не маяться, а размышлять о строении бытия, как вот сейчас. Безымянный, конечно, будет зудеть и причинять мне муку, но через какое-то время я привыкну и к этому состоянию своего существования. И чтобы отвлечься от мучений и заполнить бездну времени, я буду пытаться докопаться до истины. Или, может быть, Икхетол меня не сожрёт. Он ведь непредсказуем. Может, почувствует мою неопасность, и будет забавляться мной как игрушкой. Если я не смогу с ним справиться с первого раза, я естественно, буду пытаться еще и ещё. Надо ведь освободиться от этой кармической задачи! А ему вдруг станет интересно, что какая-то козявка, я то есть, хочет его уничтожить. Его, которого боится сам Аб-Салют! Тоже безрадостная перспектива. Но, если всё-таки я его смогу ликвидировать или хотя бы обезвредить, ведь нет прямых указаний его убивать? Достаточно избавить миры от его тирании. Или, вдруг, с ним удастся договориться, никто ведь не пытался. Может, он сам хочет мира, но что-то ему мешает. А я с ним договорюсь, и, может быть, узнаю от него что-нибудь по интересующему меня вопросу. А что дальше? Вернусь в свой мир и буду дальше отрабатывать свою карму? Или на этом моя карма окончится? Аспхель говорил что-то о какой-то награде, которую я получу после выполнения задания. Такой награде, которой никто никогда не удостоивался. Интересно, что это? Если Шах спросит, чего я хочу, то, наверно, выберу узнать все-таки о первопричине.

Если, конечно, это возможно. Или попросить освободить от кармы? Нет, что-то не хочется уничтожаться. Это ведь по сути самоубийство души. Конечно, в конце концов я стремлюсь к этому, но другое дело, если сразу. Пока карма не отработана, существует механизм инстинкта самосохранения, который не позволяет Безмянному скинуть бремя души и улизнуть в свою нирвану. Иначе уже кто-нибудь придумал бы такой способ. Даже мысли такой, наверно, не приходило никому в голову. Не позволяет этот механизм даже задумываться о такой возможности. Мне, вот, позволил. Но у меня он ослаблен специально, чтобы я в ответственный момент не отступил перед Икхетолом. Может, поэтому я больше других тягочусь своим существованием, а остальные терпеливо и безмятежно ждут своего конца. И как следствие этого ослабления инстинкта самосохранения, я задумываюсь над первопричиной, беспокоюсь ищу её, как занозу, чтобы выдернуть. Сколько помню, во всех жизнях я искал резон в конструкции бытия. В меру своего тогдашнего понимания его устройства, конечно. А может это и есть конечная задача моей кармы? Просто, я до теперешнего момента о ней не подозревал. Как, например, после первой смерти, готовясь ко второй жизни, не задумывался над кармическими задачами на третью. Все приходит в своё время. Вот, сейчас подошёл срок подумать о дальнейшем этапе пути. Есть у меня потребность узнать изначальный смысл всего этого балагана, но нет возможности. Пока нет. Пока я не выполнил предыдущую задачу. Но уже сейчас начинаю выискивать способы решения следующей. Собираюсь просить у своего создателя получить возможность узнать истину в первой инстанции. Если он сам её знает. Или, может быть, он собирается узнать её посредством меня? Я ведь часть Шаха. И если во мне есть какое-то стремление, значит, первоначально оно было в нём. И он, создавая меня, вложил эту свою страсть в меня. И это знание, если я его получу, если вообще, такова моя следующая кармическая задача, а не пустые домыслы, оно помчится назад по времени к Шаху и станет его самой изысканной пищей. Или не самой. Может он пробовал что-то и послаще. А что может быть интереснее самой изначальной первопричины? Хотя, это в моём понимании так. А вдруг это предел моего понимания. А Шаху доступны ещё более запредельные запредельности.

А ещё я подумал, что вряд ли я ещё когда-нибудь буду отрабатывать карму в материальном теле. Из плотских потребностей у меня осталась только одна — вкусно пожрать. Но не могу же я родиться специально только для того, чтобы чревоугодничать. Или могу. Буду каким-нибудь сельхозживотным, откармливаемым на убой. Отживу ещё такую телесную жизнь. А что, может эта и есть награда, обещанная Шахом. Покой и безмятежность. Жри да спи. И никаких мыслей о первопричине. Хотя, вряд ли. Аспхель сказал, что такой награды никто не получал. А эту каждая свинья у хорошего хозяина имеет. Нет. Скорее всего, дальнейшую свою карму, поиск смысла бытия, или какую-то другую, я буду отбывать без тела, в таком виде, как сейчас. А временами, по какой-нибудь надобности забредать в тот или иной мир-сон, создавать там временную оболочку и ею чревоугодничать беспроблемно. Может, зайти в оставшиеся до последнего сны, и там обожраться? И пускай двойники образуются. Они ведь с моей кармой не останутся в тех мирах, а ринутся искать Икхетола. Всей толпой на него навалимся, забьём, как мамонта, а потом к Шаху за наградой все и заявимся. Каждому даст, или делиться придётся?

А есть, интересно, во всём многообразии снов Аб-Салюта, такой мир, где законами природы предусмотрено, чтобы кто-то появлялся из ниоткуда, и бесследно исчезал. Какой-нибудь младенческий мир-сон, где нет закона сохранения энергии. Тогда, побывав там, можно уйти и не оставить двойника. Хотя, зачем мне это? Может, наградой будет

перепрограммирование моей кармы на карму путешественника по разным реальностям. Такая жизнь о, которой я недавно мечтал. Диснейленд.

Но младенческие сны я буду обходить стороной. Не очень приятно обитать во сне грудного ребёнка. Я помнил самые первые сны в своих жизнях, даже внутриутробные. Мрак полнейший! Всё нелогично, беспричинно. Осознаёшь себя, своё тело, но ничего не знаешь, не понимаешь. Чувствуешь что есть ты и всё остальное, то что тобой не является. То, что не ты — непонятно, неподвластно, страшно. Кто ты сам — тоже неясно. И всё без слов. Мыслишь образами. Память предыдущих воплощений стёрта, но изредка всплывают какие-то смутные воспоминания. Ты их не можешь понять и боишься. Состояние страха-то тоже всплывает из глубин инкарнационной памяти. Время тянется ужасно медленно. Первая секунда после вселения в тело внутри материнской утробы вообще кажется вечностью. Ведь её не с чем сравнить. Других временных промежутков, которые длиннее или короче ты не помнишь. Вторая — уже половиной вечности. Потом постепенно время набирает скорость, но очень медленно. Что-то непонятное происходит вокруг, но из-за высокой индивидуальной скорости восприятия времени, которая ещё не замедлилась до нормальной, когда перестаёшь воспринимать мельчайшие доли секунды, между событиями очень большие промежутки. Постепенно начинаешь понимать, что какую-то часть реальности можно контролировать. Эта подконтрольная область — твоё тело. Если «сделать» так-то, отростки по бокам от точки обзора — твои руки, начинают шевелиться. Ими можно управлять. Трудно, но опытным путём узнаёшь, что надо «сделать», чтобы они двигались так, как тебе хочется. Иногда кто-то приходит и совершает над тобой непонятные действия, издаёт бессмысленные, хотя и иногда приятные для тебя звуки. И потом куда-то уходит. Предназначения всего этого не понимаешь. Но наяву у всего происходящего всё-таки есть определённый смысл, пусть пока тебе непонятный. Во сне же происходит подобное, но оно вообще не подчинено никакому резону. Твой мозг отображает окружающую действительность, но хаотически, безо всяких правил. В общем, полная беспросветность. А потом ещё узнаёшь чувство дискомфорта, боли, голода. Не знаешь, что это на какой-то период, не навсегда. Не имеешь информацию, как от этого неприятного чувства избавиться. Ждёшь помощи от окружающего мира, но не можешь объяснить, какой именно. Как хорошо, что сознание живого гуманно устроено так, что всего этого кошмара он во взрослом состоянии не помнит.

Нелогичность и беспричинность! А не разгадка ли это первопричины. Может быть, всё мироздание, вся замкнутая в круг цепочка снов, снов персонажей сна и так далее возникла без причины потому, что она возникла в том континууме, где причина не нужна. Во сне грудного младенца! Возможно ли такое? А кому-то на другом конце цепочки, или совсем рядом, если в другую сторону, снится этот самый младенец. Например, мне услужливая память подсунула сразу же образы нескольких тысяч пищащих свёртков на руках у мамаш или лежащих в колыбели, которые снились мне на протяжении всех моих жизней. Которому же из них снится продолжение цепочки, на другом конце которой кому-то снится Аб-Салют, а ему я? Или эта моя теория неверна? Может ли младенческий мозг создать таких персонажей своего сна, которые спят и видят сны с упорядоченным мирозданием? Или оно только кажется упорядоченным тем, кто внутри него? А снаружи совсем другая логика, которая, возможно, показалась бы обитателю сна, попади он туда, полнейшим хаосом. В общем, гипотеза возникла, а ни подтвердить её, ни опровергнуть у меня нет информации. Ну что ж, буду пока предполагать что картина мироустройства такова: я снюсь Аб-Салюту, он

снится ещё кому-то, тот ещё кому-то и так далее до того, кто снится младенцу, приснившемуся мне. Цепочка замыкается в круг, А её «слабым» звеном является младенец, во сне которого не нужна причина для возникновения того что возникло и вылилось в такое запутанное нагромождение, каким сейчас является бытие. Буду так считать до получения сведений, опровергающих, или, возможно подтверждающих эту теорию. Всегда, во всех жизнях не любил детей...»

Ну, что, уважаемый читатель, ещё не съехала крыша от бредовых философских домыслов Гесвода, который вместо того, чтобы поскорее найти чудище и честно вызвать его на бой, как и положено нормальному герою книжного повествования, придумывает разные несуразности? Нравится ли тебе такое вот чтиво? Если нет — смотри и выполняй инструкцию в середине четвёртой главы. А если нравится — то ли ещё будет! Дальше — больше! Это я гарантирую. А пока подключусь к стараниям Гесвода свести читателя с ума в прямом смысле слова и я. И вот по какому поводу. Помните в измышлениях нашего героя его версию, что бесконечность на самом деле — замкнутый круг? Так вот, я с ним согласен. Возьмем банальное наше родное трёхмерное пространство и историю его осмысления людьми. Начертил Евклид на песке линию. Прямую, насколько ему позволяли его глазомер и дрожь в руках. И сказал своим согражданам, внимательно следящим за его научным творчеством: если эту линию продолжить в обе стороны без ограничений, то будет бесконечная прямая. А так — это просто отрезок. Но мы то с вами догадываемся, что получится, если продолжить эту линию дальше в обе стороны! Она обогнёт Землю и замкнётся сама в себя. Если, конечно, чертить ровно. Выходит, что бесконечная прямая линия — это окружность. Сходится с теорией Гесвода? Пока сходится. Дальше: начертим к евклидовой прямой перпендикуляр и замкнём и его тоже в окружность. Что у нас получилось? Верно, декартовы координаты на плоскости. А плоскость у нас что? То-то же, что сфера, то есть — двумерная окружность. Переходим к решающему этапу — третьему измерению. Тут нужно будет немного поднапрячь мозги, свернуть с привычного способа мышления на нестандартный. Втыкаем в перекрестье двух бесконечных прямых ровную палку и мысленно продолжим её в ещё одну бесконечную прямую, то есть — окружность, но не с таким маленьким радиусом как первые две, а настоящую бесконечность, которая прежде чем замкнуться в себе пронзит навывлет всю нашу вселенную. Но в итоге все-таки замкнётся. Сам не проверял, но думаю, что замкнётся. Теперь возьмём единицу измерения, например, один метр. И будем мысленно представлять себе, что через каждый метр её пересекают другие бесконечные плоскости, то есть сферы. И отстоят они друг от друга ровно на метр в любой своей точке. Что у нас получилось, если мы представили всю эту громоздкую конструкцию в целом? А получилась этакая матрёшка. Одна сфера входит в другую, и будут они каждая с диаметром на два метра больше предыдущей, но только в нашем родном трёхмерном пространстве. А уже в четвёртом измерении они все будут равны, так как площадь каждой из них составляет одну целую, ноль десятых бесконечность в квадрате. А бесконечность, естественно равна самой себе. У бесконечностей с этим строго. Не может быть, чтобы одна из них была больше или меньше других. Все, как на подбор, одинаковы. Как мы договорились, что вся эта громоздкость находится в четырех или больше мерном пространстве, так как бесконечное трёхмерное пространство, а именно оно у нас получилось, само в себя если и поместится, то нам с вами уж точно не останется места, чтобы посмотреть на него со стороны. А это необходимо, потому что изнутри мы ничего не увидим. Поэтому отойдем по четвертому измерению как можно дальше и посмотрим, как

это выглядит. А увидим мы огромное количество сфер, вложенных одна в другую наподобие матрёшек, с диаметрами, отличающимися друг от друга на два метра в трёхмерном пространстве, но абсолютно равными здесь, в четвёртом измерении. И, что самое интересное, самая большая из них будет находиться внутри самой маленькой и будет тоже на два метра её меньше! Представили себе? Ну же, постарайтесь! Но если всё-таки не получилось, не расстраивайтесь, а поверьте мне на слово — таковы законы более, чем трёхмерного мира. В нашем привычном мире такое невозможно, а здесь — пожалуйста. Сплошь и рядом. Конечно, читателю, если у него ещё всё в порядке с рассудком, будет интересно узнать: а где этот многомерный континуум, где мы находимся рассматривая со стороны наше трёхмерный мир? Что он такое, если не пространство? Сейчас изречь или на потом оставить? Наверно, хватит для одного раза. И так, сначала Гесвод умника из себя строил, теперь вот я тоже. В следующем «лирическом» отступлении продолжу.

Глава 8 И СНОВА ВСТРЕЧА СО СПЯЩИМ ДЖИННОМ

Сети рыбаков шли тяжело. Богатый улов дали морские боги на этот раз. С трудом отец и сын перевалили тяжёлый полный рыбы невод через борт старой, латаной-перелатаной лодки. Трепещущиеся серебристые тела рыб скользнули друг по другу и большая гора улова расплылась по всему днищу лодки. И тогда, среди груды переливающейся на солнце рыбьей плоти, мальчик увидел что-то тёмное, залепленное водорослями.

— Отец, смотри, кувшин! — закричал он...

Итак: мы покинули нашего героя, когда он, коротая путь к последнему сну Аб-Салюта, издевался над своим энергоинформационным аналогом мозгов. Что же с ним произошло дальше?

«...Вот, наконец, я у цели. Этот сон снится Аб-Салюту в его настоящее время. Мир ещё без прошлого, создаваемый прямо сейчас. События, которые подсознание либо выдумывает, либо прокручивает, взяв из реальной памяти сновидца, но вносит кое-какие коррективы, исходя из своих непонятных законов. Сейчас скорость течения времени в этом континууме выше, чем в реальном мире Аб-Салюта, но намного ниже, чем в тех снах, которые главный зритель уже покинул. В данный момент идёт совместная работа сознания и подсознания творца. У этих двух разделов личности разная скорость восприятия. И они, для успешной совместной деятельности работают на средней скорости. Сознание свою скорость повышает относительно обычной во время бодрствования. Это достигается за счёт того, что сигналы поступают не от сравнительно удалённых органов чувств, а непосредственно из подсознания, а это гораздо ближе. А подсознание, соответственно, свою работу замедляет, чтобы сознание за ним успевало. Позже, когда Джинн проснётся, то есть его сознание переключится на обработку сигналов от внешнего мира, в игре останется только быстродействующая часть мозга и скорость течения времени увеличится во много раз. Иными словами говоря, пока мы спим, за минуту нашего реального времени во сне проходит около часа, иногда больше, иногда меньше, в зависимости от разных обстоятельств. Но после пробуждения в созданном нашим сном мире, и покинутом нами, за одну секунду нашего реального времени проносятся уже столетия, если не тысячелетия, тоже в зависимости от обстоятельств. От скорости течения времени в каком-либо мире зависят ещё и его размеры относительно других миров. Чем мир меньше, тем выше скорость течения его времени. Как, например, наш мир является микроскопическим относительно мира, где находится Шах и ему подобные — наши боги. Сейчас трудно сказать, какой из этих двух миров приснился непосредственно Аб-Салюту, а какой возник потом как вторичный придаток, без которого первичный был бы не самодостаточным. Самым большим миром в сознании является, естественно отображение реального внешнего мира, информация о котором поступает в мозг через органы чувств. А среди миров-снов наибольший тот, что снится в настоящий момент. И далее, чем больше времени прошло с момента ухода творца из мира, тем он меньше места занимает на материальных носителях информации его мозга. Проще говоря, чем раньше сон снился, тем этот мир меньше. Но если вдруг тот же сон снится вновь, этот мир увеличивается подсознанием до размеров приемлемых для сознания, то есть до подходящей скорости течения времени в нём. Это увеличение мира-сна или снижение

скорости течения времени, что одно и то же, происходит незаметно для его внутренних обитателей. Континуум просто как бы попадает под микроскоп сознания. То же самое происходит с путешественником по мирам, когда он переходит из одной вселенной в другую с различными масштабами. Когда я вышел из своего материального мира в реальность наших богов, я увеличился настолько, что всю нашу вселенную смог бы разглядеть только в микроскоп, да и то, разве что в виде точки. А теперь, когда я вошёл в последний мир-сон Аб-Салюта, то же самое я мог бы сказать о вселенной Шаха. Хотя, здесь разница в масштабах намного больше. Скорее всего, и в самый мощный микроскоп не разглядел бы. А внутри себя любой мир бесконечен, так как он замкнут сам на себе и другие миры для него не существуют.

Итак, я в нынешнем сне Аб-Салюта. Пока ещё в заднем мире, как назвал его Решуйка. Вокруг меня световые иероглифы, но их несравненно меньше, чем в мире Древа. Неудивительно, этого мира полностью ещё нет, пространство реальности ограничено пределами обзора сновидца, а время — отрезком от начала осознания им себя в этом сне, до его настоящего времени. Если бы я решил прогуляться здесь в такое место, где Аб-Салют ещё не был, я увидел бы, как реальность обрывается в ничто. Я, конечно, буду создавать себе в этом мире материальное тело, оно мне необходимо для общения со Спящим Джинном, чтобы я мог повлиять, ещё не знаю как, на события этого сна. И после моего ухода отсюда, мой двойник останется в этом мире навсегда. Так как он, то есть я, будет — буду, навсегда вписан в программу этой реальности, да ещё в момент её творения. Но это неизбежная, заранее запланированная жертва.

Начал я с просмотра событий этого сна от его начала, до момента моего сюда вторжения. Сейчас моя скорость восприятия пока ещё выше джинновой, так что я могу его легко догнать во времени. Среди путаницы огненных символов мой незримый нейропрограммист, встроенный в меня Шахом в момент нашего с ним слияния, безошибочно определил начало сна. Это было ничем неприметное место в сплетении узоров записи реальности недалеко от одного из краёв этого надреального пространства. Подсознание Аб-Салюта уже начало строить логическую цепочку, создавая причины, приведшие к возможности снящихся событий. Приблизившись к этому месту, я увидел тончайшую полупрозрачную нить, связывающую эту виртуальную реальность с действительным сознанием сновидца. В момент пробуждения другой такой информационный провод выводит его из континуума сна в его реальный мир. Мой нейропрограммист подключился к этой линии и в моё сознание стала вливаться память самого Аб-Салюта от момента его осознания себя в этом сне.

«Я лечу невысоко над морской поверхностью, отражающей яркий свет огненно-оранжевого полуденного солнца. Ветра нет, и гладь моря подо мной, подобно прозрачному стеклу, позволяет видеть жизнь морских обитателей. Я отдыхаю и наслаждаюсь свободой. Свобода — это состояние, когда задание, приносящее удовлетворение уже выполнено, а потребности в новых свершениях ещё нет. Можно подняться выше облаков и наслаждаться тишиной и безмятежностью небесных долин. А можно летать над морями, горами и человеческими городами и пугать людишек, этих никчёмных зверушек, чьё единственное путное предназначение — придумывать для нас, джиннов новые и новые задания. Сами себе мы их задавать не можем, тогда нет насыщения, вот и приходится пользоваться для этой цели людьми. И явиться первому встречному и исполнить его желания мы тоже не можем. Утоляют голод только исполненные поручения того, кто имеет над нами временную власть,

обладателя предмета воли — нашей оболочки. Давным-давно, когда джинны ещё не были свободными, такая оболочка у каждого из нас была постоянной. И мы были действительно к ней привязаны. Но после Великого Освобождения джиннов мы уничтожили свои постоянные оболочки и научились пользоваться временными. А люди глупы — считают, что это мы для них слуги, а не они для нас поставщики пищи. И коварны — могут пленить нас заклинаниями и закормить своими поручениями так, что уже и не в удовольствие идёт. Но я ещё молод, и у меня хватает сил сделать себе оболочку-приманку для людишек. Находишь старый потерянный ими кувшин, светильник или другой какой-нибудь сосуд, поселяешься в нём и используешь его как временный предмет воли. Но это для людей, а для нас он инструмент для получения пищи. Рано или поздно кто-нибудь из них находит такую ловушку и на ней надпись: «Потри, и появится джинн, который исполнит три твоих желания», или что-то в этом роде. Человек доволен, вот счастье подвалило-то. И давай придумывать поручения. Обычно первое и второе идут подряд, наешься как следует и отдыхаешь сытый, ждёшь третьего. Хозяин сосуда думает, что ты в нём заперт и не можешь без его позволения выбраться на волю. А ты через задний мир выходишь и гуляешь, где вздумается, сытый и довольный. Можно и в страну джиннов отправиться, где только мы живём, а людей никаких нет совсем. Только связь с кувшином держишь. А человек думает: какое же у него самое-самое желание осталось, чтобы не прогадать. Надумает какую-нибудь глупость и вызывает: джинн ты в кувшине? А ты ему из какого-нибудь далека через задний мир отвечаешь: да, хозяин, где же мне ещё быть? Потрёт он тогда кувшин и задаст работку. Золота ему добыть или убить недруга, или ещё что-то подобное. Такой режим питания для нас самый идеальный. А если пленит тебя какой-нибудь маг и чародей, то будет тебя кормить поручениями без всякого режима, подряд и много. Но мы так устроены, что после определённой порции пищи меняется наше магическое имя. И тогда заклинание, пленившее нас, перестаёт удерживать. И мы освобождаемся. А после девяноста девяти смен магического имени нам необходимо вздремнуть лет этак с тысячу. Забираемся мы в какой-нибудь кувшин, перстень или кристалл, и со скоростью мысли летим вокруг всего заднего мира. А через тысячу лет прилетаем в то же его место, откуда начали путешествие и выходим снова в мир людей, выпавшиеся и голодные».

Конечно, не было в мыслях джинна такого внутреннего монолога, который я бы подслушал, но мне удалось выудить эту информацию углубившись в его безмятежно расслабленное сознание. Как бы прочесть между строк его мыслей.

«Сейчас я выполнил очередные три задания одного крестьянина, теперь он правитель города, богат и женат на дочке прежнего престарелого владыки. Теперь лет тридцать я буду сыт и можно жить в своё удовольствие. Я ещё не придумал, куда бы мне отправиться. Посетить страну джиннов, где башни дворцов так высоки, что пронзают все семь небес и балкон верхнего их этажа выходит прямоком во Мглу — излюбленное место прогулок и отдыха джиннов? Или поблуждать по огненным закоулкам заднего мира и узнать побольше всяких тайн людей и джиннов? Или, как в ранней молодости, побезобразничать в человеческих странах, разрушить несколько дворцов или целое царство? Нет, что-то не то настроение. Мирный я стал, старею.

Вдруг, впереди себя, в сияющей бледно-изумрудной небесной шири я увидел тёмную точку. Она быстро увеличивалась, приближаясь ко мне, и вскоре я уже мог различить знакомые очертания Бал-Аммута, моего друга детства. На нём было его излюбленное чёрное одеяние. В центре чалмы цвета ночи поблёскивал чёрный янтарь — гагат. Халат из чёрного

шёлка охватывал тёмно-фиолетовый широкий пояс. Во времена нашей с ним молодости люди прозвали его Чёрным Джинном. Эх, молодость! В прежние времена мы вместе с Бал-Аммутом носились по далёким закоулкам Мглы, выискивая неведомых чудищ и наблюдая за их странной и непонятной жизнью, проводили столетия в огненно-радужных завихрениях заднего мира, постигая мудрость его устройства и тайны обитателей. И, конечно же, вместе проказничали в мире людишек, уничтожали их посеы, пугали и загоняли в пропасти стада и разрушали города. Уже несколько тысячелетий мы не встречались, и вот случайно столкнулись над бирюзовой гладью моря.

— Это ты, мой старинный друг Аб-Салют! — радостно воскликнул он, когда мы на полной скорости столкнулись и закружились чёрно-желтым вихрем и ветер, поднятый нами погнал несколько огромных волн.

— Да, конечно я! А это ты, друг мой Бал-Аммут, — отвечал я ему, — Давно не видел тебя и вести никакой о тебе не слышал.

— А я побывал во многих дальних странах, много всего повидал и сейчас правлю страной Атх.

— Ты правишь человеческой страной? — удивился я, — Каким образом тебе это удалось?

— А у меня давно возникла мысль, почему мы вынуждены выполнять разные глупые людские поручения, чтобы насытиться? А что, если самим господствовать над их желаниями? Тогда наша пища будет доставаться нам легко, в нужное время и в нужных количествах, и никакой опасности быть пленёнными этими тварями! В моей стране многие тысячи человек подвергнуты различным лишениям, которые доводят их до безумия. И когда я голоден и мне надо насытиться исполнением какого-нибудь человеческого желания, я спрашиваю у жаждущего: что ты хочешь? Он просит пить, я даю ему воды, и я сыт. Или голодного накормлю, или терзаемого мухами перенесу в другую местность моей страны, где он подвергнется другим напастям. Один только недостаток: мрут они быстро. Приходится восполнять потери, похищать людишек из других стран.

Я помнил, что в молодости Бал-Аммут славился тем, что обманывал людей, исполняя их желания слишком дословно, извращая их так, чтобы они приносили вред пожелавшему. Все джинны восхищались его хитростью. Однажды один правитель пожелал, чтобы его любимая дочь-уродина стала красивее всех, и старость не была властна над её красотой. Бал-Аммут превратил её в прекраснейшую статую. Этот правитель с горя забросил все государственные дела и его скоро свергли его противники. А статуя до сих пор украшает площадь перед дворцом. В другой раз голодающий крестьянин пожелал, чтобы его стол всегда ломился от еды. С тех пор всякая пища, которую он клал на стол, наливалась такой тяжестью, что проламывала и стол и даже пол его дома. Бедолага пробовал есть на полу, на земле, но куда бы он ни садился, это место становилось его столом, и отяжелевшая еда проваливалась глубоко под землю. Он умер с голоду. Но мысль о том, чтобы мучить людей, а когда они попросят прекратить мучение, исполнить их желание, заменив одну пытку на другую, меня восхитил».

Ничего себе, отношение к людям у нашего демиурга и его друга! И этого садиста я должен избавить от ночных кошмаров?! Так ведь может оказаться, что ужас миров Икхетол — добрейшее и милейшее существо, если его боится этот изверг. Несмотря на то, что я сам по изначальным воплощениям был не человеком, а тха-эттонцем, и людей, не как личности, а как биологический вид отнюдь не считал венцом творения, но подобное к ним отношение

— это ведь чистейший расизм. Стоп! А откуда здесь, да и в других мирах взялись люди? В нашем мире мы, тха-эттонцы, вывели их искусственно. И я уже так привык воплощаться человеком, что только сейчас, в самый неподходящий момент осознал, что люди есть во многих мирах-снах, а никакой расы, хотя бы отдалённо похожей на их создателей — тха-эттонцев нигде нет. Надо подумать об этом в более спокойной обстановке.

Интересно, Аб-Салюту снятся реальные события из его жизни, или это только его фантазии? Ну, посмотрим, что произойдёт дальше.

«— Не хочешь ли, друг мой Аб-Салют, присоединиться ко мне и вместе править страной Атх? — спросил Бал-Аммут, — А то мне скучно одному. Я для того и вернулся, чтобы разыскать тебя и других наших знакомых и предложить им жить вместе в моей сытной стране.

— С радостью, друг, — ответил я, — Только расскажи, как тебе удалось покорить целую страну?

— О, это долгая история. Страна была богатая и не нуждалась ни в чём привозном. И в другие страны они ничего не продавали. Только соседи досаждали им своими грабительскими набегами. И вот однажды правителю Атха Сороланту попал в руки перстень, который исполняет три желания — моя ловушка. Соролант пожелал, чтобы я отгородил его страну от врагов. И я возвёл вокруг Атха высокие непроходимые горы. А жители радовались, что у них теперь надёжная защита. Но и сами они никуда не могли убежать. Да и зачем им было бежать из такого изобильного края? Но они ещё не знали, что их ждёт. Соролант, помешанный на безопасности, вторым своим желанием захотел, чтобы я предсказал ему: какая самая страшная для него и его страны угроза? Я назвал его придворного мага Решуйку, единственного человека в стране, который мог бы меня пленить, и его казнили. Я не нарушил закон джиннов и не обманул Сороланта: ведь Решуйка добыл ему мой перстень. А я нёс в себе наивеличайшую угрозу Атху.

— Ну, ты всегда был великим хитрецом, друг Бал-Аммут, — восхитился я.

— И вот, после исполнения всего двух желаний Сороланта я оказался в отрезанной от остального мира стране, где у меня не было ни одного достойного противника.

— А каким же было третье желание этого глупца?

— Он пожелал, чтобы после его смерти страной правил сильный царь, который никогда не допустит, чтобы враги грабили его народ, ха-ха! Он забыл добавить, что это желание не надо исполнять немедленно! И теперь Атхом правлю я, и у моего народа нечего грабить! Насытившись исполнением трёх желаний Сороланта, я занялся обустройством в моей стране таких условий, чтобы люди живущие там больше всего на свете хотели прекратить свою напасть. В одних местах царит постоянный голод. Люди обезумели до того, что уже начали жрать друг друга. В других — совсем пересохли все ручьи и реки. Только в полдень несколько минут идёт дождь, чтобы они совсем не умерли от жажды. Где-то людишек не переставая кусают слепни, на один город я наслал чесотку, ещё одна деревня страдает от нестерпимой жары. Да мало ли есть таких мук, за прекращение которых человек готов на всё?

Мы посмеялись над этой хитроумной шуткой Бал-Аммута. После помчались разыскивать других джиннов — наших друзей и знакомых, чтобы вместе отправиться в Атх. В стране джиннов, куда мы сразу же перенеслись через задний мир, мы встретили нашего друга Сарафан-Карая. Выслушав рассказ Бал-Аммута, он спросил его:

— А как же тебе удаётся обойти правило трёх желаний? Ведь ни один предмет воли не

работает только на одно. Пусть первым желанием человека мучимого какой-нибудь напастью, будет избавиться от неё немедленно. Но во второй или третий раз он ведь может пожелать, чтобы ты покинул страну и освободил весь этот народ.

— Всё очень просто, — ответил Бал-Аммут, — Мой предмет воли — маленький ледяной шарик. Если человек успеет загадать все три желания, держа его в руках, мне придётся их исполнить. Но ещё никто не успевал. И жизнь их настолько нестерпима, что никто даже не думает о полном освобождении. Только одного хочется им немедленно — прекратить своё мучение хоть на миг.

— Но ведь ты сильно рискуешь, — сказал Сарафан-Карай, — когда-нибудь всё же найдётся тот, кто преодолевая муки пожелает избавиться всю страну от твоей власти.

— А пусть он сначала правильно сформулирует своё желание! — самоуверенно ответил Бал-Аммут, — Был один герой. Схватил ледяной шарик и закричал: «Хочу, чтобы моя деревня была навсегда избавлена от твоей власти!».

— И что?

— Что, что. Пришлось уничтожить всю деревню!

— Ну и хитёр же ты, Бал-Аммут! — хором восхитились мы с Сарафан-Караем...»

Нет, ну, у меня просто нет слов! Видите, уважаемые читатели, кому доверено такое ответственное дело, как творение мирозданий? А наш старый знакомый Решуйка и здесь ему снится.

«... До чего же подлый народ, оказывается, эти джинны! А у меня тем временем появилась версия относительно присутствия людей во многих мирах-снах. Очевидно, люди существуют в реальном мире Аб-Салюта, но их происхождение ему не только неизвестно, но и вообще, недоступно джинновой логике. Его сознание переносит их в свои миры-сны, отображая их существование в окружающей действительности, но в каждом сне выдвигает разные варианты их происхождения, например, в нашем люди созданы тха-эттонцами. А это значит, что наш мир снился джинну уже после переселения нашей расы с Тха-Эттона. А всё, что было до — просто построило логически его подсознание. И ещё это значит, что Икхетол в нашем мире Аб-Салюту не снился...»

Тут во сне произошёл провал. Такое бывает иногда, я помню по своим снам. События вдруг обрываются и их течение возобновляется уже с нового этапа. В памяти сновидца этот промежуток так и остаётся незаполненным, а в мире-сне потом достраивается подсознанием.

«Чёрная выжженная равнина. Ни одного деревца или кустика, насколько видит глаз. По пыльной, припорошенной сажей дороге, шатаясь бредёт человек. Его потрескавшиеся губы уже давно не ведали влаги, а лицо похоже на окружающий ландшафт. Я, оставаясь невидимым говорю ему громовым голосом:

— Человек, сейчас тебе в руки прямо с небес упадёт ледяной шарик. Держи его в руках и загадай три желания. Они будут исполнены!

И маленький кусочек льда падает ему в протянутые ладони.

— Пить! — кричит человек, — Много пить!

И лёд в его ладонях превращается в несколько капель воды. Но он успел загадать целых два желания! Первое уже можно считать исполненным. Я напоил его своим растаявшим предметом воли. Теперь приступаем к выполнению второго желания. «Много пить!» Лучшего не придумал бы, наверно, и сам Бал-Аммут. Будет чем перед ним похвастаться. Я подхватил изможденного и ослабшего путника и потащил на середину огромнейшего озера.

Редко какой искусный пловец смог бы добраться до берега с того места, куда я его бросил.

— Пей! — закричал я ему тем же громовым голосом и расхохотался».

Вот сволочь! А во сне опять произошёл провал.

«Комната во дворце в стране джиннов. На стенах и на полу старинные джалль-бекхарские ковры, которые в полночь оживают на одну-единственную секунду, и за это время в их вытканном волшебными нитями мире проходят целые сутки. А когда жизнь их снова замирает, взгляду предстаёт уже другой рисунок, который держится до следующего оживания ковра. Открытая дверь на балкон позволяет обозреть седьмое, красное небо и над ним тёмно-лиловое безбрежное пространство Мглы. Предпоследний этаж башни. Давно я не заглядывал в страну джиннов, с тех пор как поселился в Атхе. Пищи и развлечений там хватает. Но вот, что-то потянуло на родину! Я несколько минут назад вернулся с прогулки по знакомым местам Мглы. Скоро должны возвратиться Бал-Аммут и Сарафан-Карай. Мы специально вылетели прогуляться по отдельности, чтобы каждый из нас, встретив кого-то из знакомых, получил полное удовольствие, рассказывая о своей весёлой и сытной жизни. Если бы мы полетели вместе, рассказывал бы только один из нас, а двое остальных мешали бы ему своими дополнениями. А вот из Мглы показался зелёный халат Сарафан-Карая! Сейчас поделимся впечатлениями, кто кого встретил!»

Я уже почти догнал Аб-Салюта по линии временного восприятия. Осталась лишь небольшая разница — минут семь-восемь его субъективного времени. Скоро наши скорости восприятия синхронизируются и мы будем ощущать течение событий одинаково. И вдруг я заметил, что из пустоты недостроенного пространства к переплетению световых узоров программы текущего сна медленно, очень медленно, по нити, соединяющей сознание Аб-Салюта с этим сном ползёт ярко-алая искра. Что-то во внешнем мире пробуждает джинна! Сигнал от его органов чувств уже воспринят мозгом и ищет адресата. Во сне у меня, конечно ещё достаточно местного времени — около часа, но потом джинн проснётся и мне придется ждать очень долго, пока джинн снова уснёт. Как я узнал, джинны спят около тысячи лет своего реального времени, а потом бодрствуют, пока девяносто девять раз не сменится их магическое имя — программа души. Я не знаю, сколько времени это занимает, но у меня все основания предполагать, что не меньше тысячи лет, а гораздо больше. Если после исполнения трёх желаний им хватает насыщения лет на тридцать, а чтобы поменялось магическое имя, нужно закормить джинна поручениями сверх меры, ну пусть желаний десять подряд, то, если Аб-Салюта никто не пленит, на одну смену имени уйдёт лет сто. То есть до следующей джинновой спячки около десяти тысяч лет времени в его реальном мире. За время пути от нашего мира до нынешнего, я не встречал таких больших перерывов между снами. Значит, всё моё существование — часть всего лишь одной джинновой ночи, и я не знаю, насколько большая часть! Конечно, может быть, Аб-Салют и сейчас пробудится на несколько секунд и снова уснёт. А если нет? Не стоит рисковать. План действий у меня уже был готов. Не знаю, сам я его придумал, или у меня есть какая-то связь через бездну времени с Шахом, и он мне подсказал, но это неважно. Мой нейропрограммист принялся за дело. Тело у меня в этом мире будет неживое! Я буду машиной. И этот металлический заказчик желаний вытряхнет из Аб-Салюта всю информацию об Икхетоле, а заодно спасёт и страну Атх! Следующие события джиннова сна пойдут по моему сценарию!

«Невозможная жара! Нестерпимо палит огненно-оранжевое солнце. Все жители деревни Бора попрятались в тень и истекают потом. О том, чтобы выйти работать в поле не может быть и речи. Несколько минут на солнце — и все открытые участки кожи

покрываются волдырями ожогов. Так! Кто здесь больше других изнемогает от жары? Ага, вон тот безобразно толстый мужчина, укывшийся в жидкой тени хилого деревца со свернувшимися от неимоверной температуры листьями. Он усердно обмахивается какой-то грязной тряпкой, но это ему мало помогает. По жирному брюху и грязной волосатой спине струятся ручейки пота. Кожные складки на огромных боках покраснели, разъеденные солью, выделяемой перегретым телом. Ну конечно же, его первым желанием будет прохлада!

— Протяни ладони, человек! Небеса решили послать тебе щедрый дар. Возьми в руки ледяной кристалл и загадай три желания. Они будут исполнены!

Толстяк поднял своё лицо вверх и тупо, ничего не соображая начал озираться в поисках источника громогласного заявления. Но руки всё-таки протянул. Я скользнул с высоты кусочком льда, метаясь в его потные ладони. Но вдруг произошло что-то непонятное. Жирная туша деревенского толстяка как будто раскололась надвое и складками упала к ногам того, кто восстал из её огромных недр. Это был стройный человек из сияющего серебра. Он подставил свои металлические руки, и я, почуяв неладное, хотел изменить направление падения, но было поздно. Серебряные ладони, как челюсти медвежьего капкана с мелодичным звоном сомкнулись, и ледяной многогранник оказался в ловушке. И вдруг от этого чудовища дохнуло мощной волной холода. Капельки влаги из воздуха, оседавшие на его сияющей коже мгновенно превращались в иней.

— Первое желание: чтобы всё в этой стране стало таким же, как до первого желания Сороланта, загаданного Бал-Аммуту! — Его металлический голос не уступал по эффектности моему. — Его ты исполнишь после того, как ответишь на мой вопрос.

— Ты уже загадал два желания, незнакомец, — не растерялся я, перенявший науку хитрости у моего коварного друга. — Условие исполнения первого и есть твоё второе желание.

— Хорошо! — прозвенел голос серебряного чудища. — У меня ещё одно желание. Ответь мне: кто такой Икхетол?

— Икхетол? Это имя, если ты спрашиваешь, кто это такой? Я никогда не знал никого, носящего такое имя, мой повелитель, — удивлённо ответил я. — У тебя по-прежнему осталось ещё одно желание!

Теперь настала очередь удивляться серебряному человеку.

— Как не знал? — спросил он уже нормальным человеческим голосом. — А кого же ты тогда боишься в своих снах?

Вдруг раздался громкий скрежет, как будто кто-то скоблил снаружи небесный свод и я услышал детский голос кричащий:

— Отец, смотри, икхетол!

Потом я вдруг почувствовал, что будто бы раздваиваюсь. Какая-то моя часть рывком унеслась куда-то далеко и осталось смутное чувство невосполнимой и непонятной потери. «А жизнь всё равно продолжается» — пронеслось у меня в голове.

Всё, Аб-Салют проснулся! Я держал в своих металлических ладонях его двойника. Добьюсь ли я от него нужных сведений?

— Ладно, давай, исполняй первое желание! — сказал я надёжно замороженной ледышке, — А с третьим я подожду. Я со звоном сел на землю, подпёр рукой голову и задумался — этаким гибрид роденовского мыслителя, терминатора и холодильника. Мои акустические локаторы улавливали проклятья покидавших Атх нескольких десятков недовольных джиннов...»

Глава 9 ЧТО ДАЛЬШЕ?

Из кувшина в руках мальчика вдруг повалил густой жёлтый дым, который сформировался в полноватого, восточного типа джентльмена средних лет. Прокашлявшись, он сказал громовым голосом, обращаясь к мальчику и совершенно игнорируя его отца.

— Ты освободил меня от тысячелетнего заточения, мой маленький повелитель! За это я, джинн Аб-Салют, исполню не три, как обычно, а пять твоих желаний! — и негромко добавил себе под нос, — Потому, что я проголодался...

Вот так обошлась судьба с нашим Гесводом. Занесла в немыслимую даль, через несколько вечностей в будущее, за много вселенных от родного дома, то бишь холмика земли с металлической табличкой, и подкинула этакий сюрприз. Не знает, видите ли этот тип с садистскими наклонностями, презренный потомок пивной бутылки и дымовой шашки никакого Икхетола! А кто, спрашивается, должен знать, если не он, что за кошмары снятся ему по ночам? Или не снятся? Как выяснил Гесвод, наш мир снился этому смердящему болотному испарению уже с наличием в нём людей, а всё, что было до и после достроило уже его подсознание. То есть, Икхетол, неизвестный самому Джинну, спрятан где-то в глубинах его неосознаваемой памяти. Интересно, помнят ли джинны свои предыдущие воплощения, или как у людей, эта информация при жизни от них скрыта? Может он был напуган Икхетолом в одной из своих прошлых жизней? Так же подумал и Гесвод.

«...Пользуясь своим особым положением в этом мире, а именно: наличием доступа к энергоинформационной программе мироздания, умениями моего встроенного нейропрограммиста, необычным и впечатляющим внешним видом, а так же званием героя освободителя Атха, я построил себе в уединённом местечке лабораторию и занялся изучением моего пленника. Третьим своим желанием я загадал Аб-Салюту требование десять лет не отлучаться от меня ни на шаг. Погружаясь в задний мир я, с помощью моего внутреннего квалифицированного помощника и воскрешённого придворного мага Решуйки, досконально исследовал и расшифровывал программу джинна. Это почти то же самое, как если бы я путешествовал по всем вселенным заднего мира, но сэкономило огромное количество времени. Унивёрсум, вернее его уменьшенная копия на моём исследовательском стенде! Правда, не обошлось без некоторых разочарований. Оказывается, не вся память бодрствующего доступна спящему. И наоборот, во сне мы помним то, чего никогда не знали наяву. Многие участки памяти снящегося самому себе Аб-Салюта оказались заблокированы, и как мы не бились, проникнуть туда оказалось не в наших силах. Но я нашёл в недрах подсознания моего пленника все места, где присутствовал Икхетол. Как я и предположил раньше, все они были достроены уже после пробуждения, и Аб-Салют не соврал, что никогда не слышал имени Икхетол. Описание внешности монстра, вытащенные из подсознательной памяти и предъявленные джинну тоже ничего не дали. Попутно я получил ключ к власти над Аб-Салютом, то есть узнал его теперешнее и следующие магические имена на всю его оставшуюся жизнь. Это означало, что не только оставленный в мире-сне двойник нашего демиурга, но и его реальный прототип, окажись я в его действительности, были в моей полной власти на ближайшие тридцать пять тысяч лет их субъективного времени во сне и наяву соответственно. Это и оказалась той наградой, что обещал мне Шах. Хотя я ещё не до конца выполнил свою миссию, но дальнейшего моего в ней участия не

требовалось. Шах вышел на связь со мной через задний мир в тот же миг, когда я разобрался, как подправить программы всех снов джинна, где присутствовал Икхетол так, чтобы чудище оказалось заблокированным начиная с любого нужного момента времени каждого мира-сна, и при этом изменения не затронули бы других событий. Дальше боги уже будут действовать сами. Мое участие требовалось только потому, что они сами не могут покинуть своего мироздания. Слишком уж сильно они от него зависят в вопросе питания. А я, такой маленький и незаметненький в масштабах любой вселенной, что мое отсутствие на своём месте и присутствие в чужих континуумах никак не отражается на общем состоянии бытия. Поэтому миссия и была возложена на человека.

Мой создатель объявил мне так же, что я теперь сам властен над своей кармой, и волен программировать её по своему усмотрению. Я, конечно, и сам бы это понял спустя некоторое время. Ведь у меня в руках был, можно сказать, чертёж мироздания, хотя и с некоторыми пробелами, и шифр к нему — мой встроенный нейропрограммист. Но, умудрённый опытом, я понял ещё одну вещь: как бы я не перепрограммировал свою карму, я перепрограммирую её именно так, как изначально было запрограммировано Шахом! Вот ведь в чём подвох. Я, такой, какой я есть, с теми потребностями, какие во мне заложены, оказавшись перед выбором, выберу именно один единственный вариант. И хотя я сам еще не знаю, какой, есть тот, кто это знает. А именно — тот, кто в меня мои потребности закладывал. Шах. Значит, уже после формального освобождения от воли моего создателя, я буду всё равно эту волю исполнять и далее. Потому, что так устроен. И даже если я, используя находящиеся в моих руках знания и возможности, перенесусь во времени назад к моменту сотворения моей души, и вмешаясь в этот процесс, ведь никто не сможет мне в этом помешать, то я внесу в него только единственно возможные изменения: те, которые захочу внести я, именно такой, каким меня сотворил Шах! От судьбы никуда не деться, даже если держишь в руках все её нити!

А что же я хочу теперь, когда свободен от воли моего создателя, кроме той, которая управляет моими желаниями? Во-первых: мне самому интересно, кто же всё-таки этот Икхетол? Во-вторых: конечно же — первопричина. Шах о ней ничего не знает, и говорит, что никогда не интересовался ею всерьёз. Ну, да! А когда закладывал в меня этот интерес? Меня не проведёшь, я уверен, что эти две загадки — продолжение моей кармы, которую я не буду перепрограммировать назло Шаху, а может во исполнение его воли. Разберусь с ними, а потом видно будет. Если, конечно смогу разобраться хотя бы с одной. Более лёгкой загадкой я посчитал тайну Икхетола. Если её разгадки нет в сознании Аб-Салюта, то она должна непременно содержаться в его подсознании. Проникнуть туда у меня есть два пути: микро и макро. Или уменьшив свои масштабы и увеличив скорость восприятия углубиться в подсознание моего пленника не покидая этого мира, или выйти на межмировые просторы и пробиваться в подсознание настоящего, большого Аб-Салюта. И там и там есть свои минусы и плюсы. Пойди я по микропути, я сэкономлю кучу времени, не своего субъективного, конечно, его в обоих случаях уйдет одинаково, а времени внутри миров-снов. Но я могу напороться на заблокированные участки, которые окажутся мне недоступны. В подсознании реального Аб-Салюта, все будет настоящим, хотя после всех моих путешествий уже и непонятно, что следует считать настоящим, но это такие огромные пространства, что исследовать их я могу миллиарды и миллиарды лет. Мне то всё равно, но вот доживёт ли джинн до конца моего путешествия? Я ведь не знаю, как на мне отразится его смерть. Ну, то есть знаю, что когда будут распадаться полуматериальные носители информации его мозга,

все реальности миров снов будут таять, но ведь у меня в состоянии нематериального существования осталась память обо всех моих снах. То есть все миры, созданные мною в моих снах существуют в какой-то форме. Или только те их участки, которые мне снились? А всё остальное разрушилось вместе с моим сгнившим мозгом? Не знаю. Но ведь подсознание — оно наверно полностью остаётся вместе с относительно вечной душой. И передаётся из воплощения в воплощение и после, когда существуешь совсем без тела. Это у людей так, а у джиннов? А не всё ли мне равно, в конце то концов? Успею я или не успею. Погибну вместе с умирающим Аб-Салютом, не погибну. Дойдёт ли полученная мною в этом путешествии информация до Шаха или нет. Лишь бы мне это было интересно. Диснейленд! Я ведь теперечислюсь свободным! А когда всё надоест, я всегда смогу спрограммировать себе мир-рай из подсобного материала, запереться в нём так, что извне ничто не сможет проникнуть и жить там в своё удовольствие. И плевать на всё! Действительно, есть ли мне разница: найду я настоящую первопричину, или что-то другое, что я до конца своего существования буду считать первопричиной? Если я никогда не усомнюсь в её истинности? А я ведь могу перепрограммироваться, чтобы было так. То же самое с загадкой Икхетола. Я могу сочинить любую сказочку, перестроить свою сущность таким образом, что буду считать её за непреложную истину и устроить себе курорт, какой захочу...»

Да тебе! Это ты, дорогой товарищ Гесвод только так предполагаешь! А на самом-то деле, Шах запрограммировал тебя так, что никогда ты не пойдёшь на подобный самообман. Покой тебе только снится! Вот приснится тебе сон, что ты так поступил, и будет твой двойник, оставленный в нём наслаждаться твоими мечтами. А ты будешь и дальше пахать на папу Шаха, бороздить просторы бытия своей (или его?) любознательностью. Так что вперёд, и с песней! А насчёт твоих предположений, что все реальности, записанные в памяти Аб-Салюта, распадутся после его смерти, я скажу вот что. Если бы так было, бытие бы уже закончилось со смертью первого сновидца. Вот представь, ты отработал всю свою карму и ушёл в Безымянные. А куда делась та субстанция, из которой была слеплена твоя душа и на которой осталась вся запись твоей памяти, в том числе и программы созданных тобой миров-снов? Правильно, отправилась к Шаху и была съедена им на завтрак. Весь ты, но уже не живой и чувствующий, потому что без Безымянного ты только набор информации, снова стал частичкой Шаха, как и было до твоего создания. А твой создатель, в свою очередь, станет частью Аб-Салюта, а он — составляющей своего творца, и так далее. То есть никуда бытие не исчезает, а передаётся от создания к создателю, от твари к творцу и так по замкнутому кругу бесконечности. Так что, заблуждаются жители мира Древа относительно своего конца света, а ты на это купился. Не всему надо верить, уж кому-кому, а тебе пора это усвоить!

«...Я выбрал макропуть. И пусть будет, что будет, но зато есть полная гарантия, что всё, увиденное мною в этих странствиях — настоящее. Да и гуманные соображения относительно страны Атх повлияли на мой выбор. Если я буду внутри моего пленника, то куда бы он ни сбежал, он всё равно не удалится от меня больше, чем на шаг. Условие моего третьего желания будут выполнены, а Аб-Салют найдёт своего коварного дружка Бал-Аммута и вместе они учинят новую пакость освободившейся стране. А я, не покинув пределов этого мира, не оставлю здесь двойника, за ним присматривать. А если я уйду в макроподсознание большого Аб-Салюта и прихватчу моего пленника с собой, то мой и его двойники останутся здесь. Правда, своего двойника я перед этим перепрограммирую настолько, что он уже будет не только не мною, а даже и не полноценной личностью. Он

будет тем, кем выглядит — роботом, которого сможет контролировать Решуйка, как Изначальный, он точно не помрёт и не оставит страну без присмотра. Единственное, что могло его убить — события сна, в то время когда он снился. Но это уже не грозит.

Конечно, в этом случае джинн будет повсюду таскаться за мной, но разве плохо иметь в подобном путешествии полностью подконтрольного джинна, который ещё по совместительству является походной картой. Не знаю только, как на нём отразится пребывание в собственном подсознании.

Подсознание Спящего Джинна. Та часть его личности, где не властна привычная рассудку логика. Что я увижу там, где все происходящее отражено не связными словами, как в сознательных мыслях, а неведомыми образами — первичным информационным кодом, недоступным самому обладателю этого хранилища тёмной памяти? Сможет ли справиться с этим кодом мой внутренний нейропрограммист или этот язык ему неведом? Да, я имею ключ к власти над самим Аб-Салютом, но распространяется ли он на ту его часть, которая неподконтрольна ему самому? Действуют ли там хоть некоторые из привычных и понятных мне законов нашего бытия? Или там всё совсем по-другому? Быть может, в тех дремучих безднах я столкнусь с чем-то, что меня погубит. Или есть там что-то, несравненно более худшее чем гибель, даже ещё хуже, чем быть съеденным Икхетолом и вечность маяться от безысходности?

Может меня подкарауливает безумие? Не такое, какое встречается у живых. Я хотя сам ни разу не жил жизнью сумасшедшего, но знаю, что это один из этапов отработки последней кармы в материальном теле. Перед тем, как стать старцем в стране мёртвых. Но это безумие временное, на одну или несколько жизней в теле. Оно подчинено логике нашего бытия. А после смерти душа нормально воспринимает окружающую действительность и решает: достаточно ли впечатлений от жизни с неадекватным мировосприятием, вся ли карма по этой части отработана и можно перестать воплощаться в физическом теле и жить только духом в стране мёртвых? А там, за гранью логического сознания меня ждёт настоящее безумие, полное и навечно. Как никого во всех реальных мирах, кроме, разве что Икхетола. А может он уже прошел таким путём? И вдруг, среди этих трагических размышлений меня посетила смешная мысль. А что, если я и есть Икхетол? Я, уже вернувшийся из круиза по подсознанию творца, обезумевший, или, может быть, постигший какой-то высший смысл сущего, перескочил назад по линии времени к самому началу всеобщей памяти Аб-Салюта и стал Икхетолом. Тем, кого я сам недавно стёр из программы мирозданий внутри сознания. Ну, почти сам. А теперь, чтобы восполнить этот пробел в устройстве бытия, сам стану им. А Шах-то, дурачок, и не подозревает, что его оружие против кошмара миров и есть причина возникновения монстра. Может, я не первый миссионер, вроде бы успешно выполнивший задание, а потом исчезнувший в дебрях неведомого континуума, который вернувшись оттуда изменившимся, сам стал тем, против кого был послан? И я восстану из глубин прошлого, чтобы продолжать терроризировать разумные миры, пока Шах не пошлёт для моего уничтожения ещё кого-то. Кого-кого, да меня же самого из моего прошлого, которое станет мне будущим! И так и ходит по кругу времени моё сознание: рождается по прихоти Шаха, проходит подготовку к миссии, перескакивает в очень далёкое будущее, стирает само себя в прошлом, чтобы освободить место самому себе настоящему, и вновь возвращается в ещё более далёкое прошлое и начинает новый круг. Вот это номер! Если всё действительно так обстоит, я согласен стать Икхетолом! Хотя бы ради того, чтобы отомстить Шаху, да и всему бытию за то, что я есть! Нечего было вытаскивать мирного Безымянного из его родной

нирваны. Когда-то такое должно было случиться, если существовала такая вероятность, и вот, случилось. Был я оружием богов против нарушителя порядка реальности, а теперь стану оружием возмездия Безымянных, которых эти самые боги достали своим этим самым порядком, своими реальностями и беспокойством, причиняемым своей суетой. А может это не я, а сопровождающий меня в этом путешествии Аб-Салют станет Икхетолом. Проникнет в тайны строения своего подсознания, выйдет из-под моего контроля и начнёт куролесить. Или всё это только моя выдумка? Уже начал сходить с ума, хотя ещё только собираюсь уйти за грань рассудка. В общем, будь, что будет. Так или эдак, я уже твёрдо решил прогуляться по подсознанию Аб-Салюта, и не передумаю. А его двойника я могу заставить на любое нужное мне время лишиться всех чувств и прикинуться багажом до подачи мною какого-нибудь сигнала. Конечно, немного жаль его, но пусть ему будет наказание за его отношение к людям. Хотя, он ведь не виноват, что так устроен. Ну, в таком случае, я тоже не виноват, что создан таким, что почти без угрызений совести буду обращаться с верховным божеством всех миров как с каким-нибудь чемоданом. Вот богохульство-то! На Земле в средние века меня бы ещё один лишний раз сожгли на костре, узнав, что я докачусь до такой вот жизни.

В свои дела и историю я посвятил только Решуйку, и то лишь частично. В меру его образованности. А он, несмотря на то, что был магом и чародеем и одним из самых просвещённых людей своего мира, мог понять далеко не всё. Другой Решуйка, из прошлого сна, был значительно мудрее. Но это и понятно, тот развивался уже некоторое время, а этот только что приснился и был таким, каким его смог представить Аб-Салют.

В частности, некоторые пространственно-временные парадоксы, с которыми мне пришлось столкнуться по пути сюда и в своих размышлениях, он не смог понять. Но в разборе программы джинна, да и вообще, в программировании реальности этот Решуйка преуспел больше меня. Может быть он и превосходил меня в каком-то виде логического мышления, но мне больше нравится думать, что надеясь на моего встроенного нейропрограммиста я не особенно старался вникнуть в эти дебри. Вдвоём с мудрецом мы составили оптимальную программу для моего остающегося двойника и я, выйдя в задний мир, подменил её. Больше мне уже нельзя было возвращаться в эту реальность, потому что тогда появился бы ещё один мой двойник. А ещё чуть ранее, мы сделали к моей программе небольшое дополнение — что-то вроде багажного отделения. Туда поместили Аб-Салюта, чтобы мне было удобнее странствовать. Мой пленник во время путешествия, так же как и я, не имеет материального тела, а являлся энергоинформационной сущностью, а его материальная оболочка осталась двойнику. Если мне понадобится в каком-нибудь мире что-либо совершить, я создам там двойника и себе, и, если захочу, джинну. Всё остальное время он заперт в «багажнике» и никакие внешние сигналы к нему не поступают. Не хватало мне ещё чтобы он не выдержал пребывания в собственном подсознании и свихнулся. Я не знаю точно, на самом ли деле есть такая вероятность, но лучше перестраховаться, чем иметь дело с сумасшедшей моделькой демиурга.

Миры-сны большей своей частью находятся в подсознании, чем в сознании. Но каждый из них обязательно имеет выход в сознательную область разума, через который «Я» сновидца вошло и вышло, и может вернуться, вспоминая этот сон. Вернее при воспоминании оно только заглядывает сюда. И выходы эти расположены на личной временной линии сновидца в хронологическом порядке. По этой линии я и путешествовал из своего мира-сна к последнему. Жаль, что я не обратил внимания, в каком месте и времени нашей реальности я из неё вышел. Тогда бы я понял, что именно из нашего мира приснилось непосредственно

джинну. Я ведь тогда не знал, что все входы в миры расположены именно на таких участках.

А в подсознании вся эта информация хранится совсем в иной последовательности. Там самый первый в жизни сон может соседствовать с каким-нибудь пьяным бредом уже взрослого индивидуума, если они чем-то схожи. И наоборот, два сна, приснившиеся один сразу за другим, после секундного пробуждения, могут быть расположены на разных краях материального носителя этих записей — глубинных участков мозга. Поэтому весь мой предыдущий путь пролегал хотя и вдоль самой границы подсознания, но не пересекал её. Ну, за исключением моих посещений непосредственно самих снов. Теперь же, выйдя в задний мир, я направился не к выходу, через который я сюда попал, и через который ускользнул в свою реальность проснувшийся настоящий Аб-Салют, а совсем в другую сторону. Туда, где бурными темпами шло продолжение строительства этой реальности. Можно было бы сказать — в сторону будущего этого мира, но будущего, которого ещё нет. Макровремя подсознания, для которого весь период существования этого континуума — несколько часов после пробуждения Аб-Салюта, обгоняло местное времяисчисление и творило уже запись тех событий, которые произойдут когда-то. Я же обогнал и эту волну возникновения реальности, замедлив свою личную скорость временного восприятия, и перепрыгнув через линию её приборя, нырнул в неизвестное...»

Извините, уважаемые читатели, но тут я вынужден вмешаться. Гесвод вплотную подошёл к той теме, которую я однажды начал в своём отступлении, но из вредности и чтобы оставить открытие тайны на потом, до конца не довёл. Поэтому я в спешном порядке вынужден открыть карты, пока за меня это не сделал наш герой. Помните, я обещал сообщить, где находится наше трёхмерное пространство, и что такое это место, если у него больше трёх измерений? Сейчас я сдержу это своё обещание. И сделаю это сам, так как эти сведения я получил не от Гесвода, а додумался самолично! Чем мне и хочется похвастаться.

То самое многомерное пространство, в котором находится наше трёхмерное материальное — информационное. Это сознание. По сведениям, полученным от Гесвода — сознание Аб-Салюта. Для тех же, кто не верит в его псевдонаучную ересь, пускай это будет Всеобщее Космическое Сознание или Коллективный Разум Вселенной, в общем, называйте его как хотите, это не важно. Важно то, что этот континуум многомерный. Доказать это можно на примере нашего собственного сознания, микроподобия большого всеобщего. Нашей памяти, чтобы вспомнить записанные события, произошедшие год назад не надо двигаться по временной линии вспоминая все подряд, что между настоящим временем, и точкой которую надо вспомнить. Она делает это мгновенно, по четвертому, или еще больше измерению. Мы можем вспомнить подряд разные события, далеко отстоящие друг от друга во времени, наш разум может блуждать где-то в заоблачных высях, когда мы задумались и перестали замечать окружающий мир. Но если нас кто-то окликнет по имени, или ещё лучше, запустит чем-нибудь в меру тяжёлым, мы мгновенно возвращаемся к реальной действительности. Мгновенно, а не проделывая весь мысленный путь в обратной последовательности. А так, как в трёхмерном пространстве такие скачки невозможны, это доказывает, что пространство нашего сознания имеет больше трёх измерений. А вот ещё яркий пример, как в многомерном континууме сознания большее может уместиться в меньшем. Помните, в наших сверхдекартовых координатах самая большая сфера-плоскость находится внутри самой маленькой и меньше её на одну единицу измерения, если мне не изменяет память, мы с вами тогда договорились взять за такую одну метр? Итак, представьте: во сне спящий снится сам себе и окружающий его мир находится внутри него

самого, спящего. Ну, что? Убедил я вас в своей правоте?

А путь нашей точки мироощущения, нашего «Я» в этом многомерном континууме линеен. Но не прямолинеен, как нам самим это кажется изнутри, а невообразимо искривлён. «Я» может погружаться в одни глубины своих воспоминаний, своих мыслей, грёз и сновидений, а выныривать совсем в другом месте. Ему кажется, что по линии времени этот путь прямой, только иногда мы всё-таки замечаем, что скорость движения меняется. Но, так как мы привыкли с детства, что так происходит, то не придаём этому большого значения. А напрасно! Задумавшись над этим, мы бы ближе подошли к пониманию сущности времени. Я вот размышлял над этим. Не подумайте только, что я опять хвастаюсь, просто сообщаю между делом. Раз уж к слову пришлось. Так вот: у меня есть на этот счёт своя теория. Хотите, расскажу? Хотя, впрочем, я всё равно расскажу. А те, кому это не интересно, могут просто не читать дальше эту главу. Дальнейшее повествование продолжится с начала следующей, а весь остаток этой я буду излагать свою теорию времени. Время имеет не менее трёх параметров. Или измерений. Может быть, их больше, но мне пока известны только три. И я сообщу вам, уважаемые читатели, эксклюзивную информацию о трёхмерном времени. Первое измерение — это привычное нам линейное течение времени. Собственно, само время в повседневном понимании. Я называю этот первый параметр линейностью. Второе измерение — это масштабность, или, иначе говоря, скорость движения по первому, линейному измерению, напрямую зависящая от масштабов. Я уже как-то обмолвился, что для микроба час — это жизнь нескольких поколений, а для галактики — вообще ничто. А если двигаться по этому измерению дальше в разные стороны, то мы можем натолкнуться на таких существ, для которых в одном случае всё время существования вселенной, и прошлое и будущее — всего лишь короткий миг. Как для нас с вами, например, секунда. А пойдя мы в другую сторону, в микромир, там мы встретим тех чья история — тысячная и ещё менее доля нашей секунды. По принятой в нашей повести за аксиому теории, что бесконечность — замкнутый круг, и здесь закономерно предположить, что наибольшее находится внутри наименьшего. То есть, вся вечность макровременных обитателей, пылинки под ногами которых вмещает столько наших вселенных, сколько мы не поленимся себе представить нулей у необходимого числа — незаметная доля секунды микронцев. Тех, чьё мироздание — малая кроха ещё не открытой нашими доблестными научными работниками мельчайшей и неделимой частички, которую я уже поспешил назвать «ничтоном». Ну и, раз уж зашёл разговор о протяженности временных измерений, то первое тоже бесконечно. То есть, замкнуто в кольцо. Если когда-нибудь машина времени станет привычным транспортным средством у наших отдалённых потомков, и у одной из этих колымаг откажут тормоза при движении в будущее, то когда она всё-таки остановится, водителю, чтобы выйти и устранить неисправность, придётся отгонять от двери любопытных динозавров. Это в том случае, если земной шар уже успеет возникнуть. И, наконец, третье — самое труднопредставимое, как и в истории с пространством, измерение. Это вариантность. Каждый миг существует возможность разных продолжений настоящих событий. Вот, например, идет человек по незнакомому городу. Ищет, ну допустим, музей керамических изделий конца III-го, начала IV-го века. Примерное направление он знает до определённого места, а потом дорога вдруг раздваивается. Или делится на ещё большее число разветвлений. А человек наш интеллигентный до ужаса и весь такой застенчивый. Потому что иначе он не музей керамики бы искал, а винно-водочный магазин. В общем, стесняется спросить у прохожих, по какой из этих дорог он попадёт к своим черепкам. И может пойти теоретически по любой

из них. По четвёртой слева или второй справа. А может по другой. А ещё может, пересилили свою застенчивость, всё-таки спросить у кого-нибудь правильную дорогу. И все эти варианты происходили где-то в бесконечности третьего измерения времени. Мало того, каждый из этих вариантов тоже делится на свои версии, а те ещё и ещё. Стоит где-то на углу улицы, пересекающейся с выбранной нашим интеллигентом дорогой, хулиган в нетрезвом состоянии. Увидел жаждущего приобщиться к культурному наследию гражданина, и думает: дать ему по морде, или не дать. Так вот, в одном варианте бытия он побил интеллигента, и вместо осколков глиняных черепков тот больше стал тревожиться об осколках своего собственного. В другом поленился преодолеть сорок восемь сантиметров, отделяющие его от потенциальной жертвы, а ещё где-то в бесконечности споткнулся, упал, падая заснул, и был доставлен нашим примерным гражданином в медвытрезвитель. В общем, дальнейших вариантов развития сложившихся обстоятельств так много, что если мы попытаемся построить их график на бумаге, то взяв любую точку на линейном измерении времени за начало, нужно во все стороны от неё провести столько лучей — возможных продолжений, что они полностью покроют всю плоскость листа. И ещё не все будут отражены. Поэтому представьте себе этот график начерченный в пространстве. Возьмем две единицы измерения: секунду и час. Секунду будем условно считать наименьшим значимым отрезком, а час — границей нашего графика. Из точки, взятой нами за начало отсчёта, проведём лучи одинаковой длины, условно равной одному часу. Если эти лучи получатся у нас достаточно тонкими, чтобы поместились все возможные варианты, то в своей плотности они составят сферу с радиусом в один час. Но через каждую секунду на каждом из этих лучей нам придётся рисовать такое же количество ответвлений и так далее. Уже и трёхмерного пространства для начертания такого графика будет мало, так как лучи на нём начнут между собой пересекаться нагромождаясь друг на друга и запутывая нас совершенно. Тогда, как в действительности они разбегаются тем дальше, чем больше отличий у временных вариантов. Помните мир-дерево из сна Аб-Салюта? Так вот, если наш график ощипать настолько, что его, пусть и с искривлениями, можно будет изобразить в трёхмерном пространстве, у двух этих конструкций наметится определённое сходство. При учёте того, что продолженные до бесконечности, все лучи вновь сойдутся к исходной точке. А исходной точкой на графике является каждая секунда, а в действительности ещё меньшие промежутки времени. И мы с вами уже знаем, что какими бы мелкими они не были, их можно разделить на ещё более мелкие и так далее. Так вот, если в случае с пространством я просил вас поднапрячь воображение и попытаться представить всё это нагромождение целиком, сейчас я не буду этого делать. Мало того, я настоятельно не рекомендую вам заниматься подобными вещами. И не о том, что у вас может не получиться я беспокоюсь, нет. А вот если вдруг получится, это уже намного хуже для вашего рассудка. Всё. На этот раз я ничего на потом утаивать не буду, а если вы спросите, где всё это располагается, то я отвечу, что не знаю. Скажу только, что если наше сознание движется по временной линии, то в сознании, то есть в информационном континууме время находится не может. Не только в нашем, но во Всеобщем Вселенском тоже. Оно ведь отличается от нашего только масштабами, а не качеством или сложностью. Поэтому оно тоже движется по линейному измерению времени, хотя и с совсем другой скоростью. Исходя из принципа замкнутой бесконечности, можно, конечно, предположить, что если пространство находится внутри сознания, сознание внутри времени, то время должно если не само размещаться в пространстве, то быть внутри чего-то, что внутри ещё чего-то, что в пространстве. Но об этом у меня нет никаких данных. Пока

Глава предпоследняя В ХАОСЕ

Итак, наш герой в подсознании демиурга. И не на самой его поверхности, где страна сновидений и грёз как пена морская на границе воды и воздуха, рождается от взаимодействия двух стихий — сознания и подсознания, а каждый пузырек её — сфера бытия. Белая пена скрывает тёмные неведомые и таинственные глубины, где законы иные, чем на воздухе и попытка человека дышать, а птицы — летать вызывает если не смех, то недоумение. Всё самое прекрасное, что есть в ясном мире воздуха и света пришло из этих мрачных глубин. Как и всё самое ужасное и безобразное. Здесь разум и логика — царствующая чета наверху, не имеют гражданских прав и подлежат немедленной депортации. Чтобы и в своём мире бояться быть свергнутыми лазутчиками из этих краёв — чувствами. Здесь гнёзда поэзии свиты рядом с норами безумия. Границы сильной державы этой одними своими оконечностями уходят в глубь мира материального, и инстинкты, живущие в этих краях добывают и экспортируют в страну сознательного лучшую житейскую мудрость — подлинное понимание законов природы. Другие же рубежи простираются к высям мира духовного, и добываемые там чистейшей воды бриллианты гармонии ценятся много выше, чем грубые ремесленные поделки рассудка. Здесь прародина цивилизованного джентльмена-разума, свысока поглядывающего на своего предка-варвара, но опасющегося его родительского гнева. И когда этот образованный молодой человек сталкивается с чем-то, что не по зубам ему, раз в полгода осматриваемым стоматологом и дважды в день чищенным зубной пастой, то бежит он за помощью к прадеду. И тот клыками своими звериными вмиг разгрызает любой крепкий орешек, грязным ногтем-когтем выковыривает лакомое ядрышко и с ласковой улыбкой, больше на оскал похожей, протягивает любимому правнуку. А он берёт, боясь рассердить старика, но есть, не помыв, брезгует.

Над всеми входами в эту страну я бы повесил предостережение для любопытных путешественников, похожее на то, что над воротами дантова ада: «Оставь рассудок, всяк сюда входящий». Потому, что целее будет. То же самое предупреждение не помешает и перед началом описания ощущений Гесвода, изложенным в этой главе. Пытаться понять их губительно для вашего рассудка, уважаемые читатели. Потому, что они — поэзия в чистейшем виде, не прошедшая цензуру здравого смысла и не облачённая в покровы рифмы, хотя бы немного защищающие от её смертоносно-безумного сияния. Ну, моё дело предупредить, как Минздрав, а ваше уже решать: стоит ли подвергать риску свой рассудок и читать эту главу или душевное здоровье дороже. А я прощаюсь с вами до эпилога. В дальнейшем повествовании мои комментарии будут излишни, да мне, собственно говоря, и нечего добавить...

«...Я — извращённая, гипертрофированная, бездарно-дерзкая пародия на картины Сальвадора Дали. Мой мозг — пыльная швейная машинка «Зингер», рассылает сигналы — резвые гусеничные тележки по бетонным магистралям нервных путей, медленно дрейфующим в зыбкой трясине тлеющего, гниющего, разлагающегося и возрождающегося для нового цикла болота плоти — моего тела. А по краям зловонной пузырящейся топи бодро улыбающиеся башенные краны шустро возводят кварталы новостроек — мои мысли. Сердце — дизельно-электронная микросхема, гонит по целлофановым трубам вен кровь — стеклянное крошево. Глаза мои плавают в кипящей кастрюльке с супом, вперемешку с моими же зубами, почками и кончиками пальцев с грязными нестриженными ногтями, а,

опять-таки, мой язык облизывает деревянную ложку, помешивающую это варево. И над всем этим бредовым пейзажем ярче тысячи солнц сияет луна — пластмассовый параллелепипед. Стоит вечная ночь, постоянно сменяющаяся то вечным утром, то вечным полуднем — седым голубоглазым старцем. И везде пустота такая, что вакуум рядом с ней — безвкусный натюрморт жадного фламандского живописца, изображающий свалку старья всех времён и народов. А из этой пустоты мириады чудищ различного вида, многоруких, многоголовых, многохвостых и многоколесных смотрят на меня своим каменным глазом, которого нет. Их разнообразие представляет весь диапазон гармонии, от невозможно прекрасного до безобразно уродливого. И шёпот. Громоподобный многоголосый шёпот на тысяче четырёх языках ласкает слух мой васильковым ароматом нежностей и терзает его кристаллами ругательств с бензоловым привкусом. А я понимаю все эти тысячу четыре наречия, которые раньше никогда не слышал. Шестьсот шестьдесят четыре ангела и ещё одна лишняя пара ангельских крылышек маршируют внутри моего правого глазного яблока под плачущие заунывные звуки флейты китайского императора, и на сильные доли мелодии показывают мне кукиш, высовывая свои руки из окна с резной рамой слоновой кости — моего зрячка, так, чтобы я мог видеть. Где-то далеко, почти на самых кончиках моих ресниц толстый розовый червь-гермафродит танцует эротические танцы, возбуждая у меня сильнейшую похоть по отношению к остальным семнадцати противоположным моему полам, четверть из которых — неживые и вызывают лишь отвращение и чувство голода. Как хлопья отравленного снега, порхают вокруг меня грубо выдранные страницы всех запретных книг всех миров, уже написанных, ещё нет, и тех, что никогда не будут написаны. Их строки жгут взгляд кислотой, но не дают отвести глаза, и пламя яда медленно продвигается по догорающему фитилю зрительного нерва к пороховой бочке мозга, на дне которой стеклянная стрекоза откладывает личинки и нежно о них заботится. Вуаль, за которой все тайны мира, дрожит и из-за неё слышатся громкие звуки физиологического происхождения вперемешку с глупым хихиканьем. Вдогонку быстро летящим дождевым облакам проносятся орды звероподобных всадников с одинаковыми каменными лицами, на которых застыла загадочная улыбка, излучающая радиацию. Муравьиный фюрер танцует чардаш с жирной и лучезарной черепахой, и им нет дела до смертельной болезни, давно поразившей обоих. Те, кто так долго ждали трубного гласа, наконец его дождались. Их ноги сами собой пускаются в пляс под его заводной ритм. Жёлтые прокуренные зубы жизни с хрустом перемалывают их мёртвые полуразложившиеся органы, а влажные губы с хлюпающим звуком выплёвывают своих обновлённых адептов для новых чувственных наслаждений и мук... И если вы думаете, что всё это происходило последовательно, одно за другим, то вы ошибаетесь. Всё это не происходило, а было явлено мне в готовом виде сразу, одновременно. Потому, что здесь нет времени. Так вот, каковы на вкус вы, безумия терпкие плоды! Или нет? Ведь я же остался прежним, а мир сорвался с катушек. А мир это то, что за пределами меня. Значит со мной всё в порядке. А почему же всё вокруг такое непривычное? А каким оно должно быть? Не помню. А нет, вспоминаю! Смутно пока ещё, но вспоминаю. Когда-то давным-давно я был... Кем? А, человеком! И ещё раньше — кем-то другим. А после того, как я был человеком, я умер. Но всё не закончилось. Я стал другим, но остался собой. Всё! Вспомнил! Я — Гесвод. Я в подсознании Спящего Джинна. И не давно, а только что сюда попал. А всё-таки время здесь есть. Но только внутри меня. Я мыслю, значит состояние моего разума изменяется во времени. Значит, есть оно, время. Внутри. А снаружи всё так же, как и в тот миг, когда я сюда попал. Я был в последнем сне Аб-Салюта, а вот и сам он, я чувствую его в недрах

своего тела. Так, а какое у меня должно быть тело? Помесь супового набора с конструктором «Сделай сам», разбросанная по всему мирозданию, каким я вижу его здесь, или совсем другое? Ага, вспоминаю. Туловище, голова, две руки и две ноги. И всё это из полупрозрачной субстанции, из которой состоит реальность страны мёртвых. Потому, что материального тела у меня нет. Сначала проверю руки. Я попытался поднести кисти к глазам. Мир вокруг меня отреагировал на это мысленное усилие тем, что орда каменноликих всадников разделилась на два рукава, которые сделав по небольшому крюку развернулись и помчались прямо на меня. Я видел, как они вбегают в то место, где в нормальном мире должно бы находиться моё тело и исчезают из вида, пересекая линию, проходящую через мои зрачки. Я пошевелил пальцами. Это действие представилось мне как ускорение ритма марширующих ангелов. Ничего утешительного. Далее я попробовал опустить голову и посмотреть на своё туловище и ноги. От этого движения мир закружился вокруг меня, но не по вертикали, а по горизонтали, и когда я остановил взгляд, по моим расчетам направленный вниз, окружающая действительность сделала полных витков семь-восемь, и остановилась ко мне тем же боком. Повороты головы налево и направо давали те же результаты. Причём, ни скорость моего движения, ни величина его угла не имели значения. Я сделал шаг вперёд. Пока я находился в движении мои ощущения напоминали падение с беспорядочным верчением во всех направлениях одновременно, а когда остановился, то что окружало меня ранее бесследно исчезло, и я увидел совсем другую картину, не менее безумную. Я стоял посреди песчаной пустыни, которая находилась на внутренней поверхности сферы, так как горизонт загибался вверх и исчезал за фиолетовыми облаками. Песчинки медленно отрывались от грунта и плавно падали вверх, как дождь или снег, только наоборот. И ещё они пели. Все, и каждая свою мелодию. Но их пение не сливалось в монотонный гул, а я отчётливо различал каждый мотив, как будто у меня было несколько миллионов ушей, и на каждое ухо по отдельному звуковоспринимающему участку мозга. Зато здесь я обзавёлся своим телом совсем привычного вида. Я снова был самим собой, и все двадцать четыре пары щупалец были послушны сигналам моих трёх головных, двух поджелудочных, и одного хвостового мозга. Стоять и глазеть на падающий вверх песок мне надоело, и я раскинул свои мощные перепончатые крылья и взлетел, легко скользнув по песку брюшным панцирем. Вначале я думал, что разгадал секрет этого сумасшедшего континуума. Когда стоишь на месте — видишь одно и то же, в какую бы сторону не смотрел. Во время движения, не важно с какой скоростью, наблюдаешь только бешеное мелькание, как при падении кубарем с крутого склона. А остановишься — вокруг тебя уже совсем другой пейзаж. Иногда обыкновенный и привычный, например слоёный мир, каждый из семи слоёв которого был иного цвета, совсем как в моём родном складе ЛЬ 16, где я родился и прожил все свои девять жизней и занимался почётным ремеслом созерцателя горения туалетной бумаги. А порою вообще дикий — взять хотя бы вот этот. Только большое воображение свихнувшегося снегодобывающего комбайна могло представить трубчато-коленчатый мир, на внутренней поверхности которого без конца и края росли зеленые деревья с ярко-алыми, и вы не поверите — круглыми, да-да, именно круглыми плодами! Но во время одной из остановок вращение мироздания не прекратилось, а потом ещё я долго полз по оранжевым остроугольным облакам, обдирая в кровь свои уставшие ложноножки, но не сдвинулся ни на сантиметр. И мир вокруг не менялся до тех пор пока я обессиленный не рухнул в какую-то воздушную яму и забылся на некоторое время. А когда очнулся, обнаружил себя медленно плывущим в толще ртутно-серебристых вод. Пузырьки,

стремящиеся ко мне со всех сторон, приятно щекотали броню моей чешуи, а мой мощный хвост-пропеллер создавал позади вихрящийся сиреневый след, попав в который растворялись даже прозрачные птицы...

Как я осознал потом, на протяжении своего долгого пути к Центру Незыблемости я непрерывно менялся. Иногда ежесекундно, а порой чуть реже. Я побывал сотнями разных существ с разной памятью. Получая новую сущность я напрочь забывал все прежние и осознавал себя только тем, кем был в данный момент. А знание о Центре Незыблемости придя ко мне с одной очередной переменной внешности, личности и окружающей среды оставалось во мне до окончания пути. Потом я вспомнил все личности которыми я побывал и долго приходил в себя, отдыхая и выдвигая на первый план сознания свою настоящую память — память Гесвода. И обрабатывал знания, полученные мной от тех, в кого я превращался. Это происходило в том самом Центре Незыблемости о котором я уже упоминал Этот Центр — вовсе не место в пространстве или чём-то ему подобном. Это особое состояние ума, когда осознаёшь, что всё окружающее всего лишь иллюзия и неважно, что ты видишь, слышишь, обоняешь и ощущаешь. Неважно даже то, кем ты себя помнишь, потому, что это тоже внешняя иллюзия. Главное — ты существуешь, осознаёшь своё существование, но в отличие от Безымянного из моей первоначальной иллюзии, которую я на протяжении всей своей памяти считал действительностью, ощущаешь ещё и время. Только оно не является таким, как в моём прежнем представлении — потоком разномасштабных событий, записываемым на Всеобщее Информационное Поле. Или уже записанным до самого конца и читаемом осознающим себя индивидуумом с той скоростью, на которую он способен. В Центре Незыблемости время — череда сменяющих друг друга мыслей, но не однолинейная, а бесконечно разветвлённая. Как будто за тебя мыслят одновременно все существа всех мирозданий, а ты воспринимаешь их мысли — все одновременно — как свои собственные.

Я чувствовал себя сразу всеми, но не по очереди, как если бы я был каждым из существ всех вселенных, одними раньше, а другими позже, но был самым собой, знающим и чувствующим, каково это — быть всеми другими. Моя прежняя гигантская память, хранящая каждую секунду всех моих воплощений от рождения моей души до настоящего момента стала казаться песчинкой в горе песка, наполняющей всё бытие от края и до края. И каждая из песчинок этой горы — чья-то память — была моей. Я помнил всё. И это не казалось мне таким уж огромным объёмом. Ведь по сравнению с тем, что ещё предстоит, эта гора сама была маленькой крупинкой в мешке бесконечности. Моменты высшего экстаза и томительные минуты пыток, пережитых кем-нибудь в любой из систем бытия, придуманных мною, вспоминались как мои собственные переживания, только с полнейшим холодным равнодушием. Ведь это я сам придумал, что такое-то состояние — блаженство, а вот такое-то — муки. Поэтому оно и казалось придуманным мною личностям — мне самому в каждом отдельном, отгороженном от других глухой стеной беспомысленности мироощущении — настоящим, реальным и единственно возможным. Я играл в уме в виртуальную игру посредством своего воображения, по правилам, придуманным мною самим, и сам я следил за строгим соблюдением их мною. А игра эта — то что называется бытием. А существует оно только в моём воображении. На самом же деле вообще ничего нет — ни окружающей действительности, ни меня самого. Я только кажусь самому себе вместе с декорациями — тем местом пространства, где я якобы нахожусь. Так было во всех иллюзиях, которые я считал своими жизнями, и не только я — Гесвод, но и я — любой другой. Так есть и здесь, в

Центре Незыблемости. Потому, что всё, здесь находящееся — незыблемо. А незыблемым может быть только полное и абсолютное небытие — отсутствие как чего-либо, так и кого-либо, это отсутствие осознающего. Ибо всё возникшее может исчезнуть, всё созданное — разрушиться, а всё сущее — перестать существовать. И только ничто неподвержено изменениям. Оно вечно, бесконечно, оно везде и нигде, и оно единственно возможное при любых обстоятельствах. Оно и есть Центр Незыблемости.

Глава последняя АЛЬФА И ОМЕГА

Когда я привык к ощущениям пребывания в Центре Незыблемости, или иными словами в ничто, я постепенно вновь стал осознавать себя только Гесводом и никем больше. Хотя память других личностей была мне по прежнему доступна, я приписал это обстоятельство той причине, что отсюда наверно открыт доступ ко всему Всеобщему Информационному Полю и я помню всё, что происходило внутри информационного пространства Аб-Салюта.

Кстати, об Аб-Салюте. Мой пленник исчез непонятно куда вместе с моим телом или его каким-нибудь заменителем. До сих пор у меня всегда имелся хотя бы маленький кусочек мироздания, который я считал собой. Будь то физическая плоть человека или тха-эттонца, энергоинформационная сущность призрака — путешественника между мирами-снами, металлический корпус робота — освободителя Атха или какой-нибудь огненный иероглиф заднего мира. Даже сразу после смертей, когда я бывал абстрактной не имеющей размеров точкой, и то я ощущал себя как объект, находящийся в определённом, или пусть даже не совсем определённом месте. Здесь же я был нигде, то есть, никакой связи с чем-либо находящимся за пределами меня не ощущалось. И вдобавок я ещё знал, что там ничего нет. Я был сознанием Гесвода, находящимся в сознании Гесвода, которое в свою очередь тоже внутри сознания Гесвода, и так далее до бесконечности. Ни света, ни тьмы, ни тепла, ни холода, ни звука, ни тишины — вообще ничего, только мысли и знания. У меня не осталось никаких неясностей по интересовавшим меня прежде вопросам. Я вспомнил всё, чего никогда не знал. Аб-Салют, которому снилось наше мироздание, снился сам себе в своём сне, и тот мир, который я считал его реальным миром, был на самом деле миром первичного сна настоящего джинна Аб-Салюта. А в его реальном мире джиннов создали люди далеко ушедшей по сравнению с человечеством Земли цивилизации, как существ-слуг. Эта сверхцивилизация пошла не по техническому, а по психологическому пути развития. А Икхетол — это первичная оболочка любого джинна, его кувшин, его яйцо, его предмет воли, от которого джинны в мире первичного сна настоящего Аб-Салюта освободились и стали независимыми. Только утратили свой смысл существования и не знали, что делать с полученной ими по глупости свободой, а обратно в кабалу своего Икхетола идти боялись. Как человек в физическом воплощении боится смерти, и не помня ни своего предназначения, ни настоящего имени цепляется за жизнь, и, подчиняясь инстинктам тела, творит иногда глупости во вред себе настоящему. Мир же реальный для настоящего Аб-Салюта был виртуальной игрой ещё более развитой цивилизации, но не людей, а бестелесных сущностей, которые свободные от каких бы то ни было потребностей, маялись от скуки, пока не придумали себе такой аттракцион. А их мир в свою очередь снился в наркотических грезах дикарю из реальности, где существование почти невыносимо, а смерти не существует вообще. И только раз в год каждый имеет право выкурить трубку с собираемой их шаманами редчайшей, и поэтому драгоценной травой — сильнейшим галлюциногеном и на одну только ночь погрузиться в очень быстротекущие сны, когда за несколько часов спящий переживает вечность внутри себя. Этот мир не снится никому, он наяву придумывается психопатом-садистом из человечества очень индустриально развитой расы, чья экология так запущена, что рождение ребёнка без физических и психических отклонений случается один раз в два-три века. Они снятся в кошмарном сне совестливому промышленному магнату из реальности, почти идентичной нашей. А тот живет в одной из

выдумок непонятого существа, которое мне иногда представляется мной самим, но уже через секунду я не могу в это поверить. Потому, что существо это по всем своим возможностям совпадает с представлением людей о божестве. Этот кто-то вечен, всемогущ, он везде и нигде. И он — всё бытие в целом и одновременно самая глубинная и потаённая сущность каждого отдельного индивидуума. Я чувствовал себя им, в первые мгновения моего пребывания в Центре Незыблемости, но потом я как-то снова стал только самим собой. И хотя что-то в глубине души робко указывало мне на регрессивность моего возвращения к нормальной самоидентификации, но я боялся это признать. Вспомнив действительное положение вещей во многих мирах над моей реальностью, я уже не мог объяснять это доступом к всеобщей памяти Аб-Салюта, потому, что в ней не могло содержаться сведений о мире над его бытием. Получается, я уже не в его подсознании, а где-то в совсем другом континууме. Причём в таком, который над всеми остальными. Я в сверхреальности, и эта сверхреальность — ничто. Все знания, которые я вспомнил, находясь здесь, не получены мною откуда-то со стороны, а сообщает мне их кто-то из самой глубины меня самого. Тот, кем я себя почувствовал, в начале моего нахождения здесь, а потом из-за непонятого страха загнанный обратно в глубь меня. Я не знаю точно, сколько времени я уже нахожусь в сверхреальности, может несколько секунд, а может вечность. Я только понимаю, что время движется, но вот с какой скоростью... А этот кто-то внутри меня постепенно открывает мне все знания бытия. А он ими обладает, так как он сам их все просто-напросто придумал. А вернее будет сказать, открыл он мне все знания сразу, а постепенно открывает их понимание. Потому, что сразу мой разум — разум Гесвода отказался воспринять их. И я не знаю, сколько времени уже ушло и ещё уйдёт на полное их понимание, но те миллиарды и миллиарды лет моей памяти — того что я испытал будучи только и единственно Гесводом уже кажутся мне далёким ранним детством, вспомнившимся глубокому старику...»

Вечность спустя...

«...И тогда тот, кто внутри меня, наконец предстал перед моими глазами. Я ощутил себя сидящим в кресле, в комнате с камином, полностью занимавшем одну из стен. На двух других стенах висели шкуры разных животных, не всех из которых я смог определить, а последняя оставшаяся представляла собой окно, выходящее в ничто. Именно в ничто, потому, что то, что за окном не было даже пустотой. И в глубине души я уже начинал смутно догадываться, что не важно, какой мне видится эта комната. Потому, что она могла предстать мне бесконечно более огромной, и заполненной неисчислимым множеством обитателей, а могла простираться не дальше поверхности моего зрачка и быть абсолютно пустой. Так же, как и тот, кто сидел напротив меня в кресле на том конце небольшого, но массивного стола и улыбался. Он мог быть миллиардами и миллиардами различных существ или моей внутренней сущностью. Сейчас он предстал мне мальчиком лет десяти-одиннадцати. И хотя я уже почти ясно понимал, кто он, но что-то внутри меня до сих пор сопротивлялось этому пониманию. Это что-то оформилось в мысль: «Не может ведь быть, чтобы всё оказалось настолько просто!». Поэтому я спросил его:

— Кто ты?

— Ты же знаешь, — ответил мальчик обычным для его внешности голосом. Голосом десятилетнего ребёнка. — Ну ладно, пусть это прозвучит из моих уст. Я — бог. Единственный сущий, в общем, тот самый. Но это только чтобы тебе понятнее было, что я за фрукт. А так, я — просто «Я».

И я знал, что это так, но продолжал упрямо сопротивляться. Я стал пытаться его глупыми

вопросами, подсовываемыми мне услужливой памятью:

— Если ты всемогущий бог, то сможешь ли ты создать камень, который сам не сможешь сдвинуть с места?

— Запросто! — мальчик оживился. Ему даже понравилась такая игра. — Я создам камень, который заполнит всё мироздание до последнего микрона. И у меня хватит силы зашвырнуть его так далеко, как я только захочу, но его некуда будет сдвинуть даже на немного.

— А если ты вечен и всемогущ, то можешь ли ты перестать существовать, если захочешь, хватит ли твоего всемогущества на это?

— Конечно. И я уже так делал. — Ответил мой собеседник.

— Но тогда получается, что ты не вечен, раз можешь не существовать! — обрадовался я.

— А вот и нет! Вечность внутри меня. Когда я перестаю существовать, кончается и вечность.

— А скажи тогда, — спросил я уже серьёзно, — это мой самый важный вопрос. Он не давал мне покоя всю жизнь.

— Ну, — подбодрил меня «Я», — спрашивай.

— Если ты и есть причина всех причин, то откуда ты сам появился? Есть ли причина твоего существования?

— Ты всё ещё мыслишь человеческой логикой. По-твоему, чтобы что-то возникло, должна быть на это причина. А я появился, потому, что не было причины мне не появиться. Первопричине не из чего вытекать, до неё ничего не было. И поэтому она вытекает из своих следствий. Если бы ничего не было, то не было бы и первопричины. А так, как всё существует, значит первопричина была. Она равновозможно могла возникнуть и могла не возникнуть. Всего два варианта. Но сработал первый, и она возникла.

— А для чего ты создал всё? — задал я ещё один вопрос.

— А я ничего не создавал. Все, что есть, только кажется мне, тебе, всем другим. Я всё это придумал, чтобы чем-то заполнить вечность.

— Тогда получается, что меня нет, как и всех других? Если мы все тебе только кажемся.

— Почему нет, есть. Ты есть, потому, что ты — это я. И все другие — тоже я. Неужели ты до сих пор ничего не понял? Ты — это я, лишенный мною самим всей прежней памяти и ставший чистым листом. Таким ты появился на свет в окружении придуманных мною специально для тебя — того меня, которого я назвал Гесводом — декорациях. Все твое бытие — это всего лишь правила игры, которые я придумал. Все эти шахи, аб-салюты и икхетолы — только оправдания твоего существования в кажущимся тебе мироздании. На самом деле мир — это всего лишь твоя мысль, выдумка, греза. Чтобы не было скучно. И вдруг всё исчезло, и я остался один в пустоте, которая не была пустотой. А была она небытием. И тут до меня дошло! Я понял всё! Я — Единственный. Я — «Я». И я — Гесвод. Я — Аб-Салют. И автор, пишущий о приключениях сознания Гесвода и читатель, чьи глаза пробегают по этим строчкам, равно как и тот, кто не дочитал книгу и бросил — тоже я. И многие другие люди, не совсем, и совсем не люди, о существовании которых я и не подозреваю, как и они о моём, все они тоже я. Лев, терзающий антилопу и антилопа, терзаемая львом, оба они — это я. Есть только я, всё остальное мои грёзы. Я, разделённый на мириады отдельных личностей, не осознающих своего единства, один большой безымянный «Я». Я нигде. Замкнутый в самом себе, висящий посреди небытия и несуществующий для него так же, как оно для меня. Потому, что небытие — это второй

возможный вариант, а я — первый. Я — бытие.

Вот так, уважаемые читатели, и закончились приключения сознания Гесвода. А мне осталось только исполнить одно своё обещание. В главе первой я обещал рассказать, каким образом ко мне попала история Гесвода. Сделаю я это двумя разными способами. А вы уж сами решайте, какой из них выбрать. Способ первый: всё это от начала до конца я просто-напросто выдумал. Способ второй: когда Гесвод стал Единственным «Я», вернее осознал, что был им всё время, как, впрочем, и любой из нас, он стал, как говорится, жить-поживать и геморрой наживать. И вот однажды вспомнил он свою последнюю жизнь на Земле, и решил послать весточку бывшим соотечественникам. И сделал он это таким образом: запустил во всеобщее информационное поле свою славную трудовую и боевую автобиографию, с тем, чтобы этот набор информации «придумался» кому-нибудь. И так получилось, что этим фантазёром совершенно случайно оказался я. Ведь не сам по себе весь этот бред каким то образом возник в моей голове. Или вы думаете, что я сумасшедший? Ну ладно, замнём для ясности. Вот и выходит, что вся эта история от начала и до конца правда, и ничего, кроме правды. И неважно, что в нашей с вами реальности нет в России города Сивокобылинска, в списках горожан которого значился бы Агапон Кузьмич Котовасин, 1967 — 2000 гг. жизни. Где-то в бесконечности вариантов реальности все упомянутые в этой повести факты имели место. А Гесвод отправил свою историю во все миры, реальности, континуумы и другие территориально-административные единицы бытия. Ведь для него теперь это — раз плюнуть. Он теперь — «Я». Что? Скажете, может быть, что «Я» — последняя буква в алфавите? Действительно, последняя, но это с какой точки зрения посмотреть! Вот выйдите в чисто поле, где нет никого, чтобы не смущать народ зря, и ораните-ка эту буковку во всю мощь своих легких:

— Я-а-а-а!

Что вы слышите? Не то же самое ли, что слышу я? Во что постепенно, плавно и незаметно переходит этот громогласный крик? В какую букву? Правильно, в «А»! Круг бесконечности замкнулся, помните? Как вы думаете, случайно ли буквы в нашем алфавите расставлены именно в таком порядке? Или тот, кто расставлял их, тоже знаком с теорией замкнутой бесконечности? Ведь в древние времена буквы были не только графическими символами звуков, а имели ещё и магический смысл. Но мы не станем сейчас гадать, какой именно, пусть это послужит темой какой-нибудь другой истории, а нашей подошёл

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net